

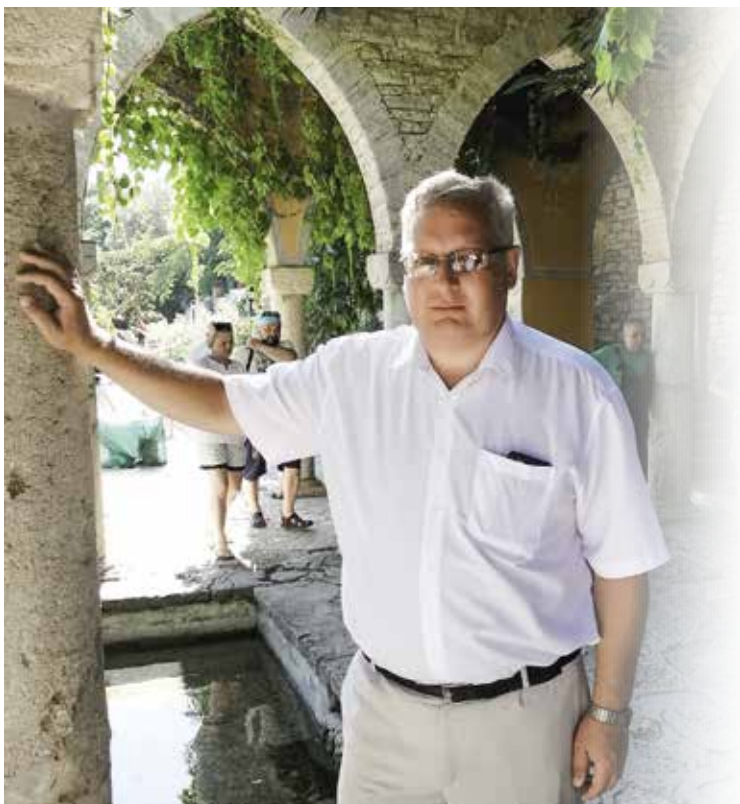
АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 10 (37)

октябрь, 2019

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен октябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ», в котором опубликованы произведения белорусских писателей, историков, литераторов и краеведов.

Расширяя географию проекта, «Александръ» открывает перед вами многогранность и разнообразие талантов замечательных людей, проживающих на красивейшей, благодатной белорусской земле. Беларусь любят за радушие и за волшебный воздух, за улыбки жителей, за доброту, которую дарит своим гостям эта страна. Мы же предлагаем полюбить её за самобытную, неповторимую литературу и красивый, поэтичный язык.

Белорусские писатели получают новую площадку для реализации своих творческих планов, возможность стереть земные границы и привлечь новых читателей.

Хотелось бы выразить особые слова благодарности замечательной чете писателей – Сергею Трахимёнку и Инне Фроловой, благодаря которым был подобран материал для этого издания.

Желаем вам, уважаемые писатели и читатели, никогда не сомневаться в себе и воплощать самые яркие и оригинальные идеи. Пусть данный вам талант раскрывается во всех гранях, а творческая энергия будет мощной и нескончаемой.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

Нынешний номер журнала выходит в год 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

Эта важная дата для белорусской нации является символом стойкости и независимости. Празднование её – ещё один повод вспомнить о героизме белорусского народа в те годы.

Великая Отечественная война до сих пор «живёт» в нас – генетически, подсознательно, передавшись от родителей и людей старшего поколения. Боль, которую они пережили, даже через много лет после тех страшных событий эхом отражается в сознании.

Оккупанты убили каждого третьего жителя нашей республики и сожгли 100 465 промышленных объектов, оборудование многих из которых, так же как и скот, и продовольствие, вывезли в Германию. На территории республики немецкими оккупантами было создано 260 лагерей смерти. В них погибло 200 тысяч человек. Были насильно вывезены в Германию сотни тысяч жителей. Верхом человеконенавистничества оккупантов было создание в 14 населённых пунктах центров по отбору крови у детей от шести лет для раненых немецких солдат и офицеров.

Тысячи детишек, умерших от потери крови, сожгли в печах или закопали в землю. На территории республики большинство школ, медицинских учреждений были разрушены. Гитлер считал, что в живых должно остаться 25% белорусов, которых можно онемечить и использовать как рабов.

Разумеется, те события не могли не найти отражения в произведениях белорусских писателей. Общая для народов СССР трагедия, развернувшаяся в том числе на территории тогдашней Белоруссии, сплотила их для отпора агрессору и дала пищу будущим поколениям для творчества во имя мира, который нужно сохранить.

Я видел войну детскими глазами, будучи ещё совсем маленьким, – во время работы над своими книгами я использую не только документы, но и личные впечатления. Острые и болезненные воспоминания о том, как вешали молодую женщину и её двухлетнего ребёнка на глазах толпы, как расстреливали взрослых и детей, остались в памяти навсегда.

Память о войне должна жить вечно, иначе всё, что происходило тогда, повторится. До сих пор Беларусь открывает новые имена героев, которые защищали родную землю и отдали за мир свои жизни.

За 75 лет многое в стране изменилось. Минск, превращённый в руины, заново возродился и выглядит как современный европейский город. Модернизировалась белорусская экономика. Но в то же время люди постоянно должны думать о том, чтобы всё, что произошло тогда, никогда не повторилось.

В последнее время на Западе всё чаще находятся политики, которые, чтобы обелить фашизм, пытаются переписать историю Второй мировой войны. Тем более что наследников фашизма сегодня становится всё больше и больше. Другие, которые сами имели отношение к фашистским преступлениям или имеют таких родственников, тоже не прочь скрыть тот факт, что в победу над фашистской Германией самый большой вклад внесли именно народы Советского Союза.

Никуда не денешься и от локальных войн. Мы видим, что творится на Ближнем Востоке, в соседней Украине: люди, не желающие спокойствия в своих странах, поддерживаемые Западом (так называемый четвёртый сектор), прорываются в массы и устраивают революции, приводящие не к обещанному благу, а к гибели людей.

В такой ситуации белорусскому народу приходится не только помнить о том, какой ценой досталась Великая Победа, но и действовать – развивать экономику, укреплять армию, способствовать политической стабильности в стране, поддерживать атмосферу доверия и доброжелательности в обществе.

Союз писателей Беларуси активно взаимодействует со своими коллегами во многих странах, но самые прочные, самые массовые связи, конечно, с писателями и читателями России.

Белорусские писатели публиковались во многих изданиях братской России: это журналы «Наш современник», «Дон», «Подъём», «Сибирские огни», «Радуга», «Роман-газета» и др.

И сегодня читатели ознакомятся с их творчеством на страницах журнала «Александръ».

Любой писатель, создающий достойные произведения, вкладывает в них душу, собственное понимание событий своего времени и истории. Не являются исключением и белорусские писатели.

Читайте! Вы не пожалеете времени, затраченного на знакомство с нашими авторами.

Николай Иванович ЧЕРГИНЕЦ,
почётный гражданин г. Минска,
заслуженный деятель культуры Республики Беларусь,
председатель ОО «Союз писателей Беларуси»

Журнал издан в рамках проведения пленума союза писателей Союзного государства.

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

В. И. ПОПКОВ (Мичуринск), почётный профессор МичГАУ, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор Агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 10 (37), октябрь 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 10.09.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,
393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

Фото – Владислав Цыдик

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ

- 7** Виктор Ермолович.
Об истоках белорусской нации
и государства

ЛЮДСКАЯ БОЛЬ

- 22** Николай Чергинец.
Операция «Кровь»

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

- 25** Сергей Трахимёнок.
Родная кровиночка

ПОЭЗИЯ

- 37** Михаил Поздняков
38 Инна Фролова
40 Леонид Богданович
42 Наталья Советная

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

- 44** Александр Плавинский.
Война 1812 года. Долгиново

ГЕРОИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

- 47** Валерий Чудов.
Неси свой крест, священник!

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 53** Валерия Исакович.
Я смеюсь и пою сентябрю...
54 Владимир Ашурко.
Простые вещи
56 Светлана Быкова
58 Микола Шабович

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 60** Лидия Шагойко.
Круги судьбы и творчества
Яна Скрыгана

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 64** Екатерина Стройлова
65 Анна Чумакова
67 Валентина Поликанина

РОДНЫЕ МЕСТА

- 69** Татьяна Ушилова.
Где возрождалось белорусское слово

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

- 72** Ирина Мышковец.
Максим Богданович – выпускник
Ярославской мужской гимназии

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

- 75** Анатолий Труба.
Две родины

ФАНТАЗИЯ

- 83** Юрий Юлов.
Непотребные люди

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 87** Наталия Костюченко.
Время и возраст

МИР ДЕТСТВА

- 92** Елена Стельмах.
Паучок Славик

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Всероссийский конкурс
журналистов «Патриот
России-2019»

ОБ ИСТОКАХ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА

*Светлой памяти моего
преподавателя истории Беларуси
доцента Н. Г. Гневка посвящая*

Предки современных белорусов, как и всех восточных славян, уже тысячу лет назад составляли единую древнерусскую народность в границах единого Древнерусского государства – Киевской Руси. Этот факт сохраняется в исторической памяти не только белорусского, но и русского народов. У большинства современных исследователей истории не вызывает сомнений, что все славяне на территории Восточной Европы составляли единый народ, и это находит своё отражение в «Повести временных лет» – древнейшем источнике по истории восточных славян. Из этого следует, что идея белорусской государственности имеет общерусские корни и восходит к истокам древнерусской государственности. Именно данный факт позволяет понять приверженность современных белорусов идее общерус-

ского единства в форме создания Союзного государства Беларуси и России.

Белорусская народность начала формироваться в эпоху Средневековья на основе четырёх славянских племён: кривичей, радимичей, дреговичей и бужан. Эти племена проживали на значительной территории современной Беларуси. На северо-западе Беларуси (Значительная часть территории Гродненской области. – Прим. автора) проживали ятвяги – представители балтских племён.

Наиболее многочисленным и сильным в военно-политическом отношении был племенной союз кривичей. Они и стали основателями Полоцкого княжества, которое известно из письменных источников с IX века. Анализ летописных и археологических источников по истории Полоцкого княжества позволяет сделать вывод, что г. Полоцк в землях восточных славян по своим размерам и численности населения несколько уступал только Киеву и Новгороду. Важную роль в его развитии сыграл

Виктор ЕРМОЛОВИЧ

Писатель, историк, юрист. Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства. Кандидат исторических наук, доцент. Автор 17 книг, в их числе – «Огнём и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.)» – Минск, 1994 (в соавторстве с С. В. Жумарем); «Право средневековой Сербии (XII–XV вв.)» – Минск, 2003; «Необъявлені рат: деловање римокатолічко-польске ілегалы у Беларусі ў 1939–1953 годзіне» – Шабац (Србије), 2003; «Государство и право средневековой Чехии (IX–XVI вв.)» – Saarbücken (Deutschland), 2015; «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939–1945 гг.)» – Мінск, 2015; «Беларусь. Шлях да Вялікай Перамогі» – Мінск, 2019 – и др. Награждён медалью Союза писателей Беларуси «Максім Багдановіч», лауреат премии министра обороны Республики Беларусь в области литературы и искусства (2019 г.).

тот факт, что Полоцкое княжество находилось на территории, где проходил важнейший транспортный и торговый путь эпохи раннего Средневековья «из варяг в греки», который связывал народы северной и южной Европы. Это была серьёзная предпосылка для становления и развития нового государственного образования – Полоцкого княжества, которая была обусловлена его геополитическим положением. По имеющимся историческим сведениям, Полоцкое княжество вошло в состав государства восточных славян – Киевской Руси – одновременно с Новгородским и Киевским княжествами. В древнерусских летописях нет упоминаний о военных конфликтах в связи с указанным историческим событием. Вероятно, между Полоцком и Новгородом уже в те далёкие времена правления князя Олега существовали союзные отношения. При этом достоверным является тот исторический факт, что в начале X века на территории современной Беларуси применялся «Закон Русский» – источник права восточных славян, нормы которого нашли своё отражение в договоре Киевской Руси с Восточно-Римской империей 911 года. Это даёт нам серьёзные основания считать, что нормы «Закона Русского» уже на протяжении всего X века имели правоприменение на белорусских землях. В пользу этого свидетельствует и содержание договора Киевской Руси с Восточно-Римской империей 907 года, где были юридически закреплены требования великого князя киевского Олега в отношении Восточно-Римской империи: «И указал Олег дать (своим) воинам на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, и потом давать содержание прибывающим из русских городов: прежде всего из Киева, а также из Чернигова, Переяславля, Полоцка (*курсив автора*), Ростова, Любеча и прочих городов, ибо по тем городам сидят подвластные Олегу князья» [Памятники русского права. В 35 т. – Т.1: Памятники права Древней Руси / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. – М., 2013. – С. 406]. В договоре великого князя Олега с Восточно-Римской империей 907 года среди других русских городов, имевших право на дань, Полоцк назван не случайно. В походе русичей 907 года на Константинополь принимали участие племена, проживавшие на территории современной Беларуси, – кривичи и радимичи.

Под 980 годом в летописи упомянуты два княжества, которые существовали на территории Беларуси, – Полоцкое и Туровское. В Полоцке княжил Рогволод, а в Турове – Тур, от него, сообщает летописец, пошло название населения края – туровцы. В результате гибели великого князя Святослава на киевский престол сел его сын Ярополк. Другой сын, Владимир, обосновался в Новгороде. Между братьями началась борьба за власть. Полоцкий князь Рогволод готовился выступить на стороне Ярополка. Однако князь Владимир нанёс упреждающий удар. Он двинулся на Полоцк, захватил его, убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнеду взял в жёны.

Воспользовавшись распрями между великими князьями, радимичи предприняли попытку отказаться платить дань Киеву. Однако, утвердившись на киевском престоле и укрепив свою власть, князь Владимир в 984 году направил свою дружину в земли радимичей. Воевода по имени Волчий Хвост разбил радимичей на реке Пищане (недалеко от современного г. Славгорода) и заставил их снова платить дань. В 983 году Владимир совершил успешный поход против ятвягов и присоединил часть их земель к Древнерусскому государству. Окончательное вхождение современных белорусских земель в состав Киевской Руси произошло в 1019 году, когда на западных рубежах государства был основан г. Брест.

Древнерусские летописи дают нам представление о возникновении городов на территории Беларуси. Наиболее древний г. Полоцк – первое упоминание в летописи приходится на 862 год, хотя он намного древнее, т. к. города в один год не появляются! Первое упоминание о г. Турове приходится на 980 год. Излагая события XI века, летописи сообщают нам уже о наличии 12 городов, в их числе Брест (1019 г.), Витебск (1021 г.), Браслав (1065 г.), Минск (1067 г.), Друцк (1078 г.), Пинск (1097 г.) и другие. В основном эти города были резиденциями местных удельных князей. Многие из них возникли как пограничные крепости или феодальные замки. Например, столица современной Беларуси город Минск, которому уже 952 года от первого упоминания в летописи, возник как город-крепость на южных рубежах Полоцкого княжества. Археологические раскопки показали, что Минский замок в XI веке занимал территорию в 3 га и имел мощные укрепления. Земляной вал Минска имел ширину у основания 25 м, высоту – 10–12 м. По валу шли двухъярусные деревянные стены. Въезд в замок защищали мощные деревянные башни. Некоторые крепости в этот период дополнительно укреплялись глубоким рвом. В XII веке на территории Беларуси начали появляться каменные крепости. Одним из таких укреплений был замок города Гродно.

Полоцкое княжество одним из первых вошло в состав Древнерусского государства.

Однако в период феодальной раздробленности Полоцкое княжество в числе первых обрело и фактическую независимость от Киева уже в первой половине XI века. Ещё в конце X века великий князь Владимир передал владение Полоцком своему сыну от Рогнеды, Изяславу. С этого времени в городе и княжестве прочно утвердилась династия Изяславичей. Уже сын Изяслава, Брячислав (1003–1044 гг.), не желал признавать власть своего дяди, киевского князя Ярослава Мудрого, и, по словам летописца, «вся дни живота своего» воевал с ним. Дело дошло до того, что в 1021 году он напал на Новгород и разграбил его, захватив большую добычу. На обратном пути он был настигнут войсками Ярослава и разбит на реке Судомири. Однако, не желая обострять отношения с сильным полоцким князем, Ярослав уступил ему города Витебск и Усвят. Таким образом, полоцкий князь приобрёл два важных пункта на волоке между Днепром и Западной Двиной, что позволило ему установить контроль над стратегической магистралью Средневековья «из варяг в греки». Позже на северных границах княжества был построен г. Брячиславль (теперь г. Браслав).

В 1044 году полоцким князем стал Всеслав Брячиславич (1044–1101 гг.), который прожил долгую и полную приключений жизнь. Его также звали Всеслав-Чародей. Автор «Слова о полку Игореве» с симпатией к князю изложил легенды о том, что Всеслав был чародеем и оборотнем, способным перевоплощаться в зверей и птиц и за ночь доскакать от Киева до Чёрного моря. В 1065 году князь Всеслав осадил Псков, а в следующем году взял Великий Новгород, забрав в качестве военной добычи церковную утварь из Софийского собора. В ответ три брата, сыновья умершего Ярослава Мудрого Изяслав, Святослав и Всеволод, объединились и выступили против полоцкого князя. Первым городом-крепостью на их пути оказался Минск. Город был осаждён, взят приступом и разрушен. 3 марта 1067 года объединённая армия русских князей встретилась на реке Немиге с войсками полоцкого князя. Это была одна из самых кровопролитных битв времён русских междоусобиц. Полоцкий князь был разгромлен

и бежал. С горечью о тех событиях писал автор «Слова о полку Игореве», осуждая междоусобную борьбу князей, которая ослабляла силы земли Русской.

Летом 1067 года стоявшие под Оршей лагерем братья Ярославичи пригласили к себе для переговоров Всеслава, гарантировав ему безопасность, но обещание нарушили. Они пленили его, отвезли в Киев и посадили в темницу. В 1068 году киевляне свергли своего князя Изяслава. Они освободили Всеслава и провозгласили его великим князем киевским. Но княжил в Киеве он недолго. Вскоре князь Изяслав при поддержке польских дружин вернул себе киевский престол.

Противоборство полоцких и киевских князей продолжалось ещё целое столетие, до середины XII века. В это время роль киевского престола становится уже номинальной. Одновременно произошло и ослабление Полоцкого княжества. Оно также начинает дробиться на мелкие удельные княжества. Достаточно сказать, что на рубеже XII–XIII веков на территории Беларуси было 20 удельных княжеств. Это был объективный процесс, характерный для эпохи Средневековья, который мешал созданию централизованного государства.

В начале XIII века в результате феодальной раздробленности и нашествия монголо-татар Древнерусское государство фактически и юридически прекратило своё существование. Оно распалось на отдельные княжества. В северо-западной его части, т. е. на территории современной Беларуси, во второй половине XIII века возникло государство, которое до середины XV века официально называлось Великим княжеством Литовским и Русским, а позже начало именоваться Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и других земель (далее – ВКЛ). Само название государственного образования отражает сложный процесс его становления и даёт ответ о структуре этнического состава населения этого государства. При этом следует отметить, что и до наших дней продолжается дискуссия об этническом составе населения ВКЛ. Спектр взглядов на эту проблему очень широк – от трактовки ВКЛ в качестве Литовской державы до провозгла-

шения Белорусской империи. В значительной степени это связано с отсутствием в письменных источниках информации о юридических основах объединения балтских и славянских территорий в единое государство, в разных сферах (политической, экономической, культурной) которого в дальнейшем доминировал или балтский, или славянский элемент. При этом существенным фактом является то, что в рамках ВКЛ шёл процесс формирования белорусского этноса.

В настоящее время достоверным научным фактом является то, что термин «Литва» в рассматриваемый исторический период относился к территории верхнего и среднего Принеманья, а Русью считали территории верхнего течения Западной Двины и Днепра. Территория современной Литвы, за исключением восточной её части, была захвачена немецкими рыцарями-крестоносцами. Она вошла в состав Тевтонского ордена. Восточная Литва, т. е. этнические литовские земли, сохраняла свою независимость, но именовалась Жемойтским краем. Эти земли вошли в состав ВКЛ только в первой половине XV века.

Возникает вопрос, почему созданное на территории Беларуси в 40-е годы XIII века централизованное государство стало официально именоваться Великим княжеством Литовским и Русским?!

Исторические источники не дают нам достоверных сведений о появлении литовских князей на территории западнорусских земель, как тогда называлась Беларусь. Однако известно, что появились они там в начале 40-х годов XIII века, т. е. после захвата монголо-татарами г. Киева. В пользу нашего довода свидетельствует булла римского папы Иннокентия IV, направленная «новокрещенному князю Полоцка» в 1248 году [Пашуто В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М., 1959. – С. 378]. Примерно в это же время князем новгородским становится правитель Литвы Миндовг. О его крещении по православному обряду в 1246 году сообщает нам поздняя Густынская летопись [Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Т. 40: Густынская летопись. – СПб., 2003. –

С. 121]. В Ипатьевской летописи в записи за 1252 год мы находим информацию, что Миндовг послал своих племянников к Смоленску, а сам воспользовался их отсутствием для захвата личной власти в Литве. В это время его власть уже распространялась на города Новогрудок, Волковыск, Слоним и Здитов, на который совершил нападение Даниил Романович Галицкий [ПСРЛ. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – М., 2001. – С. 408]. Действительно, Миндовг в это время г. Новогрудок сделал столицей провозглашённого им государства, где он и короновался в 1253 году с благословения папы римского Иннокентия IV. На вопрос, почему Новогрудок стал столицей молодого государства, ответить нетрудно – этот город в условиях военного противостояния с крестоносцами и монголо-татарами был относительно безопасной территорией.

Почему русское государство, возникшее на территории современной Беларуси, возглавил литовский князь?

Захват монголо-татарами основных центров политической и экономической жизни на Руси привёл к установлению завоевателями полного контроля над этими землями. Не случайно, что с середины XIII века монголо-татары наложили дань даже на те земли, куда их орды не дошли (Великий Новгород и Смоленск). Попытки отстоять суверенитет, опираясь на свои силы и моральную поддержку католического Запада, которые предпринял галицко-волинский князь Даниил Романович, также к успеху не привели. Следовательно, княжества, которые находились на территории современной Беларуси, ждала аналогичная судьба. Процесс политической раздробленности к началу XIII века здесь был ещё сильнее. Если, например, владими́ро-суздальская, галицко-волинская и черниговская земли имели по одной-две самостоятельных ветви Рюриковичей, то в Полоцком княжестве уже сформировались свои ветви витебских, друцких, минских и, возможно, свислочских князей; в Туровском – дубровицкие, пинские, туровские, клецкие и случские. Каждое удельное княжество средневековой Беларуси состояло из одного-двух городов и прилегающей сельской

местности. Самым сильным было Новогрудское княжество, поскольку в его состав входили города Гродно, Волковыск и Слоним, однако и его князь Изяслав упоминается в летописи за 1235 год только как союзник Даниила Романовича [ПСРЛ. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – М., 2001. – С. 388]. Следовательно, рассчитывать на самостоятельное сопротивление татарам в создавшихся условиях не приходилось, поскольку даже более сильные княжества не смогли им дать отпор и отстоять свой суверенитет. Русские князья погрязли в роскоши. В большинстве своём они были не готовы к самоотверженной борьбе с захватчиками. Единственным выходом в создавшихся условиях был разрыв с политической системой, сложившейся в средневековой Руси, который выражался в смене правящей династии. При этом новый князь должен был быть сильным, способным оказать вооружённое сопротивление завоевателям и с востока, и с запада. Этим условиям отвечали литовские князья, которые постоянно воевали с соседями, т. е. крестоносцами из Европы,

и делали нередко набеги на западнорусские земли. Литовские набеги вызывали не только вражду и ответные военные действия, но и интерес – врага надо знать. В результате князья западной Руси не только установили с литовской знатью дружеские контакты, но и известны случаи брачных союзов. Не исключено, что князь Миндовг или его родственники были также связаны родственными отношениями с русской знатью.

И не случайно, что из балтийских племенных союзов только Литва не была покорена крестоносцами, а Новогрудское и Полоцкое русские княжества избежали выплат дани татарам. Это случилось потому, что они смогли создать полиэтническое государство, которое было необходимо как русским, так и литовцам. Союзная армия, состоящая из русских и литовских дружин, смогла защитить не только Новогрудское княжество, но и земли Белой Руси от татарских орд и рыцарей-крестоносцев. Боевое крещение объединённые силы ВКЛ выдержали в сражении с 50-тысячной татарской ордой под предводительством хана Койдана в 1249 году у деревни Крутогорье (ныне Дзержинский район Минской области). Татар поддерживали дружины галицко-волинских князей Даниила и Василька численностью в 20 тысяч воинов. Несмотря на численный перевес татар, войска ВКЛ одержали убедительную победу. Пятидесятитысячная орда и её предводитель были уничтожены. Руководил войсками ВКЛ князь Миндовг.

Это сражение усилило авторитет Миндовга, что позволило ему вскоре короноваться великим князем ВКЛ и начать активное объединение белорусских и литовских земель в единое государство. Однако путь становления молодого государства был тернистым. В 1263 году в результате заговора знати великий князь Миндовг был убит, его политику продолжили последователи – сын Миндовга Войшалк, князь Тройнята, которые также были убиты в результате заговоров. Но процесс формирования централизованного государства остановить уже было невозможно. Это не смогли сделать феодалы-сепаратисты ВКЛ и внешние враги государства. Во время правления великого князя Витеня (1293–1316 гг.) в состав ВКЛ вошло

Полоцкое княжество. Это случилось в 1307 году. Несколько лет спустя Минское княжество также вошло в состав ВКЛ. Во время правления Гедимина (1316–1341 гг.) почти вся территория современной Беларуси вошла в состав Великого княжества Литовского и Русского. Гедимин стал также основателем правящей династии в ВКЛ. В стране наряду с русской феодальной знатью, Рюриковичами, сформировалась новая литовская знать – Гедиминовичи. И те, и другие стали вассалами великого князя Литовского («господаря»). Крупные феодалы владели вотчинами, пожалованными или купленными землями. Они имели своих вассалов. Как и все феодалы, они несли общегосударственную военную службу. Некоторые из них («паны хоругвные») во время сбора войска выставляли собственные хоругви, не входившие в состав территориальных ополчений, т. е. имели свои вооружённые силы. Основу армии ВКЛ составляли мелкие феодалы, военно-служилые люди – бояре.

Верховная власть в ВКЛ принадлежала великому князю литовского происхождения. В его подчинении находились крупные феодалы, которые управляли отдельными землями. В XIV веке в ВКЛ складывается система административно-политических учреждений, направленных на укрепление верховной власти. Высшим органом государственной власти являлась господарская рада – «паны-рада». В неё входили лица, занимавшие высшие государственные должности (канцлер, маршалок, подскарбий, гетман, воеводы, наместники и кастеляны), католические епископы и крупные феодалы. С возрастанием экономической и политической роли феодальной знати рада становится главнейшим государственным органом, вместе с великим князем осуществляющим законодательную, исполнительную и судебную власть.

С XV века в ВКЛ начал созываться вальный (общий) сейм. Его учреждение стало результатом, с одной стороны, расширения великокняжеской власти в Беларуси и на Украине, а с другой – усиления влияния в жизни страны белорусских и украинских феодалов. Сначала на вальный сейм собирались лишь «паны-рады» и приглашённые крупные феодалы. Позже

его состав был расширен за счет военно-служилого сословия бояр – шляхты, приобретавшей большое значение в государстве. С середины XVI века вальный сейм становится высшим законодательным и контролирующим органом в стране. Этот сейм избирал великого князя, принимал законы, ведал финансами, решал вопросы войны и мира, ведал вопросами внешней политики государства. Заседания вального сейма проходили в столице государства – г. Вильно, а также в ряде белорусских городов (Бресте, Гродно, Минске и Новогрудке).

Функции исполнительной власти в государственном управлении осуществляла государственная канцелярия.

Местное государственное управление на территории Беларуси было разнообразным. Ещё в конце XIV века великий князь Витовт, стремясь усилить верховную власть в стране, ликвидировал крупные областные княжения. В 1413 году территория Беларуси вошла в состав созданных по польскому образцу Виленского и Троцкого воеводств. Большинство находившихся в их пределах удельных княжеств были преобразованы в наместничества с поветами (уездами) и волостями.

До определённого времени верховная власть сохраняла некоторую автономию за теми белорусскими землями, в которых были ещё сильны вечевые традиции. На правах автономии находились полоцкая и витебская земли. Здесь собирались местные сеймы, принимавшие участие даже в назначении воевод и наместников. Например, Полоцк самостоятельно договаривался о торговле с Ригой. Сохраняли автономию и несколько удельных княжеств с князьями династии Рюриковичей (Мстиславское, Слуцкое, Клецкое, Кобринское и др.). Удельные князья подчинялись воеводам только в военных вопросах.

К середине XVI века политико-административная система ВКЛ в основном сформировалась. Удельные княжества были ликвидированы. Они стали или крупными феодальными вотчинами, или отошли к государству. Административно-территориальная реформа 1564–1566 годов закрепила деление ВКЛ на 13 воеводств, 8 из которых были белорусские. Во

всех воеводствах и поветах собирались сеймы (сеймики) как органы феодального правления.

Города Беларуси с XIV века начали обретать «магдебургское право», т. е. право на самоуправление. Первым в 1387 году грамоту на «магдебургское право» получил г. Вильно – столица государства, затем Брест (1390 г.), Гродно (1391 г.), Слуцк (1442 г.), Полоцк (1498 г.), Минск (1499 г.) и др.

Судебные органы ВКЛ защищали интересы господствующего класса. Дела феодалов рассматривались господарским судом, местными сеймами и другими феодально-сословными органами – подкоморским, земским, городским (замковым) судами. Крепостных крестьян судили сами феодалы и должностные лица местной великокняжеской администрации – владники. Тяжбы между крестьянами, как и раньше, разбирали копный суд. В городах с «магдебургским правом» были свои войтовские и бурмистро-радецкие суды.

Долгое время в ВКЛ не было единого законодательства. Привилегии, предоставляемые великими князьями отдельным землям и сословиям, основывались на «Русской Правде» и местных обычаях.

Попытки кодификации права начали предприниматься ВКЛ с XV века, в результате чего появился Судебник 1468 года, известный под названием Судебника короля Казимира IV. Написан он был на белорусском языке, в нём имелось только 25 статей, содержащих главным образом нормы уголовного и процессуального права. Естественно, что он не мог урегулировать все многообразные вопросы суда и управления государством. После его издания продолжало появляться много новых законов. Фундаментальная кодификация права ВКЛ была осуществлена при великом князе Сигизмунде I (1506–1548 гг.), который в 1522 году на Виленском сейме издал эдикт о даровании общего для всего государства единого писаного права. Первый статут ВКЛ был утверждён и обнародован в 1529 году. Статут представлял собой обширный закон, состоящий из 13 разделов, делившихся на артикулы (статьи), и содержащий нормы публичного, частного, уголовного и процессуального права, судостройства [Первый

Литовский Статут (1529 г.) / Авторы-сост.: С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. – Вильнюс, 2004. – С. 129–254]. Таким образом, Статут 1529 года, который был принят 490 лет назад, был сформирован на основе норм отечественного белорусского права, а также древнерусского, польского и римского частного права.

В первой половине XIV века татарские орды под мощными ударами войск ВКЛ прекратили свои вторжения на территорию Беларуси. В 1362 году в битве на реке Синие Воды – притоке реки Южный Буг – войска великого князя Ольгерда разгромили татарских князей Кутлубуга и Хачебоя. В результате украинские земли – Киевщина и Подолье – были присоединены к ВКЛ.

Не остались в стороне многие белорусские воины от участия в освободительной борьбе русского народа против татарского ига. Несколько тысяч православных воинов ВКЛ приняли участие в Куликовской битве 1380 года. Например, князь Андрей Полоцкий, брат Ягайло, привёл на поле Куликово около 2 тысяч полоцких и псковских воинов. Во время битвы с Мамаем он по поручению великого князя московского Дмитрия командовал полком правой руки. Полк отбил все атаки врага и заставил его отступить. Вместе с Андреем сражался и его родной младший брат Дмитрий Ольгердович. Засадным полком, который решил судьбу Куликовской битвы в пользу русских войск, командовал их двоюродный брат Дмитрий Боброк-Волынский. Не случайно автор известной «Задонщины» прославлял этих героев Куликовской битвы: «Те бо суть сынове храбрии... ведоми полководцы, под трубами и под шеломами возлелеяны, конец копия вскормлены».

Несмотря на то, что татары уже не представляли смертельной угрозы для ВКЛ, государство продолжало находиться в сложном военно-политическом положении. Во второй половине XIV века Тевтонский орден достиг наибольшего могущества и вместе с Ливонским орденом представлял серьёзную угрозу для ВКЛ. В период с 1345 по 1392 год немецкие рыцари 96 раз нападали на литовские и белорусские земли. Напряжёнными были отношения ВКЛ и с Польским королевством.

В этих условиях великим князем литовским становится Ягайло Ольгердович (1377–1392 гг.). Он начал искать союзников. В те времена одним из наиболее распространённых способов обретения союзников был династический брак. В середине 80-х годов XIV века великий князь ВКЛ Ягайло сделал предложение о брачном союзе дочке великого князя московского Дмитрия Донского. Однако согласия на брак он не получил. Ему предварительно был предъявлен ряд неприемлемых требований, в том числе о признании вассальной зависимости от московского государя. Естественно, что жених отказался от желания заключать такой брак. Это, на наш взгляд, была крупнейшая внешнеполитическая ошибка правительства Московского государства и лично великого князя Дмитрия. При определённом стечении обстоятельств благодаря этому браку и его последствиям уже в XV веке могло произойти объединение двух государств. Этот брак, вернее, его последствия могли изменить геополитическое положение не только двух государств, но и всей Европы на длительный период. Однако сослагательное наклонение для истории неприемлемо, поскольку данному браку было не суждено свершиться.

Жених «горевал» недолго. Он вскоре принял предложение польской стороны о браке с королевой Ядвигой. Этот брак был заключён на основе Кревской унии 1385 года. Важнейшей целью брачного союза великого князя Ягайло и королевы Ядвиги была организация совместной борьбы Польши и ВКЛ против Тевтонского ордена. Однако каждая из сторон преследовала ещё и свои собственные цели. Польские феодалы посредством унии рассчитывали усилить своё влияние на украинских землях. К этому времени они уже захватили Галицию, на очереди были волыньские земли. Сторонники Ягайло надеялись на то, что союз с Польшей поможет им подавить нарастающее недовольство православной русской знати на белорусских и украинских землях, которые ориентировались в отличие от литовской знати не на католический Запад, а на православное Московское государство. К концу XIV века новая литовская знать – Гедиминовичи – существенно оттеснила на задний план потомков местных князей – Рюриковичей.

Текст унии полностью не сохранился, но действительное её содержание сводилось к инкорпорации ВКЛ в состав Польши. Подписавшие унию Ягайло и его четыре брата обещали «на вечные времена присоединить свои земли, литовские и русские к короне польской». Они обязались принять католичество и обратить в католическую веру всех своих подданных, не только литовцев, которые в основном оставались язычниками, но и православное население. Содержание унии позволяет сделать вывод, что истинными архитекторами соглашения была не польская и не литовская знать, а дирижировали пьесой советники из Ватикана, которые и рассчитывали получить максимальную выгоду из унии – расширить влияние католической церкви на всю территорию ВКЛ.

Акт унии юридически был закреплён в 1386 году на Люблинском сейме избранием великого князя литовского Ягайло одновременно и польским королём. К этому времени он принял католичество под именем Владислава и вступил в брак с королевой Ядвигой, младшей дочерью умершего в 1382 году польского короля Людовика Анжуйского.

Условия унии фактически означали ликвидацию государственной самостоятельности ВКЛ. Это вскоре поняли не только русские, но и литовские феодалы. Против унии назрела оппозиция.

Первым против унии выступил родной брат новоиспечённого короля Польши – герой Куликовской битвы полоцкий князь Андрей – в союзе со смоленским князем Святославом Ивановичем. Уже в 1386 году они начали военные действия против Ягайло и его сторонников. Наибольшего напряжения борьба достигла в 1389–1392 годах, когда оппозицию возглавил двоюродный брат Ягайло, гродненский князь Витовт Кейстуович. Эта напряжённая и кровопролитная борьба завершилась в 1392 году заключением в Острово (близ г. Лиды) соглашения. По Островскому соглашению польские феодалы были вынуждены отказаться от инкорпорации ВКЛ в состав Польши. За ним сохранилась автономия под эгидой польского короля. Великим князем литовским пожизненно стал Витовт (1392–1430 гг.). Однако вопрос об уравнивании феодалов – католиков и право-

славных – в правах так и остался нерешённым. Более того, 2 октября 1413 года на Городельском сейме было принято постановление «О возобновлении Кревской унии – новых привилегиях феодалам, принявшим католичество». В соответствии с данным постановлением православная, главным образом русская, знать ВКЛ оказалась в дискриминационном, бесправном состоянии. Так, параграф 3 этого постановления закрепил положение, что только «католики и Римской церкви подвластные, и кому гербы пожалованы, наслаждаются, владеют и пользуются, как паны и шляхта Королевства Польского своими владениями» [Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. В 3 т. – Т. 1: С древнейших времён до середины XVII века / Сост.: З. Ю. Копытский, М. Ф. Залого. – Минск, 1959. – С. 115–118]. Параграф 9 того же постановления гласил: «...Достоинства, места и должности, как они установлены в Королевстве Польском, будут учреждены и установлены... только католической веры поклонникам и подвластным святой Римской церкви». Кроме того, параграфы 11 и 12 данного постановления лишали православных феодалов права выбирать великого князя, которым могли пользоваться только «паны и шляхтичи земли Литовской... которым оружие и гербы шляхтичей Королевства

Польского пожалованы, и почитатели христианской религии, Римской церкви подвластные, не схизматики или другие неверующие» [Там же]. Это стало главной причиной того, что ВКЛ в течение столетия пережило три гражданские войны в 1430–1432, 1440 и 1508 годах. Эти войны сопровождались политическим ослаблением страны и значительной миграцией белорусской знати из ВКЛ в Московское государство. Например, после поражения восстания князя Михаила Глинского в 1508 году он и многие его сторонники переехали в московские земли. В числе их была и его сестра, которая стала женой великого князя московского. В эти времена перебрался на жительство в Московское государство и боярин Кобыла, который стал родоначальником будущей царствующей русской династии – Романовых.

Городельское постановление 1413 года было отменено в ВКЛ только в 1563 году, в течение 150 лет существенно ослабляло государство и способствовало его политическому кризису в середине XVI века.

Вместе с тем Кревская уния положительно сказалась на исходе совместной кровопролитной борьбы Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом. В 1409 году началась Великая война союзников против Тевтонского ордена. 15 июля 1410 года произошло решающее, судьбоносное сражение – Грюнвальдская битва. В составе войск ВКЛ кроме литовцев находились Берестейская, Витебская, Волковысская, Гродненская, Лидская, Мстиславская, Новогрудская, Оршанская, Пинская, Полоцкая, Шкловская и другие белорусские хоругви. На стороне ВКЛ и Польши сражались русские, украинские, чешские отряды и татарская конница, которая была на службе у великого князя Витовта. Армия союзников уступала рыцарям-крестоносцам, на стороне которых сражалось много рыцарей-добровольцев из стран Западной Европы, в вооружении, но они сражались за родину, за её лучшее будущее. Поэтому выстояли! Потери войск ВКЛ были огромны. В числе павших в этой битве был и далёкий предок автора этих строк.

Битва закончилась полным разгромом Тевтонского ордена. Её результатом была ликвидация опасности насильственного порабощения

народов Польши, Литвы и Беларуси немецкими захватчиками. А планы у них были далеко идущие! После битвы в захваченном тыловом обозе Тевтонского ордена было найдено свыше 10 повозок с цепями и кандалами, которые предназначались для пленных воинов Польши и ВКЛ. Эта битва остановила немецкую агрессию на земли восточных славян на 500 лет.

В настоящее время российские историки считают ВКЛ русско-литовским государством, наша точка зрения сводится к тому, что в процессе развития этого государства всё более отчетливо проявлялась его белорусско-литовская сущность, а позднее, в XV–XVI веках, начал доминировать белорусский фактор. В этот исторический период шёл процесс формирования белорусской народности. Формирование её (как и русской, и украинской) проходило в два этапа. Вначале на основе консолидации восточнославянских племён сложилась древнерусская народность, а затем, вследствие политического разъединения Древнерусского государства, сформировались три родственные народности – русская, украинская и белорусская. Этнической основой белорусской народности явились потомки дреговичей, днепро-двинских кривичей, радимичей, бужан и частично литовские элементы.

Впервые термин «Белая Русь» стал употребляться с XIV века, вначале применительно к полоцким землям, а затем и ко всей территории Беларуси. Происхождение термина пока окончательно не выяснено. Наиболее вероятно, что так стали называть ту часть территории западных земель Руси, которая в отличие от земель, именуемых Чёрной Русью и включённых в состав ВКЛ при Миндовге, некоторое время оставалась свободной.

В результате вхождения всех западных земель Руси в состав ВКЛ установившиеся в период Древнерусского государства хозяйственные, социально-политические и культурные связи этих земель с иными землями Руси оказались нарушенными. С другой стороны, постепенное отделение ремесла от сельского хозяйства и связанное с ним развитие товарно-денежных отношений, рост городов укрепляли экономическую общность как регионов ВКЛ, так и в целом этнической Беларуси. В пределах Бела-

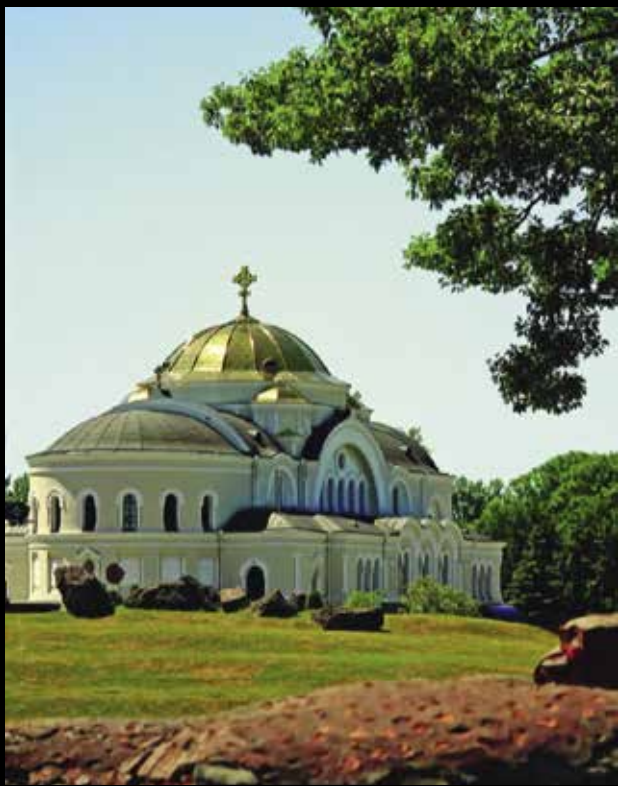

Фото: Владислав
ЦЫДИК

руси всё более нивелировалась материальная культура, система земледелия, ремесленное производство, быт (пища, одежда, жилище), обряды, обычаи. Экономические и культурные связи в значительной мере закреплялись теми мерами, которые с XV века начали предпринимать великие литовские князья по упрочению верховной власти. Консолидации белорусского народа способствовали активизация общественно-политической деятельности горожан, борьба белорусского народа против социального угнетения и польско-католической экспансии, препятствовавшей этой консолидации, а также борьба с иноземными захватчиками. Огромное влияние на процесс формирования белорусской народности оказали усиливающиеся связи с русским народом.

В условиях становления социально-экономической и культурной общности белорусского народа формировался белорусский язык. Сближались сложившиеся в предыдущий исторический период диалекты древнерусского языка западных земель Руси. Сказывалось также влияние языков соседних славянских народов – русских, украинцев, поляков. В белорусском языке сложились отличительные от других восточнославянских языков признаки, как дзеканье, цеканье, аканье, твёрдое произношение «р» и пр. Эти особенности получили своё закрепление в устном народном творчестве, литературных памятниках и в официальных государственных документах.

Формирование белорусской народности весьма ярко проявилось в её духовной культуре. Развиваясь на основе древнерусской культуры и взаимодействия с культурой соседей, в первую очередь русской и украинской, впитывая гуманистические идеи эпохи Возрождения, белорусская культура приобрела оригинальные и неповторимые черты. Её оригинальность проявилась во всём: народном творчестве, литературе, философии, книгопечатании, архитектуре и искусстве. Об указанных процессах свидетельствуют многочисленные памятники материальной и духовной культуры Беларуси, которые имеют всемирное историческое значение. Ряд из них, например Каложская (Борисоглебская) церковь XII века в г. Гродно, Мирский замок XV века, дворцово-парковый ансамбль

XVI века в г. Несвеже, церковь оборонительного типа конца XV – начала XVI века в деревне Сынковичи Слонимского района Гродненской области и др., включены в Список всемирного наследия. Данный список формируется ЮНЕСКО и насчитывает в настоящее время 814 культурных объектов в 165 странах мира.

Летописные произведения XIV–XV веков создавались в традициях древнерусского летописания. Однако в условиях хозяйственного, политического и этнического единения белорусских земель в пределах ВКЛ белорусские летописи отходят от древнерусских литературных приёмов. Погодичное изложение событий заменяется отдельными связными рассказами. Их содержание приобретает общегосударственное значение. Поэтому летописи, хотя и писались на белорусском языке, по праву называются белорусско-литовскими. К ним относятся «Летописец великих князей литовских», написанный в 20-е годы XV века, Супральская летопись, «Хроника Великого княжества Литовского и Жомойтского», написанная в 20-е годы XVI века, и Летопись Быховца (середина XVI века).

Особое место в белорусской литературе занимает гимн белорусской земле и её народу – «Песня о зубре». Её автор – крупнейший поэт эпохи Возрождения Николай Гусовский (1480–1533 гг.). В этом произведении Н. Гусовский описывает природу Беларуси, занятия и обычаи населения, выступает против феодальных войн, от которых страдает народ.

Важнейшую роль в создании белорусской оригинальной литературы, развитии просвещения, общественно-политической мысли и белорусской культуры вообще сыграло книгопечатание, начало которому положил Франциск (Георгий) Скорина (1490–1551 гг.). Он получил глубокое и разностороннее образование в университетах Европы. В 1506 году окончил Краковский университет, затем продолжил обучение в Падуанском университете (Италия). В 1512 году он уже был доктором «свободных искусств». В 1517 году в Праге он начал осваивать главное дело своей жизни – книгопечатание. Перевёл на церковнославянский язык и издал «Псалтырь», перевёл на белорусский язык и издал Библию – 22 книги Ветхого завета. В 1522 году он основал

первую типографию на территории нашей страны, в г. Вильно, где издал книги на белорусском языке. Продолжил дело Ф. Скорины просветитель Симон Будный (1530–1593 гг.). В 1562 году он издал в г. Несвеже «Катехизис» на белорусском языке. С 1574 года он продолжал издавать книги в созданной им типографии в местечке Лоске. С середины XVI века на территории Беларуси были открыты типографии в г. Несвеже, Бресте и местечке Лоске (ныне Воложинский район).

Однако в конце XVI века была написана и трагическая страница истории Беларуси, которая ассоциируется с Люблинской унией 1569 года. В соответствии с указанной унией ВКЛ вошло в состав Польского государства – I Речи Посполитой – с последующей утратой своего государственного суверенитета.

Следует признать, что вхождение белорусских земель в состав Речи Посполитой имело исключительно важное значение для самоидентификации белорусов как самобытного этноса, осознания его общерусского происхождения и политического самоопределения. Решающим обстоятельством в этом процессе было то, что Речь Посполитая как государство не было заинтересовано в развитии белорусов как самобытного народа. Более того, правительство Речи Посполитой делало всё, чтобы стереть из памяти белорусов их этническую принадлежность. Достаточно привести только один пример: в 1697 году Сейм Польши издал закон, запротививший использование белорусского языка в качестве средства общения. Именно в это время большинство белорусов осознало, что для сохранения как этноса, для своего дальнейшего исторического развития они должны вернуться к своим общерусским корням, к истокам своей государственности. Это явилось главной причиной острой религиозно-национальной борьбы, развернувшейся на белорусских и украинских землях. И эта борьба не прекращалась вплоть до воссоединения белорусских и украинских земель с Российским государством.

Воссоединение Беларуси с Россией в составе единого государства – Российской империи – в конце XVIII века подавляющее большинство населения (белорусы) встретили лояльно, без сожаления об исчезнувшей с политической кар-

ты мира I Речи Посполитой. Об этом уже свидетельствуют события войны Российской империи с наполеоновской Францией 1812 года, которая для большинства населения Беларуси стала Отечественной войной. 12 июня 1812 года армия Наполеона, которая почти в три раза превосходила по численности русскую армию, перешла реку Неман и без объявления войны напала на Россию. Беларусь превратилась в основной театр военных действий. Жестокие бои русская армия летом 1812 года вела в районе местечка Мира, г. Кобрин, Островно, Полоцка и деревни Солтановки. Уже к августу 1812 года большая часть Беларуси была оккупирована французами и их союзниками почти на пять месяцев. 1-я и 2-я русские армии покинули Беларусь, но разгромить их, как задумывалось изначально, Наполеону не удалось. Не удалось оккупантам овладеть и крепостью в г. Бобруйске. Несмотря на то, что цитадель была ещё не достроена, её защитники на протяжении пяти месяцев отбивали все атаки польского корпуса генерала Я. Домбровского, который был в составе французской армии. Защищало крепость 5 тысяч солдат и офицеров русской армии, а численность осаждающего противника составляла 25 тысяч человек.

Оккупационная политика захватчиков вызвала массовое партизанское движение в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях, где французское командование вынуждено было держать для «поддержания порядка» 30 тысяч солдат и офицеров. Например, партизанский отряд, состоящий из крестьян деревни Жарцы Полоцкого уезда, в составе Петербургского ополчения сражался за освобождение г. Полоцка. Генерал Барклай-де-Толли писал о партизанах этой деревни: «В 1812 г., когда окружающие деревни были заняты врагом, они деревню свою защищали от нападения противника и участвовали вместе с казаками в победах над врагом, а также были в битве при взятии штурмом г. Полоцка». Командовал партизанами их односельчанин Максим Марков. В Игуменском уезде Минской губернии действовал партизанский отряд из числа жителей деревни Тростянки, которым руководил крестьянин Тарас. В Борисовском уезде той же Минской губернии активно действовал большой партизанский отряд из жителей дере-

вень Староселье, Можаны, Есьмоны и Клевки. И таких примеров было много.

В борьбе за освобождение г. Витебска активно участвовали многие жители города. Они обезоружили французских солдат и офицеров гарнизона и передали пленных русскому командованию. Житель г. Витебска Сергей Борунов вступил в бой с 30 французскими солдатами и заставил их бежать.

Оккупанты пытались создать иллюзию местного самоуправления. С этой целью из числа польских и литовских помещиков 19 июня (1 июля) 1812 года Наполеон создал в г. Вильно Комиссию Временного правительства ВКЛ во главе с её председателем С. Солтаном. Власть Временного правительства распространялась на Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии. Главной её задачей был сбор налогов и организация вооружённых сил ВКЛ как союзной армии Франции. Планировалось создать 15-тысячную армию. Однако мобилизацию провести в полном объёме не удалось. Белорусские крестьяне и горожане не желали служить во вражеской армии, которая с первых дней оккупации начала грабить, заниматься мародёрством и убивать. И всё же к декабрю 1812 года армия ВКЛ насчитывала 20 тысяч человек. Парадокса здесь нет! Литовские и польские магнаты (католики) И. Манюшко, Л. Пац, Д. Радзивил, Р. Тызенгауз и др. на собственные средства сформировали из своих вассалов – ополяченной шляхты – кавалерийский егерский полк, два уланских полка, конно-артиллерийскую роту и другие подразделения.

Однако подавляющее большинство белорусского народа свои симпатии отдало новому отечеству – Российской империи. Десять дивизий русской армии, которая насмерть стояла у д. Бородино, были сформированы из рекрутов белорусских губерний – это треть русской армии, которая тогда сражалась под Москвой. Например, в Бородинской битве участвовала и прославилась 3-я пехотная дивизия, которая была сформирована на территории Витебской губернии. Четыре её полка защищали на Бородинском поле знаменитые Багратионовы флеши. 24-я дивизия русской армии состояла из крестьян Минской губернии. Она героически защищала батарею Раевского.

Об остроте борьбы белорусского народа с иноземными завоевателями в войне 1812 года свидетельствует следующий факт. За пять месяцев французской оккупации население Беларуси сократилось на 20%, т. е. погиб каждый пятый житель.

В границах Российского государства белорусы возродили свои национальные традиции, культуру и литературный язык. На рубеже XIX–XX веков начала формироваться белорусская нация, зародилось белорусское общественно-политическое движение, в рамках которого и получила своё развитие идея строительства национального государства.

С падением самодержавия в России в феврале 1917 года, а затем в период Великой Октябрьской революции и Гражданской войны на первое место в общественно-политической жизни Беларуси был уже поставлен вопрос о практической реализации строительства белорусской национальной государственности. Данный вопрос был реализован на практике 1 января 1919 года, когда была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР). С её провозглашением был заложен прецедент создания политико-территориальной единицы с атрибутами белорусского советского государственного строя.

Провозглашённая в 1919 году БССР представляла собой целую эпоху в истории становления новой белорусской государственности. Это был первый реальный опыт строительства и функционирования национального белорусского государства. Даже в условиях ограниченного суверенитета Советская Беларусь являла собой пример успешного государственного строительства. Полученный за годы существования БССР опыт стал фундаментальной основой для строительства современного национального белорусского государства. На основе БССР в 1991 году была провозглашена суверенная Республика Беларусь. На пути закрепления суверенитета молодой державы важное значение имело принятие Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 года Конституции, которая 25 лет, как путеводная звезда, является ориентиром социально-экономического, политического и культурного развития страны. **А**

Виктор ЕРМОЛОВИЧ

Мемориал на месте детского
концлагеря «Красный берег»

ОПЕРАЦИЯ «КРОВЬ»

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Прибыв в интернат, Мойрин сразу же собрал подчинённых, сообщив об указаниях генерального комиссара, распределил между офицерами и врачами обязанности. Предстояло буквально за два дня подготовиться к приезду нового пополнения. Майор приказал оборудовать дополнительно ещё три кабинета для процедур.

В обеденное время он, как обычно, отправился на обход. Дети обедали в столовой, и на начальника никто не обращал внимания. Мойрин заметил уже знакомого мальчишку. Мишка сидел за столом и тупо смотрел на нетронутый обед. Майор остановился и, коверкая слова, сказал:

– О, мой друг Мишка! А чего ты не ешь, еда же вкусная?! Кстати, а где же твоя сестра? По-моему, её Валя зовут?

Вдруг произошло неожиданное. Мальчик встал со скамьи, взял миску с какой-то жижей и швырнул в лицо майора.

– Ты убил мою сестру, фашист! – Он, сжав кулачки, бросился к растерявшемуся Мойрину. – Я убью тебя, гад!!!

Мальчонку схватили охранники, а Мойрин, вытирая лицо поднесённым ему полотенцем, быстро приказал:

– В процедурную его, немедленно! – И, проходя мимо оцепеневших детей, крикнул: – Наказание – только смерть!

Он зашёл в кабинет врача, где имелся умывальник, умылся, протёр полотенцем мундир и поспешно направился в процедурную.

Миша лежал, привязанный к высокому топчану, на который обычно укладывались «пациенты». Он был бледен, но сопротивления не оказывал.

Майор приблизился к топчану, у которого стояли врачи и четыре санитары, и спросил:

– Жить хочешь, Мишка? Проси прощения, или ты умрёшь страшной смертью. Я выкачаю из тебя всю твою большевистскую кровь.

Майор не видел, что дверь была чуть открыта и за ней толпились дети.

– Так ты просишь пощады?

Не дождавшись ответа, он кивнул медикам. Один из них держал Мишкину руку, а второй сразу же вогнал иглу в его вену.

Николай ЧЕРГИНЕЦ

В стеклянную колбу закапала тёмно-красная кровь.

– Я жду! Проси прощения! Ты же умираешь!

Миша гневно смотрел на палача, казалось, что он улыбается.

Кровь перестала поступать в колбу, и один из медиков стал выполнять приказ врача: растирать руку выше иглы, а затем в области сердца.

– Последний раз спрашиваю: будешь просить прощения?! – вскрикнул Мойрин.

– Ты фашист! Я тебя не боюсь. Мой папочка отомстит тебе. – И вдруг мальчик, словно обращаясь к отцу, вскрикнул: – Папа, отомсти ему! Его фамилия Мойрин.

В этот момент в процедурную ворвалась девочка, за ней мальчик и ещё две девочки. Первой была десятилетняя еврейка Рая, а у дверей – её ровесники Таня, Витя и Лена.

Охранник в дверях перехватил Лену и несколько других ребят. Грубо вытолкав их в коридор, захлопнул дверь.

– Отпустите его! – крикнула Рая. – Не убивайте!

Ребята наперебой стали умолять не убивать Мишу.

Мойрину и так после слов мальчика: «Папа, отомсти ему! Его фамилия Мойрин» стало не по себе. Он даже невольно посмотрел по сторонам: не слышит ли отец малыша этих слов? А тут ещё протесты этих завтрашних мертвецов. Его лицо исказила не то гримаса, не то гнев, смешанный со страхом.

– Ты кто? – обратился он к девочке, которая первой ворвалась в процедурную.

– Рая.

– Ты еврейка?

– Да.

– Сколько тебе лет?

– Десять.

Вдруг майор как-то страшно оскалился. Он по очереди посмотрел на ребят и спросил:

– А кто из вас хочет занять место Мишки?

Родился в 1937 году в Минске. Детство прошло в оккупированном городе.

Окончил Высшую школу тренеров Минского института физкультуры в 1963, юридический факультет Белорусского государственного университета в 1969 году. Играл в футбольных командах мастеров.

Работал на Минском приборостроительном заводе имени В.И. Ленина. Служил в органах внутренних дел, прошёл путь от рядового сотрудника до начальника управления уголовного розыска Министерства внутренних дел БССР (1981–1984). С 1984 по 1987 год исполнял интернациональный долг в Афганистане. С 1987 по 1993 год – начальник управления внутренних дел на транспорте Республики Беларусь, генерал-лейтенант внутренней службы. С 1993 по 1997 год – председатель Комитета по социальной защите военнослужащих, ветеранов войны и увековечения памяти погибших при Совете Министров Республики Беларусь. С 1997 по 2008 год – председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности.

Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Кандидат юридических наук, автор более 50 научных трудов. Написал несколько киносценариев, около полусотни художественных книг, большинство из которых – остросюжетные детективы. Среди них такие известные повести и романы, как «Вам – задание», «За секунду до выстрела», «Сыновья», «Тайна Чёрных гор», «Приказ № 1», «Служба – дни и ночи», «Следствие продолжается. Финал Краба», «Илоты безумия», «Тайна Овального кабинета», «Операция "Кровь"».

Лауреат международных литературных премий имени А. Фадеева и В. Пикуля, лауреат Международной литературной премии С.В. Михалкова «Облака» за 2009 год в номинации «Лучшая книга стран СНГ», лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо России» (2009), лауреат многих союзных и республиканских премий.

Член Союза писателей СССР и БССР с 1977 года. Член Белорусского союза журналистов и Белорусского союза кинематографистов. Председатель общественного объединения «Союз писателей Беларуси», сопредседатель Союза писателей Союзного государства.

Награждён 11 орденами и более чем 40 медалями, Почётной грамотой Верховного Совета БССР и двумя почётными грамотами Национального собрания Республики Беларусь. За разноплановые достижения в области культуры и науки в 1998 году внесён в Книгу рекордов Гиннесса. В 2005 году был удостоен звания «Международный профессионал 2005 года».

Дети растерялись и молча переглядывались.

– Ну, что молчите, герои? Кто из вас желает, чтобы развязали Мишку и на это место положили его?

Рая побледнела и, вздохнув, сказала:

– Я.

Тут же Витя и Таня почти одновременно вскрикнули:

– Я!

– Я!

Немец оцепенел. Такого от этих зачуханных безмолвных детей он не ожидал. Ему снова стало страшно. Он с трудом заставил себя сохранить спокойствие и, словно заигрывая с детьми, произнёс:

– Хорошо. Тогда ложитесь на его место все трое.

Ребята, не произнося ни слова, двинулись к топчану.

В этот момент врач вынул из вены на руке иглу и тихо произнёс:

– Он готов, господин майор.

Мойрин несколько секунд что-то обдумывал, а затем с еле скрываемым раздражением приказал:

– Уберите этого щенка! А этих его последователей заприте в соседней комнате и сегодня же проделайте с ними такую же процедуру.

Нельзя допустить, чтобы они рассказали о том, что видели.

Майор быстро вышел из процедурной и, не продолжая обхода, направился к себе в кабинет.

В это время няня, она же уборщица, с трудом уговорила ребят разойтись по своим комнатам. Она ходила от одной группы к другой, стараясь хоть как-то успокоить детей.

Когда Ольга Иосифовна подошла к очередной комнате и открыла дверь, то увидела, как в дальнем углу, сидя на своей кровати, Лена что-то пишет. Держа сложенные картонки на коленях, она водила химическим карандашом по обрывку бумаги.

«Любимые мои мамочка и папочка! Сегодня немцы убили Мишу, а утром они забрали всю кровь у его сестры Вали. Мишу привязали за руки к столу и всю его кровь начали отбирать. Ребята бросились на помощь. Мойрин забрал в процедурную Раю, Таню и Витю, а нас прогнали в комнаты. Сегодня ночью мы с ребятами видели в окно, как немцы вырыли яму во дворе и засыпали убитых ребят. Тома, ей уже двенадцать лет, сказала, что у ребят закончилась вся кровь и они умерли. Мамочка, мне страшно. Скорее приезжай. Спаси меня!» А

Николай ЧЕРГИНЕЦ

Мемориал на месте детского концлагеря «Красный берег»

Сергей ТРАХИМЁНОК

Родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. С 1990 года живёт в городе Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член союзов писателей России и Беларуси. Признанный мастер остросюжетной прозы.

Автор трёх десятков книг, издававшихся в Минске, Москве и Санкт-Петербурге, четырнадцати сценариев кино- и видеофильмов.

Обладатель «Золотого купидона» – национальной литературной премии 2008 года – за роман «Синдром выгорания» (Беларусь).

Лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия).

Лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка 2015 года за книгу «Повести разных лет».

Дипломант национального фестиваля в Бресте (Беларусь, 2007) и «Бородинская осень» (Россия, 2008) за сценарий к фильму «Чуть смелее других»; фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия, 2012) за сценарий фильма «Терновые венки Олимпа».

РОДНАЯ КРОВИНОЧКА

Заседание кафедры закончилось поздно, и Галина Ефимовна, или, как её звали студенты, доцент Прошкович, опоздала на службу в соборе Петра и Павла. Когда она появилась в церкви, прихожане уже расходились. Она купила свечку, поставила её перед иконой Скорбящей Божьей Матери и помчалась домой, чувствуя вину за суету, с которой она всё это сделала. Чтобы успокоить себя, дала слово завтра прийти пораньше, отстоять службу и помолиться...

Проехав на метро до конечной станции, она долго ждала автобус, понимая: чем дольше его не будет, тем труднее будет в него втиснуться и придётся ждать следующего. Но получилось иначе, стайка молодых парней ринулась к открытым средним дверям, и Галину Ефимовну

внесло в салон, а потом притиснуло к какому-то мужчине, от которого пахло крепким табаком и только что выпитой водкой.

В своей жизни Галина Ефимовна не раз сталкивалась с таким запахом, но сегодня она почему-то вспомнила, когда почувствовала его впервые. Этот запах исходил от Павлюка, полиция из соседней вёски*...

* * *

В начале войны ей было четыре года, но она не помнила того, что все вокруг называли началом войны, она словно отсутствовала где-то до сорок второго года.

* Вёсна – деревня

Маленькая Галя смотрит в окно, в котором виден кусочек леса с жёлтыми мелколистными берёзами и зеленеющими между ними елями.

*Посея-ала огиро-очки низко на-ад водо-ою,
Сама бу-уду полы-аваты, дрибно-у
слезю... –*

поёт отец, ловко управляясь с шилом и иголкой: он подшивает старые валенки. Пара новых валенок лежит рядом.

Немецкое командование довело до сведения всех жителей приказ об очередной сдаче тёплых вещей и валенок. Отец с матерью решили себе оставить валенки старые, а две пары новых сдать. У отца был хороший полушубок, его от греха подальше спрятали на горнице*.

Починив старые валенки, отец идёт на сборный пункт в деревню, где стоит немецкий гарнизон, она в семи километрах от Заболотья. Пока отца нет, мать, подумав, прячет на дно большого куфэрка** ещё одну дорожную в хате вещь – пуховую шаль.

Павлюк появился на следующий день. Одет он был в чёрный бушлат с серым воротником и обшлагами... Два ряда металлических пуговиц, ремень. За спиной короткая винтовка.

– Карабин, – сказал брат Стёпка, которому тогда было восемь лет, но в оружии он разбирался лучше старшей сестры Наташки и матери.

Это не обычное, как у большинства жителей близлежащих деревень, одеяние придавало ему вид нездешний и, уж конечно, не домашний. Вместе с ним был ещё один полицай, одетый так же, как и Павлюк, но ростом поменьше и помоложе.

Отца в хате не было. И мать встретила Павлюка в штыки.

– Чего явился?

– Службу справляю, – ответил он.

– Яку службу?

– Где полушубок? – прервал он мать, не желая продолжать пустой, по его мнению, разговор.

– Якой полушубок?

– В яком Яхфим прошлую зиму ходил, – сказал Павлюк, передразнивая мать.

– Нету полушубка...

Павлюк снял с плеча карабин, передал его напарнику и полез по лестнице на чердак.

Отец прятал полушубок в расчёте на то, что немцы его не найдут. Но там, где можно ввести в заблуждение оккупантов, трудно обмануть местных. Уже через минуту Павлюк спускался по лестнице с полушубком под мышкой.

Мать ухватила за воротник и стала с остервенением вырывать его.

– Отдай, – говорила она. – Ты его шил? Ты его наживал?

Павлюк мотнул мать в одну сторону, а потом в другую и легко вырвал полушубок.

– Тётка Ходора, – сказал он, – будешь обманывать новую власть – дети сиротами останутся.

Он бросил полушубок на плечо напарнику и схватил маленькую Гаю под мышки. Мать мгновенно забыла про полушубок и бросилась выручать дочь. Но Павлюк повернулся к матери спиной и подбросил Гаю в воздух так, что она едва не ударила головой о потолок.

Всё произошло очень быстро, и Галя не успела даже испугаться. Она только помнит, как взлетела в воздух и снова попала в крепкие руки Павлюка. Именно в этот момент и ударил ей в нос этот табачно-водочный запах.

Павлюк поставил девочку на пол и сказал матери:

– А Яхфиму передай, что он у меня должник.

* * *

Домой на юго-запад Минска Галина Ефимовна приехала к девяти часам. Открыв дверь своего подъезда, она пошла к лифту и натолкнулась на парочку, которая целовалась в углу лестничной площадки.

– Хм, – произнесла Галина Ефимовна, но молодёжь не обратила на неё внимания, не прервала своего занятия, не смутилась, как это должно было случиться, по мнению Галины Ефимовны.

Кашлянув ещё раз для приличия, Прошкович дождалась прихода лифта, чувствуя спиной всё, что происходит на площадке, поднялась

* Горлице – чердак.

** Куфэрка – сундук.

на восьмой этаж и позвонила в двери своей однокомнатной квартиры.

– Иду, иду, – раздался за дверью голос Алеськи, внучатой племянницы, которую она готовила к поступлению в вуз.

Алеська повернула ключ, и дверь распахнулась.

– Привет, Алеся Александровна, – сказала Галина Ефимовна, – как гранит науки?

– Грызём, тётка Галя, грызём, – в тон ей ответила племянница. Девушка никогда не называла её бабкой или бабушкой. А Галине Ефимовне это в некоторой степени импонировало.

– После ужина поработаем, – ответила та и стала раздеваться.

Алеська поступала в институт второй раз, в прошлом году не прошла по конкурсу. Наученная горьким опытом, она заранее приехала к Галине и готовилась к экзаменам под руководством строгой родственницы. Алеська во всём внешне подчинялась требовательной бабке, но Галина Ефимовна чувствовала, что не стремление к знаниям привело её в Минск. Если бы могла остаться в столице без поступления в вуз, она не преминула бы сделать это. Но её отец поставил перед ней задачу поступить в столичный вуз: только он, по его мнению, мог быть основой для будущего благополучия дочери.

* * *

Заболотье называлось вёской, хотя в нём было всего три дома. И стояли эти три дома вовсе не за болотом, а рядом с болотом. Но кому-то в голову пришло так назвать этот хутор не хутор и вёску не вёску – непонятно.

Хата Прошковиной стояла крайней, рядом с ней была хата Ганны Болотки, а за ней, уже с другого края, бабки Теклы, которую все чаще всего звали Куделихой.

До войны в каждом дворе были корова, поросята, овцы, куры. Ко дворам примыкали огороды. Кроме того, близость с одной стороны болота с его брусникой и клюквой, а с другой – леса с его ягодами и грибами давала заболотцам неоспоримые преимущества перед жителями больших сёл и райцентра.

Но прекрасным это место было в мирное

время, а у военного своя логика. С началом войны Заболотье оказалось между молотом и наковальней: с одной стороны, немцы, и не без причины, подозревали его жителей в связях с партизанами, с другой – партизаны своими посещениями ставили их на грань жизни и смерти.

Словно опасаясь, что там, за пределами дома, детей подстерегает опасность, мать не выпускала маленькую Гаю дальше двора, тогда как старшая сестра, десятилетняя Наташка, и восьмилетний брат Стёпка таких ограничений не имели.

Наташка даже ходила какое-то время в школу, которую открыли немцы. И первые дни ей это нравилось. Но потом учитель отодрал её линейкой, и отец сказал, что Наташка в такую школу больше не пойдёт.

Отец и старшие дети занимались хозяйством: работали в огороде, Стёпка управлял корову, Наташка давала корм курам.

У коровы на лбу было большое белое пятно, и за это она имела кличку Лыска.

Может быть, потому, что мать запрещала одной Гале выходить со двора, жизнь за изгородью казалась девочке таинственной и необычайно интересной.

Особенно ей нравилось бывать в гостях у соседей. Правда, их дворы и дома как две капли воды были похожи на хату Прошковиной. Но внутри них наряду с печкой, полатами, пристройками к печкам, которые назывались канапами, кроватями-ложками, были вещи, которых не было у Прошковиной.

У Ганы старинное зеркало – люстерка – в почерневшем от времени деревянном окладе, узорные абрусы* и сурветки**. У Куделихи прялка и кросны, ещё широкие деревянные лопаты, которыми бабка ставила и вынимала хлеба из печи, а также необычного узора половики и постилка на кровати-ложке.

* * *

Справа на одном из болотных островов стоял отряд Бородина. Он был командиром Красной армии, оказался в окружении, а потом

* Абрус – скатерть.

** Сурветка – салфетка.

возглавил отряд, который входил в партизанскую бригаду «Смерть фашистам». Когда приходили его ребята, они всегда спрашивали, не заглядывал ли Кондрат.

Кондрат был командиром другого партизанского отряда. И отношение к нему было совершенно иным. За Кондратом тянулся шлейф каких-то мифов, необычных поступков, которые приводили в ужас жителей Заболотья и близлежащих сёл, в результате чего имя Кондрата всегда было на языке у жителей Заболотья. Поговаривали, что он не нашёл общего языка с командиром партизанской бригады «Смерть фашизму» и ушёл с группой своих бойцов в болота, создав свой отряд. Причём он занял место, которое комбриг берёт для так называемого гражданского лагеря – лагеря, в котором могли жить семьи партизан, которые ушли из своих сёл, опасаясь преследования оккупантов за то, что их мужья и сыновья стали воевать с ними.

Вдобавок он был местный и, так же как и Павлюк, знал всё и вся. Говорили, что он бросил семью и женился на городской женщине, которая была родом из Ленинграда. Говорили, что он после партизанских акций оставляет записку «Батяка Кондрат», а также расстрелял двух бежавших из лагеря военнопленных только потому, что подозревал: их направили к нему немцы. Основанием для таких подозрений было то, что руки этих людей были без мозолей.

А ещё он явился на вечерку со своим адъютантом Васьком и «мобилизовал» к себе в отряд молодых хлопцев, которые оказались там.

Как-то между прочим и между делом, раньше или позже всё, что творилось в округе: и немецкие облавы, и партизанские вылазки – становилось известным. Сначала об этом говорили родители, потом обсуждали между собой Наташка и Стёпка, и из этих отрывочных суждений у Гали складывалась собственная картина той жизни и тех событий.

* * *

Галина Ефимовна заканчивала ужинать на кухне, когда Алеська завелась петь в комнате.

*Посея-ала огиро-очки низко на-ад водо-ю,
Сама бу-уду полы-аваты, дрибно-у слезю.*

*Ра-асти, ра-асти, огирочки, в четыре-е-е
листочка,
Не бачила миленького четыре-е-е годо-очка.*

Голос у Алеськи ангельский, поёт она «Огирочки» с украинскими интонациями и словами, прямо как когда-то делал это отец Галины. У него был абсолютный слух и, как теперь понимает Галина, способности к языкам. В детстве он окончил всего несколько классов сельской школы и далее всю жизнь учился сам. Ещё с Первой мировой у него была повреждена кисть левой руки. Однако он лихо управлялся одной рукой и даже валенки подшивал и сучил дратву, помогая себе то больной рукой, то плечом, то зубами. Перед войной он был бригадиром в колхозе. С оккупацией колхоз перестал существовать, и отец нигде не работал.

Обладал он и прекрасной памятью. Знал много песен и сказок. Без акцента мог говорить по-русски и по-украински. Причём сочетание «по-украински» он произносил не на русский манер, а так, как говорят на Украине, с ударением на второй слог. Песни пел белорусские, но мог исполнить их по-украински. Так они звучали совершенно иначе, и такое непривычное и необычное звучание переворачивало душу маленькой Гали.

Удивительно, но ни дочери, ни сын Степан не унаследовали его слуха и голоса. А вот в Алеське он словно повторился.

*А на пятый побачи-ила, як череду гнала,
Не посме-ела сказать: «Здравствуй», бо
маты сто-ояла.*

*Бо маты-ы стоя-ала да батько дыви-ився,
Як мой ми-иый чёрнобри-ивый на коня-а-а
са-адився.*

Алеська поёт, а у Галины Ефимовны на глаза наворачиваются слёзы, и она понимает, что никаких занятий с Алеськой сегодня не будет.

Она оставляет в раковине немытую посуду и идёт к Алеське, садится на диван, а та обхватывает её руками за талию.

– Вот видишь, – говорит Галина, – с милым заговорить боялись на глазах батьков, а сейчас...

Она хотела сказать, что сегодняшние молодые тискаются по подъездам, но сдержалась: понимала, что Алеська, опять же внешне согласившись с ней, внутренне будет против, поскольку, по её мнению, это не такой уж большой грех, если не сказать большего, вообще не грех.

* * *

Летом сорок третьего Стёпка под большим секретом рассказал Гале, что хлопцы Бородина едва не перестрелялись с хлопцами Кондрата, поскольку и те и другие заказывали выпечку хлеба у бабки Куделихи.

И Куделиха, рискуя жизнью, пекла партизанам хлеб. Причём делала она это только ночами, потому что днём мог нагрязнуть Павлюк.

– А ещё, – говорил Стёпка, – в доме у Ганны Болотки была партизанская свадьба, там пели, танцевали и пили самогон.

Самогон гнали все, он был чем-то вроде жидких денег. Такой же разменной монетой была махорка. И то и другое старались иметь в запасе. От тех же полицейев без самогона не отделаться. Соседка Ганна как-то пошла в райцентр в лавку за махоркой. Сразу же в лавке её поймали.

– Мужа нет, дети малые, значит, махорка для партизан, – сказал ей полицей и отвёл в какой-то сарайчик, местную тюрьму.

Ганна не особенно огорчалась: разберутся. Однако один из сокамерников сказал, что полицейам наплевать на то, кому она покупала махорку. Им надо выслужиться перед немцами и представить тех, кто связан с партизанами.

– Так что, девка, – сказал он, – дела твои плохи. Но ты не голоси, а попросись до ветру, а в уборной две доски отходят, если выберешься незаметно – тебе повезло.

Ганна так и сделала. Она выбралась из уборной, проползла балкой подальше от места своего заключения и, дождавшись темноты, пришла в Заболотье.

– А ещё, – говорил Стёпка шёпотом, потому что отец обратил внимание на их разговор, –

ночью приходил сам Бородин. Он с батькой говорил. Потом попросил у матери две тряпки на портянки. Мать стала копаться в куфэре, и оттуда выпала Библия, это книга такая про Бога. Бородин посмотрел на неё, полистал и сказал, чтобы она спрятала её подальше, а то ребята на самокрутки изведут.

Отец, словно почувствовав, что до дочери дошло то, чего ей знать ещё рано, говорит:

– Стёпка, геть на двор, корове сена дай.

Потом он подошёл к лавке, где сидела Галя, сел рядом и начал рассказывать сказку:

*Каля рэчэчки Дняпра
Там хадила удава,
Там хадила удава.
Тай забачыла яна,
Тай на яваре арла.*

И маленькая Галя тут же забыла рассказ Стёпки и перенеслась туда, где милый друг вдовы сражается с турками:

*Ён с туркамі ваяе
По каленичкі в крыве.*

Ужас нападал на Галю при этих словах, но дальше было ещё страшнее. И рубашечка на молодце «уся ускипела от крыви».

И настолько образно Галя представляла себе «вскипевшую» от крови рубашку, что со временем стала бояться крови. И когда у них появилась Лизка и мать впервые назвала её «родной кривинкой», Галя не могла отделаться от чувства, что это название когда-нибудь принесёт Лизке беду.

* * *

– Тётка Галя, – говорит Алеська, – а дед Степан старше тебя?

– Старше.

– А он был партизаном?

– Нет, он тогда был маленький.

– Ты же говоришь, что он старше тебя?

– Ну не настолько, чтобы воевать в партизанах.

– А ты видела партизан?

– После войны.

Галину Ефимовну удивляют эти вопросы. Хотя чему удивляться, наверное, для Алески бородатый дед Степан жил в те стародавние времена, в какие всё могло случиться.

– А он не носил донесения партизанам?

– Нет, их носила тётка Наталья.

– Тётка Галя, а кого вы боялись больше, партизан или полицаев?

– Вот те на, партизаны были свои, а полицаи служили оккупантам. Кого нам было бояться? – отвечает Галина Ефимовна, чувствуя, что вопрос её покоробил.

– А дед Степан говорил, что партизаны у вас корову увели.

– Это были не партизаны.

– А кто?

– Вооружённые люди, бандиты...

– Да, а дед говорил...

– Что мог запомнить дед, он был ребёнком.

– А ты, ты тоже была ребёнком, ты запомнила?

– Да.

– Но ты же была ещё меньше.

– Зато я была впечатлительней. Ну хватит о грустном, посмотри телевизор, а я помою посуду.

– Я сама помою.

– Ты помоешь завтра, а сегодня это сделаю я. Иногда это занятие отвлекает от ненужных мыслей.

– Ты прям как Агата Кристи.

Галина Ефимовна уходит на кухню, включает воду и начинает механически намыливать тарелки, ложки и чашку, слыша, как Алеска переключает каналы «Горизонта».

* * *

Отец с утра натопил печку, сварил картошки, и вся семейка, за исключением матери, сидит за столом, на котором лежат деревянные ложки, а перед каждым несколько картофелин. Горячая картошка чистится плохо, и Наташка и Стёпка незаметно пытаются отвлечь друг друга, чтобы похитить у соседа чищеную картофелину. Но отец настороже, короткий удар

деревянной ложкой по лбу – и всё становится на свои места: стол не место для игр и шуток. Правда, отец таким образом чаще всего наказывает Стёпку или Наташку, младшую дочь он милует, хотя она тоже участвует в этих шалостях. Тут ничего не поделаешь, если у тебя украли бульбочку, нужно воровать у соседей, иначе те облаглют и будут это делать постоянно.

Галя чистит очередную картофелину и вспоминает вкус конфет, которыми её угощал немец по имени Ганс.

Ганс приходил к ним несколько раз. Был он высокий, тощий и, несмотря на тёплую погоду, ходил в шинели. Он долго бродил по двору, заглядывал во все углы хозяйственных построек, о чём-то говорил с отцом по-немецки. Из всех детей он почему-то выделял Галя. Брал на руки, давал круглые конфеты, говорил:

– Ин фатерлянд драй киндер.

После ухода немца отец усадил Наташку на табурет и, выпроводив всех из дому, сделал ей городскую причёску, накрутив косу на голове. Потом отправил с узелком к дальним родственникам в вёску, что находилась в одиннадцати километрах.

Вернувшись обратно, Наташка рассказала, что спокойно прошла немецкие посты, и её никто не остановил, потому что останавливали и проверяли только взрослых тёток и дядек. В вёске ей расплели причёску, извлекли записку, опять накрутили косу и отправили обратно.

Но, посмотрев на себя в зеркало, Наташка расстроилась. Оказывается, Яхфим одной рукой смог заплести её лучше, чем дядька из вёски двумя.

Потом оказалось, что немцы проводили какую-то операцию, но кто-то предупредил жителей, и они ушли в лес.

Сразу же после этого пришёл Павлюк с двумя немцами и каким-то гражданским типом. Тип стал допрашивать отца.

– Что тут делал Ганс?

– Приходил менять свечи на яйца, – ответил отец.

– Покажи свечи, – потребовал следователь.

Отец достал из шкафчика несколько свечей, завернутых в тряпицу.

Следователь задал ещё несколько вопросов и ушёл.

В доме несколько дней было напряжённо, но потом все как-то успокоились. Всё обошлось, если не считать того, что Павлюк и его напарник вернулись и забрали последних курочек.

– А кто будет платить? – спросил отец, наблюдая, как молодой напарник Павлюка сноровисто запихивает кур в мешок.

– А никто, – ответил Павлюк, – ты, Яхфим, у меня с прошлого года в должниках.

* * *

«Кто это так непривычно пищит? – думает Галя, просыпаясь, – на Надьку не похоже. У той голос значительно грубее».

Свесившись с печки, Галя видит, что мать сидит на лежанке и держит на руках свёрток, который пищит и извивается, как червяк. Галя начинает понимать: это младенец, или, как говорили в вёске, немовляти. Мать даёт ему грудь. Писк на какое-то время прекращается.

Стёпка рассказывает Гале, что ночью приходил Кондрат с двумя партизанами и маленькой девчонкой. Он сказал отцу:

– Или забираем корову, или возьмёшь девчонку.

Девчонку звали Лизкой, и было ей от роду несколько недель.

– Как жену зовут? – спросила мать Кондрата перед уходом.

– Тебе, тётка, какое дело?

– Время тяжёлое, вдруг не придёте за ней?

– Елизавета Кондратьевна она, – невпопад ответил Кондрат, но уже на выходе добавил: – а мать её зовут Ксения.

Адъютант Кондрата Василёк приходил несколько раз посмотреть, как мы обходимся с Лизкой, а потом перестал ходить.

Девочка была маленькой и слабенькой. На головке редкие волосёнки и короста. Галя с Наташкой стали рассматривать её, но мать сказала, что на маленьких детей нельзя смотреть так долго.

Мать кормила её грудью, делала соски из хлеба с отрубями, мыла её в отваре череды, мазала головку постным маслом, и через како-

е-то время все болячки Лизки прошли. А мать привыкла к ней и, поскольку Надька уже ползала и даже пыталась ходить, то на руках у неё чаще всего была Лизка. А уж после того, как Лизка стала агукать и произнесла первое слово «мама», Ходора назвала её «родная кривинка».

* * *

Складывалось впечатление, что Павлюк знает всё, что делается в Заболотье. После прихода Кондрата он был тут как тут.

– Яхфим, – сказал он, – война кругом, жрать нечего, а ты детей стругаешь?

– Бог дал, – сказал отец, – на сметник* не выбросишь.

– Кто из бабок роды принимал? – спросил Павлюк.

– Чего бабок беспокоить, я сам и принял, – ответил отец.

– Ну-ну, – сказал на это Павлюк, обошёл все углы хаты, словно хотел найти доказательства того, что отец ему врёт, и остановился, как бы вопрошая: «Что будем делать?»

Отец протянул ему старую торбу, в которой были кусок сала и бутылъ самогона.

– А выпить со мной не желаешь? – спросил Павлюк.

– Ты же знаешь, я хворый, – ответил отец, – не пью.

– Ну-ну, – сказал Павлюк, покачался с пятки на носки и ушёл.

И опять, как после визита Ганса, наступили тревожные дни ожидания несчастья. Но и на тот раз всё обошлось. То ли Павлюк поверил тому, что сказал отец, то ли не хотел связываться с Кондратом, поскольку тот был свиреп и не простил бы ему этого.

* * *

А девчонка со временем стала своей в семье Прошковиной. Наташка и Галя по очереди таскали её на руках, и она позволяла это делать. Правда, всегда косила глазами, не далеко ли её несут от матери. А так как чаще всего с ней приходилось сидеть Гале, то она освоила

* Сметник – помойка.

второе слово, и было оно отнюдь не «папа», а «Гая», правда, звучало оно как «Гайя». В остальном её речь напоминала набор звуков, которыми она хотела высказать что-то, её волнующее. И когда до неё доходило, что её не понимают, начинала обижаться и плакать. Ходить она так и не научилась, хотя к маю сорок четвёртого ей был уже почти год. На руках у матери она тянулась к Гале и Наташке, но всегда насторожённо реагировала на Стёпку и отца. Когда кто-то из Прошквичей-мужчин пробовал взять её на руки или шевелил пальцами рук, приглашая её, личико Лизки мгновенно сморщивалось, и она начинала плакать. В этот момент мать всегда поворачивала её головкой к себе и успокаивала:

– Ну, ну, – говорила она, – не отдам тебя Стёпке, не отдам, моя, моя...

* * *

Через полгода после появления Лизки Прошквичи лишились последней живности, коровы Лыски. Было это в начале зимы сорок четвёртого. Удивительно, но молока матери хватало и Надьке, и приёмной дочери. Правда, к тому времени Надька уже смело пила коровье, тогда как у Лизки от него всегда начиналось расстройство живота.

В одну из январских ночей Гая почувствовала странную тревогу в доме и проснулась.

– Батька, – сказала мать, – никак к Лыске кто-то пошёл.

Во дворе слышался хруст снега от чьих-то шагов, а затем раздался тяжёлый вздох, так могла вздыхать только Лыска. Мать бросилась зажигать свет. Но только она чиркнула спичкой, как по окну ударила автоматная очередь, и все, кто был в хате, без всякой команды бросились на пол.

– Не шевелитесь, – сказал отец, – не поднимайте головы.

Но никто и не хотел поднимать голову, все лежали на полу и кожей чувствовали, как от них уводят их кормилицу.

Кто-то подошёл к окну и заглянул внутрь. Затем он исчез. Отец заткнул разбитое окно подушкой, обмотав её предварительно покрывалом от ложка.

Чуть рассвело, Стёпка и отец сходили в пуню. Лыски там не было. Всё это было странно. Между хлопцами Бородин и Кондрата было некое соглашение не трогать живность у тех, кто имел много детей. Наверное, это была какая-то случайная банда мародёров.

– А может, её вернут? – спросила Наташка на следующий день. – Шаль ведь вернули.

Ни мать, ни отец на это ничего не ответили. А с шалью действительно приключилась удивительная история. Гая как-то простудилась, и мать, напоив её кипятком, настоящим на сухой малине, закутала шалью и уложила спать на печку. А ночью у них ночевали два хлопца из отряда Бородина. Они ушли под утро, долго копались, одеваясь, не зажигая лампы и свечи. А утром мать с удивлением обнаружила, что куда-то исчезла шаль.

Но потом шаль принесли. Правда, это были другие парни. Впоследствии до Прошквичей дошли слухи, что об этом узнал Бородин и хотел расстрелять хлопца за мародёрство, но тот сказал, что взял шаль временно, с согласия хозяев и обязательно вернёт им.

Почему Галина Ефимовна помнит лучше всего сорок четвёртый? Может быть, потому, что он богат на печальные события, а может, потому, что ей тогда уже было семь лет.

Мать всё больше привязывалась к Лизке, впрочем, как и та к матери.

Ходора, пытаясь укрепить ей ножки, часто держала её на руках, и та прыгала, упираясь в колени матери.

– Лиза, Лиза, Лизавета – развесёлая кобета, – повторяла мать одну и ту же строчку какой-то песни.

* * *

Приближалось лето сорок четвёртого. Все понимали, что скоро оккупации придёт конец. Стали готовиться к тому, чтобы уйти в лес на время отхода немцев, так как боялись, чтобы они перед отступлением не отыгрались на местных за своё поражение.

Мать, словно предчувствуя скорое расставание с Лизкой, начала говорить о том, что Кондрат – человек рискованный, он до конца

войны не доживёт, и тогда Лизка останется у нас.

– А Ксения? – спрашивал отец.

– А что Ксения, – говорила мать, и логика её была настоящей женской, – она баба молодая, ей замуж надо будет выходить за городского, а кому она нужна с ребёнком...

Но в одну из ночей мая к нам пришёл Васёк и сказал, что у Кондрата появилась возможность отправить дочку и Ксению самолётом на Большую землю, но мать не отдала ребёнка, и Васёк ушёл ни с чем. На следующую ночь явился сам Кондрат.

– Оставь ребёнка, – говорила мать, – кончится война, тогда и придёшь.

– Всё, тётка Ходора, – сказал суровый командир, – мои приказы обсуждению не подлежат.

Мать начала суетливо собирать Лизку в дорогу. А та, словно почувствовав расставание, начала пищать. Тогда мать зашла за печку и стала кормить её грудью, приговаривая:

– Всё хорошо, ну, ну... моя, моя...

Но Лизка никак не могла успокоиться, наверное, тревога матери передавалась ей.

– Заворачивай её, Ходора, – потребовал Кондрат.

Мать запеленала Лизку и укутала сверху пуховой шалью.

– Ночью в болотах сыро, – сказала она, – не простудите её.

И казалось, что всё закончится благополучно, но в последний момент мать как с ума сошла. Первый это понял отец, он бросился к ней, обхватил руками и придавил спиной к печке, иначе она выцарапала бы Кондрату глаза. Кондрат же направился к дверям, а Васёк как настоящий адъютант прикрывал его отход, пятясь задом за своим командиром, выставив вперёд шмайсер.

Слухи о дальнейшей судьбе Лизки были противоречивы. Говорили, что её удалось отправить самолётом в Москву, а потом говорили, что самолёт не прилетел, и её передали родственникам Кондрата, которые после освобождения почему-то сразу же отправили её в Ленинград.

Чуть позже узнали, что в том же мае погибла Ксения. А Кондрат уехал в столицу и в наши места не приезжал ни разу.

Наташка к пятидесятым годам стала уже взрослой и в ответ на постоянные приставания матери написать в Ленинград и разыскать Лизку сказала однажды, что Лизка живёт в Ленинграде и пошла в школу, поскольку она развитая и её приняли с шести лет.

Мать тут же стала вспоминать о том, как быстро Лизка училась говорить и, конечно, была умненькой.

– Вот Надька, – говорила мать, – научилась говорить в два года, а Лизка, она бы... А ты откуда это знаешь?

– Однокурсник по техникуму в Ленинграде справки наводил, – ответила не моргнув глазом Наталья.

С той поры всё и началось. «Однокурсник» Натальи стал время от времени сообщать о житье-бытье Лизки. А мать долго жила каждой новостью, повторяла её, комментировала каждое Лизкино действие.

Эта ложь во спасение потянула за собой серию других. Так постепенно Лизка росла, часто болела, лежала в каких-то детских больницах, но с честью справлялась с болезнями.

– Голодное детство, – говорила мать, – вот если бы её свозить на юг...

Через год Лизка «стала ездить на юг», и ей «стало лучше». Но эти «поездки» породили другую опасность. Мать стала интересоваться: каким поездом Лизка ездит на юг?

– И что бы ей не заехать к нам в гости, – говорила она, – ведь не чужие же мы ей. Вот ты, Галя, её на руках таскала, хотя сама была до печки вершок...

Но Лизка так и не заехала к матери. А потом и вообще закрутилась: поступила в институт, окончила его с отличием, стала работать в каком-то важном учреждении. Потом вышла замуж. Но детей у неё так и не появилось. Наталья, ожёгшись на «поездках Лизки на юг», интуитивно понимала, что мать может пожелать увидеть Лизкиных ребятишек, может попросить связаться с Лизкой, то есть Елизаветой Кондратьевной, и попросить её привезти детишек на лето.

Потом с Натальей случилось несчастье. Она с мужем возвращалась домой, и машина врезалась в грузовик, который выехал к ним на встречную полосу.

Когда горечь утраты по дочери немного утихла, мать опять стала вспоминать о Лизке. И тогда эстафета рассказов о жизни в Ленинграде Елизаветы Кондратьевны перешла к Галине. И Галина стала делать это так же, как и Наталья, с той разницей, что осознала греховность этого: в одну из ночей ей вдруг пришло озарение, а не наказал ли Всевышний Наталью за эту ложь. Но остановиться было уже невозможно. Галина понимала, что мать этого не вынесет.

Рассказы о Лизкиной жизни Ходора принимала с гордостью и ревностью одновременно. И только однажды высказала ту мысль, которую предполагала когда-то Наталья.

– А вот родятся у Лизки дети и будут ездить ко мне на лето. А что, у нас тут хорошо, лес, болота, грибы, ягоды.

Но Лизка «всё время отдавала работе», и ей было не до детей. И тогда мать стала её осуждать за то, что она не думает о детях.

– Наверное, ходит в пальто с горжеткой, – говорила она, – живёт в многоэтажном доме рядом с Таврическим садом. А кто о ней позаботится, когда она станет старой?

Про Таврический сад мать знала из книжки, которая была у внука Сашки, сына Натальи.

И вот уже и дочь Сашки поступает в институт. Быстро летит время.

Мать переживала за отсутствие детей у Лизки, не замечая, что семейная жизнь её родной дочери Гали не складывается, что она разошлась с мужем и детей у неё, скорее всего, уже не будет.

* * *

Вчера опять был страшный день, о котором вспоминать не хочется. Во двор пришли какие-то странно одетые солдаты.

– Французы, – сказал отец.

На ломаном русском они попросили накрыть на стол. Отец поставил на скатерть стаканы, самогон, тарелку с квашеной капустой и большую миску с картофелем.

Увидев всё это, гости разозлились.

– Партизан – большой картошка, нам – маленький, – кричал один из них отцу.

И тут случилось то, чего Галя не могла понять.

– Мы для своих детей готовили, а не для вас, – сказал отец, а потом добавил что-то на каком-то языке, похожем на воркование голубей.

Французы выскочили из-за стола и бросились к нему. А Галя, спрыгнув с печки, вцепилась отцу в ноги, боясь, что французы его заберут. Так и стояла она, закрыв глаза, слыша, как кричит мать и как о чём-то говорят французы, понемногу понимая, что интонации их речи не несут ничего страшного. Уже после войны Галя узнала, что в Первую мировую отец был в плену и там научился говорить по-немецки и знал несколько фраз на французском.

При всём том, что рацион семьи Прошкочичей был небогатым, дети если и не были сыты, то большого голода не испытывали.

Из крапивы и щавеля варили суп, заготавливали грибы, даже подорожник и цветочки конюшины*, которые собирались, сушились, толклись в ступе и служили приправами и добавками к супам, борщам, болтушкам из муки и затиркам.

Но желание наесться от пуза присутствовало постоянно.

Со временем мать стала отпускать Гаю в лес с Наташкой, а чаще всего со Стёпкой. Вот и сегодня Стёпка лазает по берёзам и собирает вороньи и сорочьи яйца.

Иногда он пытается поймать сороку, но в круглых сорочьих гнёздах два входа, и если ты всунешь руку в один, то сорока мгновенно выскочит из другого. С вороньими гнёздами ещё сложнее, они полностью открыты. Стёпка держит в зубах за завязки шапку, в которую он складывает голубовато-зелёные в крапинку яйца.

Вот он спускает её вниз. Галя рассматривает добычу, радуется, что тонкие скорлупки не повредились. Стёпка разводил костер и в его золе печёт яйца. Делать это нужно осторожно, чтобы они сразу не потрескались, не вытекли, не смешались с золой. Но всё равно яйца всегда подгорают с одной стороны. Стёпка по-братски отдаёт Гале несколько штук из своей доли, а потом, откусывая принесённые из

* Конюшина – клевер.

дому варёную картошку и хлеб, Галя с братом поедают добычу.

– Матери не говори, – предупреждает брат, когда они возвращаются домой, – что мы сорочьи яйца пекли.

– Ладно, – отвечает Галя.

Впрочем, ей и в голову не пришло бы рассказать об этом матери.

Стёпка кажется ей большим и серьёзным парнем, который всегда защитит её от опасностей, и подводить Стёпку она не будет, хотя Галя до конца не понимает, что плохого в том, что они пекли и ели сорочьи яйца.

Стёпка шагает впереди, а Галя плетётся за ним. И ей не страшно в лесу, потому что с ней её старший брат, который, однако, совсем недавно чуть было не подвёл всю семью.

Уже с первых месяцев оккупации у жителей вёсок сложилась негласная договорённость в случае опасности всем находиться дома или в одном месте.

– Если уж случится что, так всем один конец, – повторяли родители.

Стёпка был у соседей, когда услышал звук мотоциклетных моторов. Он выскочил из хаты Ганны Болотки и бросился домой.

Увидев бегущего мальчишку, немцы окружили хату Прошковиной, обыскали все углы, чердак, запечье, испороли все подушки. Они подумали, что Стёпа бежит предупредить прячущихся в хате партизан.

* * *

Уже став преподавателем истфака, Галина Ефимовна пыталась в архивах найти упоминание об отряде Кондрата, его личном составе. В книгах о партизанском движении бригад с названием «Смерть фашистам» было несколько десятков. Но Галина Ефимовна разыскала и Бородину, и Кондрата. Кондрат значился командиром отдельной диверсионной группы.

Далее шли сводки и отчёты о деятельности бригады, её отрядов и групп и ничего больше.

Тогда она стала искать очевидцев. Медленно, по крупицам восстановила картину той блокады, в которую попала в мае сорок четвёртого группа Кондрата.

А после того как восстановила, с ещё большей ревностью стала рассказывать матери о Лизке.

Отец умер в семьдесят пятом, мать пережила его на пятнадцать лет.

Со временем она всё меньше вспоминала о «родной кривинке».

– У неё своя жизнь, – как-то философски заметила она и больше никогда не спрашивала дочь, что там слышно о Елизавете Кондратьевне.

И только перед смертью вдруг сказала:

– Умру, наверное, скоро.

– С чего это ты вдруг?.. – начала было Галина.

– Лизка сегодня приснилась...

После смерти матери у Галины Ефимовны отпала обязанность рассказывать о жизни в Санкт-Петербурге её приёмной дочери. И о существовании Елизаветы Кондратьевны в семье Прошковиной не вспоминали.

* * *

Май сорок четвёртого. Немцы блокировали соседнюю партизанскую бригаду. И по стечению обстоятельств в блокаду попал и отряд Кондрата. Тактика партизан в таких случаях была проста: разбивались на маленькие группы и пытались прорваться. Но Кондрат не стал дробить свой отряд.

Не имея возможности получить у местных жителей продукты, уклоняясь от поисковых групп противника, отряд пытался нащупать места, где можно было либо пойти на прорыв, либо выскользнуть из окружения незамеченным. Но куда бы они ни выходили, везде были немцы, стояла военная техника и громкоговорители убеждали партизан сдаться и получить помилование от немецкого командования, помыться в бане и сытно поесть.

Оставалась одна надежда на выход к стыку двух лесных массивов, хотя никаких данных, что там нет противника или противник сосредоточил малые силы, у командира не было. Впереди в пределах видимости были заметны спины двух дозорных, остальные же брели одной группой. Бойцы не спали и не ели

несколько суток. Недовольство решением Кондрата не разбивать отряд на группы росло и переходило в ропот. Ксения несла на руках Лизку, время от времени давая ей пососать тряпочку, в которую был замотан сухарь. Но это уже не устраивало девочку, и та стала пищать.

– Оставь её, – сказал Кондрат жене.

Та отрицательно мотнула головой. Кондрат, не привыкший к возражениям, снял с плеча Васька шмайсер.

– Оставь... на купине*.

Ксения, спотыкаясь и оглядываясь на мужа, не передумает ли он, положила пищавший свёрток на болотную кочку.

– Иди, – сказал Кондрат ей, указав стволом автомата в сторону, куда двигался отряд.

Васёк увлёк Ксению за собой, а Кондрат остался возле болота, в ожидании, когда последний из его бойцов скроется за стволами деревьев. Среди множества лесных шумов плач ребёнка был хорошо слышен. Но вдруг он прекратился. Лизка, словно почувствовав, что именно от этого зависит её жизнь, замолчала.

* Купина – кочка.

Ксения вырвалась из рук Васька и побежала обратно. Однако плач тут же возобновился, но... последовала короткая автоматная очередь, и Лизка больше не плакала.

В тот же день группа Кондрата прорвалась на стыке двух лесных массивов, потеряв две трети своего состава. Среди погибших была и жена Кондрата Ксения. Те, кто остался жив, говорили, что она искала смерти, и та пришла к ней.

* * *

На следующий день Галина Ефимовна отстояла службу в соборе Петра и Павла.

Она поздно пришла к Богу. В храм ходит время от времени, плохо разбирается в обрядах и не знает многих молитв. Но каждый год в конце мая всегда посещает собор Петра и Павла.

Из услышанного во время служб и некоей логики моления она составила свою молитву, в которой просит прощения за ту многолетнюю ложь и... упокоения души рабы божьей Елизаветы... на поле боя убиенной.

Михаил ПОЗДНЯКОВ

Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Член правления Союза писателей Союзного государства. Автор почти 100 книг. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих других международных и республиканских литературных премий. Председатель общества дружбы «Беларусь – Россия». Академик Международной литературно-художественной академии Украины. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Директор Минского городского театра поэзии. Имеет государственные награды Беларуси и Союзного государства.

* * *

И вновь однажды отболею,
Дорогу к звёздам сокращу.
Но ныне то порой немею,
То голосом немым кричу.

Жизнь наша – боль и радость с горем.
Жизнь коротка, судьба тяжка.
Мы все наказаны раздором
На все года, на все века.

* * *

Войдя в живую тишину,
Тепло обнявшую поляну,
Я в очи ландыша взгляну
И духом в радости восстану.

Зари игристая роса
И с ней кузнечиков сюиты
Вернут мне детства голоса,
Что по лугам давно разлиты.

Поодаль – ряд безлюдных хат,
Плетни дворов без отголоска...
Как все, я тоже виноват
В тоске своей родимой вёски.

* * *

Так не хочется теперь мне
От лесной красоты – домой!
Тишь взорвётся птичьим пенем,
Стихнет вереска волной.

И в лозняк, дымком повитый,
Я вхожу, перекрестясь,
Запах лета духовитый
Пью взахлёб, смакуя всласть.

Никаким на свете дымом
Не затмить погожий взор,
Только жаль – неумолимо
Сходит день за кругозор.

Перевод Г. Киселёва

* * *

Купил у старухи ромашки
И тысячу сунул в придачу.
И понял, что вышла промашка:
– Мужчина, – вдогонку, – а сдача?

Остатки от горького счёта
Я тихонько в пригоршню сгрёб...
Пристыжен насквозь отчего-то
И горд за родимый народ.

Перевод Г. Артанова

Инна ФРОЛОВА

Поэт, переводчик.

Родилась 6 августа 1972 года в городе Минске. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (1996). С января 2013 года работает в штате Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. В настоящее время слушатель ВЛК (г. Москва).

Пишет на русском и белорусском языках. Автор трёх поэтических сборников: «Чакаю першы снег» (2011), «Там у светлых барах» (2012), «Белы бераг» (2016), а также книги для детей дошкольного возраста «Ромашки на асфальте» и книги переводов «Радка жывога пілігрымы». Публиковалась на сайте «Российский писатель» (2017), в ряде коллективных сборников, альманахах, издаваемых в Беларуси, России, газете «ЛіМ», а также журналах «Полымя», «Нёман», «Новая Немига Литературная», «Орёл литературный», «Славянин», «Белая Вежа» и др.

Лауреат Международной премии «Семья – Единение – Отечество» (2014), литературного конкурса СПб, посвящённого 100-летию со дня рождения Алены Бачило (2018), Международного литературного конкурса, посвящённого единению народов Беларуси и России, V Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени Игоря Григорьева «На всех одна земная ось».

Участник Международного семинара молодых писателей в Каменск-Уральском (переводческий семинар, 2015).

На белом берегу

НА БЕЛОМ БЕРЕГУ

Стоит мой дом на белом берегу,
Стоит мой дом на берегу высоком.
Его покой, как прежде, берегут
Сирени белые у молчаливых окон.

А рядом луг на белом берегу –
Слегка горчит полынь хмельные травы.
Конь в белых яблоках пасётся на лугу,
Такой ретивый – не найти управы.

Укроет берег на заре туман,
Конь молодой собьёт копытом росы.
А после ветер, что шальной цыган,
Уложит гриву шёлковую в косы.

Стоит мой дом на белом берегу.
Дымком с дороги гостя привлекает.
Дом от сирени белой, как в снегу.
Конь белогривый за версту встречает...

* * *

Столько лет я живу наугад,
Безнадёжно влюблённая в жизнь.
То малиновый звон, то набат...
То судьба умоляет: «Держись!..»

Мне на райские кущи порой
Не хватает ни зла, ни белил.
А смывает водой дождевой
То, на что не жалела чернил.

И заранее зная ответ,
Не полжизни потратила – всю –
На сомнительный памяти след –
Рядовой оставаться в строю.

* * *

В тот час, когда переступлю черту
У неизбежной точки невозврата,
Господь мой Бог, вновь за тобой пойду,
Путь осияв, при жизни трижды клятый.

В Твой дом войду, в окне увижу Сад.
Стыдиться буду за босые ноги,
За весь в пыли заплатанный наряд,
Уместный разве для земной дороги.

Без багажа предстану, налегке
Перед Светлейшим и Пречистым ликом.
Измятый лист, зажатый в кулаке,
И тот отдам безропотно и тихо.

Просить не смея, слово облеку
В горячий сок в Саду созревшей вишни.
Один глоток, Господь, одну строку,
Оставь как память о суетной жизни.

ШТРАФНАЯ РОТА

(Из воспоминаний фронтовика)

Пахло свежестью, пахло весной...
Нам казалось, что всё это снится:
На глазах перед ротой штрафной
Нарядилась даль в русские ситцы.

Разрумянилась, хоть ты студи,
И вся рота молилась на вдохе:
«Мать Честная, беду отведи
От непуганой этой дурёхи...»

Жить хотелось, да так позарез,
Молодым, пацанам желторотым.
На рожон только ветер и лез,
Знать, такая у ветра работа.

А с рассветом всех обняла даль,
Перестроив небесную роту.
Нам за Родину жизни не жаль,
Просто жить по весне так охота.

ЗАПОЗДАЛОЕ СЧАСТЬЕ

Дай мне руки, я их обогрею.
К ним прижавшись горячей щекой.
Охмелею тобой, осмелею,
Не смогу надышаться тобой.

Прошепчу над тобой обереги,
Чтоб в чужой стороне не пропал,
В сумасшедшем неистовом беге
От завистливых глаз не упал.

Да и мне в суете бесконечной
Так легко оступиться и – в грусть,
Да пропасть безвозвратно, навечно...
Дай мне руки – и я удержусь.

Я слова «не смогу», «не сумею»
Сброшу под ноги, словно старьё.
Дай мне руки, я их обогрею,
Запоздалое счастье моё.

НОВОСТЬ

В наш дом отец привёл другую.
Соседка новость принесла:
«Вчера. Под вечер. Молодую.
Пока в гостях семья была».
И мы, обнявшись в коридоре,
Стояли молча, мать и дочь.
Ещё принять не в силах горе,
Уже не в силах выгнать прочь.

Леонид БОГДАНОВИЧ

Родился в 1948 году в Белоруссии, на Брестчине. Дебютировал в 2003 году в журнале «Беларуская думка». Пишет стихи и прозу на русском и белорусском языках. Член Союза писателей Беларуси с 2006 года.

ПОСТУЛАТЫ БОРА

Атом может находиться в особых стационарных состояниях, каждому из которых соответствует определённая энергия. В стационарном состоянии атом не излучает (свет). Переход атома из одного стационарного состояния в другое сопровождается электромагнитным излучением. От степени излучения атома зависит длина волны. Т. е. каждый атом будет светиться своим цветом: красным, жёлтым, синим... Люди подобны атомам, всеми цветами радуги светятся их души в возбуждённом состоянии.

* * *

Ты воевал под красным флагом,
Орду фашистскую громя.
Поднявши знамя над Рейхстагом,
Ты защитил собой меня.
Но слишком вас легло в могилы
В ту беспощадную войну.
И не хватило грозной силы
Спасти от «меченых» страну.
Я поклонюсь убитым низко
На христианский наш манер.
И допишу на обелисках:
«Здесь похоронен СССР!»

ГРОЗА

Посвящено Чернобылю

Грохот над домом нашим,
Словно в аду дебош!
Витязи в небе пляшут –
Мёртвых бросает в дрожь.

Молнии в землю метят,
Душат во мраке свет.
Хлещут дожди, как плети,
Слабым пощады нет.

Ветер – буян горячий –
Взялся земле помочь.
Тучи, как псов бродячих,
Гонит повсюду прочь.

Солнцу раскрыл объятья,
Громы стряхнул с небес...
Птицы поют от счастья.
Господи, день воскрес!!!

МУХА

Стучась в закрытое окно,
Она отчаянно жужжала.
Ей было в комнате тесно,
Свободы в доме не хватало.

Там за окном иная жизнь,
Где солнце огненное светит.
Грибные там идут дожди,
Свободой дышит вольный ветер.

Но не давалась эта твердь,
Что создана другим в угодую.
И ей хотелось умереть
И смертью выкупить свободу.

* * *

Не грусти, что коснулась волос седина
И в глазах паутинки летают,
Что в холодных дождях затерялась весна –
Это осень пришла золотая.

Что не скажет никто, кому свечи зажгут,
А кому улыбнётся удача;
Вновь откуда глаза свои слёзы берут,
Если в горе и радости плачут?

Что хлеб-соль на столе, да не хочется есть.
Только воду слегка пригубили.
Но, поднявшись идти, снова хочется сесть,
Будто крепким вином опоили.

А за дверью зима примеряет наряд,
По утрам серебро распуская.
И умершие листья в безмолвье летят –
Это осень пришла золотая.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Концертный зал – асфальтная площадка.
А дождь весной – небесная вода!
Кругом кишат блюстителю порядка.
Цветы, венки и водка, как всегда.

Подняли разом кружки за Победу!
А после третьей кто-то закурил...
Седой комбат придвинулся к соседу
И за погибших выпить предложил.

Застыли в ряд тяжёлые медали,
Война прошла, как в шторм девятый вал.
Не просто так герои умирали –
Чтоб нас на «ТЫ» никто не называл.

Парад открыла бравая пехота,
Поставил точку праздничный салют!
Прости, солдат, нам завтра на работу,
Лишь в День Победы за Победу пьют!

Наталья СОВЕТНАЯ

Кандидат психологических наук, поэт, прозаик, публицист, литературный критик.

Автор двенадцати книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в России и Беларуси, в том числе: «Цветок на морозе» (2006), «В поиске сокровища» (2008), «За краем света» (2010), «Тайна русского Царя» (2010), «Два поклона» (2015), «Увидеть ветер» (2014), «Венчики золотые» (2016), «На земном подсвечнике» (2016), «Пучок травы» (2015), «Одна судьба» (2018), «Угадывай любящим сердцем» (2019). Многие стихи переведены на белорусский, украинский, английский языки. По поэтическим и публицистическим произведениям лексикографом А. П. Бесперстых созданы три словаря эпитетов (2016, 2018, 2019).

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов. Имеет награды, в т.ч. медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный князь Александр Невский» (2008), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)», орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

Член Союза писателей Беларуси, СП России, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) и литературных чтений им. И. Н. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

ВЕТЕР РАДОСТИ

Случается, при полной тишине,
Когда прозрачный воздух неподвижен,
Качнётся занавеска на окне
И кто-то самый близкий станет ближе...

Вдруг вздрогнет, затрепещет Божий мир,
И заиграют ангелы-музыки,
Ликуя, запоёт небесный клир,
И лица вмиг преобразятся – в лики!

...Восторг теснит разбуженную грудь.
Душа, порывы милости обильной
Вдыхай, вдыхай!

А ветер будет дуть –
Незримый ветер Радости всесильной!

* * *

С ума сойти от этой нежности –
От майской травности тугой,
И от лесной зелёной свежести,
И от туманов над рекой!

Изнемогаю от бессилия:
Вместить бы эту красоту
В душе,

спасаясь от засилья
Грехов, влекущих в темноту.

Но Кто-то бережно и ласково
(Кому дано с небес взирать)
В души глубины,

злу не властные,
Впустил святую благодать!

«ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Глубокое светлое небо
В холодной родной стороне.
Здесь грач на проталине требы
Справляет продрогшей весне.

Он, словно монах умудрённый,
Поклоны земные кладёт –
Молитвою разгорячённый,
Сдаётся и плавится лёд.

Смирились уставшие снега,
Ручьями вот-вот побегут.
Уж дрему стряхнули телеги.
Ворчит залежавшийся плуг.

И шумно хлопочут в макушках
Безлистных ещё тополей
(Совсем не в обузу друг дружке!)
Десятки крылатых семей.

САПЁР

*Памяти Василия Ивановича
Форманского, гвардии красноармейца,
погибшего в боях при освобождении
Витебщины от немецко-фашистских
захватчиков в 1944 году.*

Казалось, даже воздух стал железным,
И вздох – последним.
И последним – взгляд.
Был каждый шаг его полётом в бездну,
В кроваво-огненный свинцовый ад.

Неверное движение мстило взрывом,
Но, смерть опережая, шёл вперёд,
Безминный путь готовя для прорыва –
Пятиметровой ширины проход.

И был перед сапёром враг бессилён,
Слепыми пули становились вдруг,
Когда навстречу им вставал Василий –
Над ним молитвенный смыкался круг.

Готов проход, готов второй и третий.
– В атаку, братцы! – дан уже приказ.
...Дорогой жизни стали метры эти
От дней военных – в наш далёкий час!

СУМЕРКИ СИНИЕ

Бредут по снегам, словно схимники,
Молитву беззвучно творят
Волшебные сумерки-зимники –
Небесные рясы
до пят!

А лес – с голубыми деревьями...
И воздуха синь-синева
Вся выткана чудо-мгновеньями
Божественного Рождества.

От тайной Звезды до Крещения
Душа в ожиданье чудес:
В сиянии Богоявления
Опустится голубь с небес.

Расступятся льды аметистовы,
И воду свят-крест всколыхнёт –
По сини
ногами пречистыми
Господь, воплощённый, пройдёт.

А нынче в снегах, словно схимники,
Молитву беззвучно творят
Январские сумерки-зимники –
Небесные рясы до пят.

* * *

*Моё родимое селенье,
Тебя уж нет, да всё ты есть...
Игорь Григорьев. Ситовичи*

Веретенка журчит – пробудилась.
Вот спасибо, родная, за милость!
Прозвучи нам старинным напевом,
Что слагали на бреге на левом,
Где деревня когда-то звенела,
Горевала, молилась и пела.
А в рассветной тиши было слышно,
Как гудит наковальня у Гриши.

Сито... Ситовичи...
Быль-селенье
Процедило столетья-мгновенья:
И ни хат, ни души, лишь в ложбинках
Кабаны протоптали тропинки,

Во дворах табунятся берёзы
И снега. И землячка промёрзла...
Но журчит Веретенка: «Жить – будем!»* –
Пока память дарована людям.

* Название книги стихов И. Григорьева

ВОЙНА 1812 ГОДА ДОЛГИНОВО

В 1812 году местечко Долгиново (в настоящее время Вилейского района Минской области) дважды встречало французскую армию. Первое появление солдат наполеоновской армии на территории нынешнего Вилейского района произошло 4 июля 1812 года. Это было праздничное победное шествие великой армии. Местные жители воспринимали их не иначе как освободителей Речи Посполитой от Российской империи.

У Наполеона было намерение обойти левое крыло 1-й армии российских войск. Выполнение этого манёвра он поручил корпусу вице-короля Итальянского Евгения Богарне. Тот 22 июня занял Новые-Троки, а через два дня получил приказ следовать на Докшицы, куда и прибыл 6 июля, пройдя Ошмяны, Сморгонь, Вилейку, Долгиново.

Пребывание 4-го корпуса Евгения Богарне на территории Вилейщины было кратковременным, но до наших дней сохранились картины придворного художника Адама Альбрехта, слу-

*Главная квартира в местечке
Долгиново, 17 июля 1812 года.*

*Слева – дом, занятый главной квартирой, на
карауле – гренадеры итальянской пехоты гвардии,
справа – обозная фура. Вдали видна церковь*

жившего в нём и следовавшего со штабом. На одной из них изображено Долгиново таким, каким его видел в то время французский офицер.

«Русские в своем стремлении скорее уйти бросили здесь кое-какие из своих запасов. Вице-король удваивает бдительность, опасаясь, как бы находящийся вблизи неприятель не напал на нас врасплох. Поэтому мы особенно осторожны при выборе позиции на ночь», – писал в дневнике французский офицер, очевидец и участник тех событий.

17 (23) июля французы вошли в Долгиново. «Встали, как обыкновенно, до света. Вышли на большую дорогу, где еще бивачил обоз, а в поле направо и налево выстроилась в линию артиллерия. Опять встретились подъемы и спуски; проходили и лесом; наконец, после трудного

перехода и частых привалов, во время которых с трудом находили провизию, мы пришли в Долгиново, городок с деревянными домами и тремя такими же почерневшими от времени церквями. По улицам сновали приткие на услуги евреи.

Нам дали квартиру на первом этаже дрянной гостиницы, содержимой жидами, и четверо нас офицеров поместились в небольшой грязной комнатке. Весь дом был полнешенек, так как у евреев всегда многочисленное семейство, целая куча детей, грязных, полунагих. Прибавьте к этому шум и гам, производимые продажей водки и хлеба. Солдаты готовили нам скудный обед, за недостатком многого необходимого.

Постепенно шум стал стихать, а вместе с тем комнаты евреев начали освещаться множеством свечек, как в подсвечниках, так и в люстре о семи рожках, висевшей на потолке. Это было начало шабаша. Свой грязный и засаленный костюм евреи сменили другим, многим чище, черным, лоснистым. На головах у них были надеты черные бархатные шапочки, опущенные мехом, сверх платья накинута белая с голубыми полосками плащ, обшитый серебряным галуном. Женщины вместо обыкновенных лохмотьев оделись в нарядные платья. На груди спускался кусочек красной материи, обшитый золотым галуном, а на голове красовался убор, вышитый жемчугом и бриллиантами, с кончиком красной ленты, спускавшейся на лоб.

Потом начались у них заунывные песни. Они сели за стол, меж тем, как свечи сами собой, догорая, гасли, и, наконец, улеглись спать. Всю ночь только и слышно было, что крики извозчиков и грохот проезжавших обозов и артиллерии. Беспрестанно стучали, и мы не могли ни на минуту уснуть», – писал чужеземный воин.

Обращает на себя внимание, что, согласно описанию французского офицера, местные жители с представителями наполеоновской армии обращались не как с оккупантами, а скорее как с гостями, освободителями: предоставляли им жильё, продавали продукты и спиртное.

Второе появление французов возле Долгинова произошло спустя четыре месяца и стало небольшим эпизодом величайшей трагедии

Александр ПЛАВИНСКИЙ

Родился 23 мая 1965 года в деревне Нестёрки Вилейского района Минской области. В 1982 году с золотой медалью окончил Латыгольскую среднюю школу и поступил на химический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. В 1983 году призван на срочную военную службу. После увольнения в запас в 1985 году продолжил обучение в вузе. В 1989 году с отличием окончил университет и был направлен преподавателем в среднюю школу г. Могилёва. С 1989 по 1992 год обучался в аспирантуре Института биоорганической химии Академии наук Беларуси.

С 1994 года проходил военную службу во внутренних войсках МВД Республики Беларусь. В настоящее время подполковник Александр Плавинский служит на факультете внутренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь».

В свободное от службы время увлекается изучением истории родного края. Его исследования более 60 раз публиковались в различных периодических изданиях. Автор книг «500 лет роду Плавинских», «Подпольщики без грифа "секретно"», «Латыгольская летопись», «Долгиновская летопись». Является членом Союза писателей Беларуси.

XIX столетия – гибели великой армии Наполеона.

16 (28) ноября начались морозы, достигавшие 20–23 и даже 28 градусов по Реомюру (-35°C), которые держались до 30 ноября (12.12). По ночам дважды доходило до 30 градусов ($-37,5^{\circ}\text{C}$). С 20 ноября (02.12.) мороз усилился. Передовой отряд лёгкой кавалерии генерал-адъютанта П. Кутузова был направлен на город Лепель, чтобы там, перейдя реку, он смог атаковать неприятельский фланг. По прибытии в Лепель П. Кутузов узнал, что баварцы оттуда пошли через Долгиново и Вилейку, чтобы в Сморгони соединиться с главными силами армии. Вслед за французами был послан отряд под командованием подполковника Тетенберга.

Выступив из Лепеля на Докшицы, 20 ноября русский отряд настиг арьергард баварского корпуса Вреде у Долгинова, на пути к Вилейке. Состоялся бой, в котором французский арьергард понёс сокрушительное поражение. Были захвачены в плен 26 офицеров и тысяча нижних чинов. После занятия Долгинова русскими войсками соединение баварского корпуса Вреде с основными силами армии было предотвращено. В тот же день генерал-адъютант П. Кутузов перешёл из Верхнего-Березина в местечко Шклянци.

Описать, что творилось в те дни отступления от Березины до Вильны и от Вильны до Ковно, никому из переживших этот путь не удалось. Они бросали рассказ, говоря, что словами нельзя передать всё, что они видели. «Великая армия» отступала по той самой дороге, по которой ещё несколько месяцев назад она вошла в Россию. Сильный мороз и голод вынуждали французских солдат искать помощи у местных жителей. Часто случалось, что раненых, тяжелобольных или полностью обессиленных французских солдат заботливо принимало местное население. Чтобы пресечь такие случаи помощи французам, главнокомандующий южной армии адмирал Чичагов 22 ноября издал приказ № 153, в котором писал: «Как при ретираде неприятеля остается много мародеров, которые шатаются по селениям, лесам и дорогам, и дошли ко мне сведения, что помещики приказали своим кре-

стьянам сих мародеров собирать, довольствовать и отправлять в Вильно, то предписываю полкам и командирам при посылке воинских чинов фуражировать, наказывать им...» Меры воздействия на тех, кто нарушал данный приказ и помогал французским солдатам, были жестокими и соответствовали требованиям военного времени.

Как известно, во время наступления Наполеона на Россию практически вся шляхта, проживавшая на западных территориях нынешней Беларуси, присягнула ему на верность. Измученная длительными переходами, голодом и холодом армия Кутузова ступила на землю, где её не считали освободительницей. Русские казаки начали массовые грабежи местного населения, процветало мародёрство и насилие.

Чтобы остановить подобные действия, генерал-фельдмаршал Голенищев-Кутузов в Радошковичах издал 25 ноября приказ под № 81: «За всеми неоднократными подтверждениями встречаю я ежедневно сведения о грабежах, буйстве и насилии над жителями края сего, казаками чинимых; имея Высочайшую волю на совершенное искоренение зла сего, я настоятельно требую, чтобы командующие казачьими полками и отрядами, где таковые состоят, не упускали из виду наказывать жестоко плетьюми и за малейшая шалости, влекущая непосредственно ко всяким угнетениям поселян, за поступки же злонамеренные отдавать немедленно под суд, и, конча оные, в 24 часа представлять ко мне на рассмотрение».

Огромное количество трупов французских солдат вдоль дорог привлекало хищных зверей и птиц. Они настолько привыкли к человеческому мясу, что встречались случаи нападения стай птиц на одиноких путников, остановившихся отдохнуть или присесть.

После боя долгиновские жители собрали тела погибших французских солдат, похоронили их в братской могиле на окраине местечка и насыпали сверху небольшой холм. Со временем на месте захоронения поставили каменный крест, а ещё позже возвели небольшую каплицу. Это было проявление известной симпатии поляков к Наполеону и его армии.

Валерий ЧУДОВ

Член союзов писателей Беларуси и Союзного государства. Лауреат международной литературной премии «Семья – Единение – Отечество». Лауреат премии министра обороны Республики Беларусь. Живёт в Минске.

Родился в 1946 году на Сахалине. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского. Служил на атомных подводных лодках Северного и Тихоокеанского флотов.

Начинал печататься как литературный переводчик с английского. Его переводы были опубликованы в книгах издательства «Мастацкая літаратура» и в журнале «Родник». Пробовал себя в поэзии. Изданы два поэтических сборника. Сейчас пишет историческую прозу. Вышли пять сборников рассказов о белорусах, некогда известных и знаменитых, но со временем забытых или полужабытых. Печатается в сборниках и периодических изданиях как прозаик и переводчик.

НЕСИ СВОЙ КРЕСТ, СВЯЩЕННИК!

Отечественная война 1812 года закончилась победой России над Наполеоном. Славу этой победы нужно отнести не только на счёт наших военачальников и их храбрых войск. Часть её стоит приписать и полковым священникам, таким как Василий Васильковский.

Он был первым священником, награждённым высшим боевым орденом Российской империи – Святого Георгия 4-й степени.

Генерал Барклай-де-Толли уводил свою армию в глубь России. Наполеон шёл за ним по пятам, но догнать его никак не мог. Привыкший к решительным действиям, он недоумевал: почему русские всё время ускользают от него? Почему не дают сражения? А Барклай, понимая, что его сил недостаточно для столкновения с отборными частями французов, спешил на соединение с армией Багратиона.

Был июль 1812 года. Стояла жаркая погода. Солдаты шли в расстёгнутых мундирах. Многие несли в руках манерки с водой.

Полковой священник Василий Васильковский шагал вместе с солдатами. Коренастый, крепкого телосложения, он всегда был среди нижних чинов, деля с ними трудности и лишения военной службы. За это его уважали и рядовые и офицеры.

– Что это мы, батюшка, всё уходим от супостата? – обратился к нему молодой солдат. – Неужто нельзя ему по носу дать?

– Не спеши, – усмехнулся его товарищ, более старший по возрасту. – Успеешь ещё нахлебаться драки.

Священник некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Несмотря на молодость – ему было 34 года, – он был человеком обстоятельным. Все знали об этом и не торопили с ответом.

– Скажи-ка, воин, давно ли ты воюешь? – нарушил наконец молчание отец Василий. Он развернулся к первому солдату. Серые глаза на его грубоватом лице смотрели испытующе.

– Да нет, батюшка, не приходилось, – смешался собеседник.

– А они, – священник махнул рукой за спину, – Европу под себя подмяли. Армия против нас

идёт огромная, закалённая в боях. Такую малыми силами да одним желанием не возьмёшь. Значит, надо собирать наши войска в один кулак. Вот соединимся со второй армией, уравнием силы, а там посмотрим, кто кого!

– Конечно, победим, – уверенно поддержал третий солдат.

– Правильно думаешь, воин. А почему? Потому что мы – на своей земле и защищаем своё Отечество. Потому что стоять мы будем за нашу веру, а Бог – всегда на нашей стороне. Потому что в бой мы пойдём за нашего государя, Александра Павловича. Вот это, братцы, надо помнить всегда.

В ходе отступления Барклай подошёл к Витебску, где стал дожидаться прибытия второй армии. Получив сведения о приближении авангарда Наполеона, главнокомандующий решил задержать неприятеля до подхода Багратиона и выиграть время для прояснения ситуации.

Барклай колебался – давать решительное сражение Наполеону или отступить? Весь день 14 июля начальник штаба Ермолов не переставал убеждать главнокомандующего, что давать бой на витебских позициях – значит идти на верный проигрыш сражения. Следовательно, на уничтожение русской армии. Поздно ночью пришло известие от Багратиона, что ему не удалось пробиться к Витебску и потому он идёт на Смоленск.

Барклай решил тоже идти к Смоленску, оставив в качестве заслона корпус под командованием Палена.

– Главная тяжесть ляжет на тебя, Пётр Петрович, – сказал главнокомандующий генералу. – Тебе надо продержаться хотя бы половину дня, а лучше до вечера, пока вся армия организованно отойдёт. Чтобы обмануть Наполеона, мы сделаем вид, что готовимся к сражению – с утра будем стоять в боевых колоннах, выставим артиллерию, устроим маневры кавалерии, но без боя. Драться придётся тебе.

– Будем бороться до последней крайности, – коротко пообещал Пален.

Он понимал, какую тяжкую роль придётся исполнять ему и его солдатам – задерживать подавляющие силы врага. Изображать живой заслон, наперёд предназначенный к уничтожению. Без малейших шансов на победу.

19-й егерский полк, в котором служил Васильковский, тоже вошёл в отряд Палена.

Вечером к полковнику Вуичу, шефу полка, подошёл отец Василий.

– Николай Васильевич, хочу завтра отслужить молебен перед боем.

– Я не против, – согласился начальник. – Доложу генералу.

Пален был человеком резким, энергичным и быстрым на суждения.

– Согласен. Будет очень полезно для войска.

На рассвете русская армия уже стояла в боевых порядках. Развевались знамёна, блестели сталь и эполеты, звучали команды.

Утро выдалось свежим, безоблачным. На траве блестела роса. С леса тянуло прохладой. Мир казался чистым и умытым.

Отец Василий проводил молебен перед строем солдат. В прозрачном воздухе его баритон звучал торжественно, величаво и разносился далеко по окрестностям. По окончании службы он окропил святой водой боевые знамёна, затем воинов, стоящих в батальонных коробках.

Закончив своё дело, священник встал в первый ряд, за шефом полка. Вуич не удивился, но заметил:

– Тебе бы, батюшка, встать поближе к санитарам. Основная твоя работа – там.

– Дозвольте пока здесь остаться, Николай Васильевич, – твёрдо проговорил Васильковский. – А как начнётся бой, буду исполнять обязанности по обстановке.

– Может, ты и прав, – задумчиво произнёс Вуич. – Неси свой крест, священник!

Наполеон был доволен: наконец-то русские решились на сражение. Он сидел на небольшой белой лошадке и через подзорную трубу наблюдал за манёврами русских. Перед ним стоял их авангард, а вдали виднелись боевые колонны, кавалерия и артиллерия. Французы тоже готовились: подтягивались войска, офицеры проводили рекогносцировку. Вдруг император оторвался от трубы и удивлённо спросил:

– Что делает перед строем тот человек в чёрном одеянии?

– Они молятся Богу перед решающим сражением, – доложил один из адъютантов.

– Суеверие, – фыркнул Наполеон. – Мюрат, начинайте!

И французские войска обрушились всей силой на русский авангард.

Зазвучали боевые трубы, застучали барабаны. Закипела горячая битва. Заухали пушки, полетели ядра, завизжала картечь. Затрещали ружейные выстрелы, засвистели пули. Захрипели лошади. Раздались крики и стоны людей. Полилась кровь. Валились раненые, падали убитые.

В этом страшном, убийственном вихре войны, бушевавшем на выжженном солнцем поле, между расстроенными боем рядами мелькала фигура в чёрной рясе. Отец Василий уже лишился скуфьи, одежда его была изорвана. Лицо почернело от порохового дыма, и только глаза выражали гнев, когда он видел, как оседал на землю убитый или раненый егерь. Священник спешил к нему. Если удавалось, то успевал причастить умирающего и прочесть короткую молитву.

Всю первую половину дня отряд Палена выдерживал натиск врага. После полудня в бой втянулись свежие силы французов, но русский авангард упорно сопротивлялся. Основная часть армии Барклая оставалась на месте и в сражение не вступала.

Когда отец Василий в очередной раз наклонился над раненым, рядом ударило ядро. Осколки камня засыпали лицо, разрезали щеку. Не обращая внимания на льющуюся кровь, священник продолжил своё дело. Подбежали санитары, наспех забинтовали рану. Когда батальоны начали готовиться к штыковой атаке, Васильковский вышел вперёд, чтобы подбодрить бойцов. Сильный удар в грудь чуть не свалил его. Пуля попала в крест.

– Поберегись, батюшка, – закричали солдаты, – ты ведь у нас один!

Русский воин не страшился смерти, но боялся умереть без причастия, быть зарытым без церковного погребения. Если же рядом находился священник, солдат был спокоен. Он знал, что батюшка примет его последний вздох, крестом благословит в могиле.

Но позже пуля всё-таки догнала отца Василия. Он почувствовал, как обожгло левую часть

груди. Санитары подхватили падающего священника. Впоследствии лекарь говорил ему:

– Повезло тебе, батюшка, пуля рикошетом скользнула по рёбрам.

Когда уже солнце катилось к закату, раздался сигнал отхода. Отряд Палена отступил за речку Лучёсу. А с наступлением темноты зажёл по всей линии фронта бивуачные огни, желая показать, что вся армия стоит на позиции в ожидании продолжения битвы.

Между тем Барклай скорым маршем уходил от Витебска. Ночью за ним последовал аррьергард Палена.

Утром Наполеон обнаружил, что русская армия снова исчезла. Наверное, в эти дни он впервые засомневался относительно успеха задуманной им кампании. Император остановился, давая войскам отдых. Подтягивались обозы, подвозилось продовольствие.

Через две недели русские армии соединились под Смоленском. Там же отец Василий посылания вернулся в свою часть.

Солдаты радостно приветствовали его:

– Слава богу, батюшка вернулся!

Он улыбался в ответ:

– Как же я без вас?! Вы же дети мои.

Полковник Вуич тоже обрадовался:

– Наконец-то моральная поддержка была. Я ведь тебя к награде представил. Рапорт командиру дивизии отправил.

Генерал-майор Лихачёв писал в наградном листе: «Когда полк вступал в бой, Васильковский, по искреннему усердию, шёл впереди и благословлял полк крестом. Затем в разгар боя, в самом жарком огне, он находился среди воинов, поощряя и воодушевляя сражавшихся, напутствуя тяжелораненых».

В начале августа Наполеон всё-таки догнал русскую армию у Смоленска. У стен этого старинного города разгорелась жестокая битва.

Полк Васильковского в составе корпуса Дохтурова прикрывал отход войск, не давая французам возможности переправиться через Днепр. Французы несли огромные потери, но шли вперёд по тысячам трупов. Русские тоже теряли множество солдат и офицеров. Упорный бой продолжался до самой ночи. В Смоленске начались пожары. Все штурмы были отбиты,

французы отошли от городской крепости на расстояние ружейного выстрела.

По слабости здоровья отец Василий исполнял свои обязанности при госпитале. Все двое суток штурм Смоленска он не спал. Валился с ног, но дело своё не прекращал. Утешал раненых, напугивал умирающих, погребал убитых.

В ночь на шестое августа корпус Дохтурова получил приказ: скрытно уйти из Смоленска и сжечь мосты. Они оставляли за собой уже не город, а пылающий ад, огромный костёр, покрытый трупами.

На рассвете Наполеон проснулся с твёрдым решением дать генеральное сражение. Но адъютанты показали императору на уходившие за Днепр неприятельские колонны. Опять они ускользнули!

Русские двигались на восток. Полк Васильковского шёл в арьергарде, ведя непрекращающиеся бои с авангардом неприятеля.

Кутузов, который принял на себя командование армиями, выигрывал время. Он стягивал войска в железный кулак.

Противники встали друг против друга у деревни Бородино. День 25 августа прошёл в приготовлениях к генеральному сражению. Кутузов объезжал войска, разговаривал с солдатами. В русской армии служили очередной молебен. Из полка в полк возили Смоленскую икону Божьей Матери.

Отец Василий тоже провёл в своём полку молебен, с волнением и торжественно прочитал «Молитву перед сражением». Находясь среди солдат, он видел, как нетерпеливо ждут они начала боя, как полны решимости защищать родную землю.

Закончился тёплый солнечный день. Вечером прошёл небольшой, но холодный дождик. Над русским лагерем царила тишина. У костров шли тихие беседы. Священник ходил от огня к огню. Иногда поддерживая разговор, иногда молча слушая других. Заполночь повсюду смолк приглушённый говор. Солдаты спали.

Рано утром 26 августа русская армия уже стояла, готовая к битве. Полк Васильковского занимал позицию на правом фланге у моста через реку Колочу. Именно сюда Наполеон нанёс первый удар.

Начинался обычный, уже с холодком предосенний день. Небо очистилось от облаков. Гасли звёзды. Ночь растворилась в бледном свете утра. С восходом солнца поднялся сильный туман.

В этой белёсой мгле к деревне Бородино неслышно подкрались французские полки и бросились вперёд. В 5:30 загремела артиллерия. Разнеслись каркающие звуки ружейных выстрелов. Послышались ожесточённые крики людей, топот лошадиных копыт. Русские ударили в штыки. Французы отступили, но к ним подошло подкрепление. Русские вынужденно отошли за реку, не успев сжечь мост. Неприятель перешёл на другой берег. Здесь их ждал 19-й егерский полк.

Полковник Вуич поднял шпагу над головой.

– Ну, братцы, настало наше время!

На берегу Колочи завязалась жестокая, яростная схватка. Она длилась недолго. Враг был отброшен назад, за реку. Русские сожгли мост и удержали этот рубеж.

Ближе к полудню полк участвовал в контратаке на батарею Раевского. Гренадерская рота полка, вошедшая во вторую сводно-гренадерскую дивизию, почти полностью погибла. Отец Василий не ходил в атаки, ему хватало дел и без них. Он находился среди медиков. В этом сражении не надо было никого воодушевлять, люди дрались с неистовством. Этот день ему запомнился как «ад в аду».

Батареи и укрепления переходили из рук в руки. Некоторые батальоны так перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было отличить неприятеля от своих. Многие из сражавшихся, побросав оружие, сцеплялись друг с другом. Боролись до последнего и падали вместе мёртвыми. Кавалерия скакала по трупам, втискивая их в землю, пропитанную кровью. Изувеченные люди и лошади лежали группами. Раненые брели к перевязочным пунктам, пока могли. Выбившись из сил, валились, но не на землю, а на трупы павших ранее. Крики командиров, вопли отчаяния на десятках разных языков заглушались пальбой и барабанным боем. Из тысячи пушек сверкало пламя, и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько вёрст. Над полем битвы висело густое чёрное облако от дыма, смешавшегося с парами крови. Оно

совершенно затмило свет. Солнце покрылось кровавой пеленой. Ужасное зрелище.

К вечеру сражение затихло. Поле окутал туман. Наступила тишина.

Но отцу Василию не было покоя. Он хоронил убитых.

Поздно ночью русские снялись со своих позиций и начали отход на Москву.

Утром в штабе Наполеона были изумлены – русская армия исчезла. Французы не верили своим глазам. Дорога была пуста. Ни одного человека, ни одной повозки, даже ломаного колеса не оставил Кутузов на пути. Свежие могилы и кресты говорили, что русские войска отходили спокойно, успевая хоронить своих мёртвых бойцов. А ведь в армии были десятки тысяч раненых и огромный обоз.

– Что это за армия, которая после тяжелейшей битвы так образцово отошла? – вопрошал, обращаясь к Мюрату, изумлённый Ней. Тот молчал.

Русская армия не стала защищать Москву. Она ушла южнее и остановилась у деревни Тарутино. Кутузов собирал силы.

Полки укомплектовывались резервами, прибывавшими из всех губерний. Проводилось обучение рекрутов. Кавалерийские полки пополнялись лошадьми. Сюда шли обозы с продовольствием, возвращались выздоровевшие и оставшиеся рядовые и офицеры.

Полковник Вуич жаловался, что в полку осталось чуть больше половины личного состава. Вскоре прибыло пополнение. Васильковский занялся повседневными обязанностями полкового священника – воспитанием солдат.

Наполеон сидел в сожжённой Москве и не знал, что делать. При вступлении в Москву никто не вручил ему ключей от города, никто не приветствовал его на улицах. Город будто вымер. Война кончается заключением мира, где одна сторона признаётся победителем, а вторая – побеждённой. Но мира не было. На все предложения Наполеона Александр Первый и Кутузов отвечали молчанием. А между тем силы французов таяли. Продовольствия не хватало. Остаться в пустом городе на зиму было равно самоубийству. Наполеон решил оставить Москву

и идти на Калугу, где были продовольственные склады русских.

Корпус генерала Дохтурова, куда входил и полк Васильковского, выступил к Малоярославцу, чтобы преградить путь французам. Спустя сутки за ним последовала вся русская армия.

Однако получилось так, что первыми этот городок заняли французы. И когда русские подошли к Малоярославцу, их часовые подняли тревогу.

12 октября в предрассветных сумерках русские ворвались в город и стремительным штыковым ударом опрокинули колонну французов. Они оттеснили неприятеля на окраину, но удержать позицию не смогли. К противнику подошло подкрепление. Русские отошли и, получив помощь, вновь выбили врага из Малоярославца.

На пространстве этого небольшого уездного городка завязался упорный продолжительный бой. Сила нападения и стойкость защиты, как со стороны русских, так и с противной стороны, были одинаковы. Старые французские вояки, хорошо понимавшие, что от исхода боя зависит спасение всей армии, дрались с неслыханным ожесточением. Но и русские молодые солдаты, по большей части рекруты, воодушевляемые своими офицерами, не уступали им в отчаянной храбрости. Расстреляв все патроны, противники вступали в рукопашный бой. Дрались штыками, прикладами. Душили друг друга, сталкивали в обрывы. Направление улиц обозначалось усеянными трупами. Везде валялись истерзанные тела, раздавленные проехавшими орудиями. Под дымящимися развалинами тлели полусожжённые кости. Множество раненых, укрывшихся в домах, погибло в пламени.

Два раза полк Васильковского ходил в атаку и два раза отходил под напором превосходящих сил противника. Священник всё время находился среди солдат, воодушевляя и благословляя их, сопровождая раненых. Покрытый копотью, с обгоревшими волосами и бородой, он деловито исполнял свои обязанности, не обращая внимания на пули, картечь и ядра, летавшие вокруг.

Когда в третий раз полк, получив подкрепление, бросился на французов, отец Василий шёл в первых рядах, подняв крест над головой.

Неожиданно он пошатнулся и упал. Пуля попала ему в голову.

Генерал Дохтуров сидел на казачьей лошадке и наблюдал за действиями войск. Он видел, как шёл в бой Васильковский, видел, как выносили его санитары.

– Обязательно узнай фамилию этого священника, – обратился он к своему адъютанту. – Представим к награде. Геройский поступок.

В наградном листе Дохтуров писал: «Полковой священник Васильковский в этом бою всё время находился с крестом в руках впереди полка и своими наставлениями и примером мужества поощрял воинов крепко стоять за Веру, Царя и Отечество и мужественно поражать врагов, при чём сам был ранен в голову».

Бой при Малоярославце был одним из самых жестоких в войне 1812 года. Он продолжался восемнадцать часов. Восемь раз город переходил из рук в руки, но победитель так и не выявился. Однако бой этот стал переломным для всей кампании. Наполеон не решился на дальнейшее сражение и дал приказ об отходе войск. От стен Малоярославца началось отсту-

пление французской армии по старой Смоленской дороге.

Кутузов сидел в хорошо натопленной избе, пил чай и слушал адъютанта, который читал ему вслух наградные листы, присланные командующими. Неожиданно он отставил стакан:

– Постой-ка.

Адъютант загнулся.

– Что там Дохтуров пишет о священнике?

Адъютант начал читать. Фельдмаршал прервал его:

– Проверь-ка, был ли он раньше отмечен в боях?

– Так точно, награждён за дело под Витебском.

Кутузов задумчиво покачал головой.

– Знаешь, – вдруг сказал он, – при Измаиле Александр Васильевич Суворов также просил отметить какого-то священника высшей, насколько возможно для этого чина, наградой. Это хорошо, что у нас в армии есть такие геройские пастыри. Ведь для того, чтобы идти в бой без оружия, нужно большое мужество. Наградить надо, это пример всему воинству! Пиши: «Осмеливаюсь просить за сей геройский подвиг о пожаловании ему ордена Святого Георгия 4-й степени».

Адъютант вскинул голову:

– Так ведь по чину не положено.

– Тогда добавь «в виде исключения», – уточнил Кутузов, – а государь уж сам решит, как наградить.

Это был первый случай такой награды священнику.

Васильковский догнал свой полк в 1813 году, уже на границе Германии и Франции. Когда он уходил из госпиталя, лекарь, провожавший его, заметил:

– Опять тебе повезло, батюшка. Рана хоть и опасная была, да всё обошлось.

Отец Василий вместе со своим полком ещё участвовал в двух боях на территории Франции.

К концу 1813 года его здоровье ухудшилось.

Труды и лишения, душевные и телесные страдания, раны и контузия сломили организм героя-пастыря. Не вынес он тяжести дальнего похода и 24 ноября скончался во Франции, оплакиваемый полком и благословляемый Родиной. **А**

Священник 19-го егерского полка
Василий Васильковский

Валерия ИСАКОВИЧ

Родилась 29 декабря 1994 года.

Учится в Белорусском государственном университете на факультете международных отношений, специальность «Мировая экономика», 4-й курс.

Участие в конкурсах: «Славянский калейдоскоп» (2014–2016), «БрамаМар» (2014), Конкурс эссе к 200-летию М. Ю. Лермонтова (лауреат), «Пришла Победа в каждый дом» (2-е место, «Проза» на русском языке).

Публикации: журналы «Маладосць», «Белая вежа».

Я смеюсь и пою сентябрю...

А всё же хорошо, что есть весна:
Над городом вовсю щебечут птицы,
И даже если чуда не случится,
Но счастье – просто верить в чудеса!

А солнечные блики в волосах
Согреют вместо чьих-нибудь объятий –
И просто так дыханье перехватит,
И сделаются влажными глаза.

Тебя совсем не будет. Ни-ко-гда.
Всё ожиданье тщетно, зря я верю –
Срываюсь вдруг в чужие города
Да незнакомцам открываю двери.

То стану сумасбродничать, чудить
В потребности привлечь твоё вниманье,
То вновь пытаюсь терпеливо жить:
Твердить себе, что встречи час настанет

И надо лишь немного подождать...
Но, вырываясь из тюрьмы иллюзий,
Порой я не имею силы лгать
Самой себе. Тебя совсем не будет.

Я смеюсь и пою сентябрю.
Он так молод и нежно-хрустален.
Я его никогда не люблю.
Я его никогда не оставлю.

Мне с утра в городской тишине
В такт печально качаются ветви.
Проигравшее в вечной войне,
Убегает от осени лето.

Я смеюсь и пою сентябрю.
Под бречание старой гитары
Он свою золотую зарю
Надевает на город тиарой.

Владимир АШУРКО

Поэт, прозаик. Член Союза писателей Беларуси. Творит под псевдонимом Филмор Плэйс. Автор книг хайку «Голоса вещей», «Одинокий крик журавля», «Отражение», «Попытка перевода». Автор поэтического сборника «Во весь голос».

Участник поэтических сборников «Россинки», «Арион», «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», «Золотая строка Московии», «Полевые цветы», интернет-журналов «Улитка» и «Ёришк».

Призёр ряда международных конкурсов хайку, серии конкурсов журнала «Поэзия» Московской областной организации Союза писателей России, Третьего русско-японского конкурса хайку университета Акита (Япония).

Сотрудник международного отдела альманаха «Полевые цветы» (Россия).

Простые вещи

Жизнь состоит из простых вещей: рас-
светов и закатов, звона капли и кружения
листвы, утреннего чая и улыбки любимой...
Тех самых простых вещей, которые даются
так легко и значат так много...

* * *

рассчитался с кондуктором
сел на свободное место
еду
перебирая в памяти
события сегодняшнего вечера
часы ожидания
хождение по мокрым улицам
и встречу украдкой
с сыном
бывшей супруги

что-то вещает водитель
а я всё сижу
не поднимая глаза
от пёстрой
потерянной варежки

* * *

закончил дела
и присел у окна
старик-вдовец
тихо вокруг
октябрьские сумерки
с запахом листьев
кошка у левой руки

* * *

потрёпанный мячик в руках
голова в небе
идёшь
пиная каштаны
по одной
мысли о школе
теряя –
вот не осталось
только летящие листья
тебя занимают
полосы света и тени
мячик в руках
и синее небо
езде

* * *

ночь
где встречаемся мы
и исчезают границы
лишь имя твоё
зелёного шёлка нежней
и капучино
притихшего Минска

растворяюсь в тебе
наполняюсь твоим ароматом
таю обломками слов
плыву
доверяясь течению

чудо из чудес –
тело любимой
пальчики с розовым лаком
волосы губы глаза
тихо плыву
волшебной рекой любви
по шее плечам
и дальше
в неведомое

* * *

кружит промокшая улица
плещется
шепчется сад за окном

подоконник в горшках
цветы –
как давно позабытые лица
димка серёжка андрей –
вечнозелёные пленники комнат
растут бестревожно бессмысленно
каждый по-своему мил
каждый по-своему дорог

словно девочка куклам
шепчешь цветам имена
глаза твои –
летние сумерки
бабочки
вьются в твоих волосах

нежностью светом
тончайшими нитями счастья
переплетаемся тихо
так тихо
без слов

кружит промокшая улица
плещется
шепчется сад за окном
(сад зовут филмор)

* * *

вечером у реки
на пустынной отмели
заросшей кустами ивы
любимая
рядом со мной

старая ракита не то спит
не то к чему-то прислушивается
заходящее солнце
бросает отблески на воду
тени скользят по поверхности реки
и рыбы играют в солнечных бликах

запах твоих духов
мешается с речной прохладой
волосы мокрые
после купания
липовый цвет в глазах
а губы розовые и невинные
как лепестки сакуры
(помнишь в японском саду?)
улыбаешься
трёшься щекой о ладонь
подъёмом правой ноги
скользишь по моей голени
рождая
острое чувство безвременья
снова и снова
пересчитываю поцелуями
твои родинки –
за ушком на животе на бедрах –
а когда темнеет
просто целую тебя
куда попало

Светлана БЫКОВА

Поэтесса, прозаик, детский писатель. Член ОО «Союз писателей Беларуси» и Союза писателей Союзного государства.

Родилась в 1962 году в городе Заславле Минской области (Республика Беларусь), где проживает и сегодня. Имеет высшее экономическое образование (окончила Белорусский государственный экономический университет), работала на предприятиях и в учреждениях родного города по экономическим специальностям. В данное время является председателем Минского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси».

Пишет на русском и белорусском языках стихи для взрослых и детей, сказки, занимается литературными переводами. Автор одиннадцати поэтических сборников: «Откровение позднего лета» (2010), «Дорога к себе» (2011) и др. Соавтор восемнадцати коллективных литературных сборников, а также всемирной поэтической антологии *Atunis Galaxy Antology* – 2019. Публикуется в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

Лауреат Белорусского республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2013 года» (номинация «Поэзия»), литературной премии Минского облисполкома в номинации «Поэзия» (2015), Международного литературного конкурса «Созвездие Духовности» (Украина, 2018), областного этапа республиканского конкурса «Женщина года – 2017» в номинации «Духовность и культура». Награждена нагрудным знаком ОО «Союз писателей Беларуси» «За большой вклад в литературу» (2016).

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

На перекрёстке сумрачных миров,
Где даже камни гласу Истин внемлют,
Из звёздной пыли и обрывков снов
Поэт родился, чтоб прийти на Землю.

Пройдя через горнило чёрных дыр
И плазменный огонь звезды сверхновой,
Он устремился в самый плотный мир,
Неся в себе Божественное Слово.

...Земля. Ночного города квартал.
Метнулся с неба яркий лучик света
И у забора на асфальт упал...
Но только ветер в нём признал Поэта.

Из места, где упал он, исходил
Мерцавший свет Возвышенного Слова,
Но город-Молох жадно поглотил
И Слово, и Поэта неземного...

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

Поэта душу кто постиг?
В ней столько горя, столько боли!
С вопросом горестным «Доколе?!»
Поэт срывается на крик.
Молчать не может он – не вправе.
И коль поэт он настоящий,
Ни пуля и ни меч разящий
Молчать поэта не заставят.
Мир нетерпим, жесток к поэту,
Но щит поэта – это лира,
А слово острое – рапира,
И строчки меткие – дуплеты.
Поэта путь: босым – по углям,
Где каждый шаг – в страданиях, с болью.
Предначертанье горней Воли –
Тяжёлый крест, стихов хоругви.

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Мысль родилась и взмыла, как стрела,
Взлетела ввысь – свободно Мыслей племя!
К мирам далёким унеслась стремглав,
Опережая скорость света, время.
По коридору Млечного Пути

Она летела, набирая силу.
Кричали звёзды ей вослед: «Свети!»
И Мысль во тьме, подобно им, светилась.
Познав ментальный, утончённый мир,
Она постичь решила форм основы:
Покинув тонкий радужный эфир,
В стихах поэта превратилась в Слово.

ПАЛИТРА ЧУВСТВ

Не глядя, чувственные краски
По миру разбросал Художник,
Чтоб каждый смело, без опаски
Установил мольберт-треножник
И стал творить – красивой мыслью,
Контрастами эмоций, чувства.
Без чувств, скажите, много ль смысла?
Без них в душе смертельно пусто.

Вот холст – как нежность поднебесья,
Рисунок манит, тешит око,
И вторит сердце светлой песней –
Октавой ангельски-высокой.
Но кто-то цветом антрацита,
Взять краску светлую не смея,
Страну безумного Аида
Рисует, сам чернил чернее...

Льёт Мастер краски не жалея –
Их выбирают подмастерья,
В палитру красок, не робея,
Макают кисточки и перья.

Огромна студия земная:
Учеников гурьба рябая,
Фантазиям конца не зная,
Живёт, творя и разрушая.

ВЕРЬ В СЕБЯ!

Шаг в неизвестность, в пустоту,
На сердце – лёд, в коленях – дрожь.
Дорогу выбрал ту? Не ту?
Куда в конце концов придёшь?
Шаг – и над пропастью завис...
Но что-то не даёт упасть.
За это «что-то» и держись –
В тебе есть сила, мощь и власть.

Не бойся сделать новый шаг –
Возникнет под ногою твердь.
Пусть сгинет страх, как злейший враг.
Вперёд! Назад нельзя смотреть!
Поверь в себя – и Жизни Путь
Твердыней станет под стопой.
Коль сдашься, то не обессуди –
Судьба считается с тобой.

ВОСКРЕШЕНИЕ ДУХОМ

...Каждый раз умирать: до предела
Доходя, до последней черты.
Ты – не слабое брненное тело:
Дух, душа и сознание – ты.
Каждый раз умирать, воскресая,
И, усилившись духом стократ,
Прикоснуться к величию рая
И с надеждой вернуться назад.
Эта сила надежды и веры
Повернёт Лету вечную вспять:
Одолев смерти злую химеру,
Ты, как Феникс, воскреснешь опять.

ПОИСК

Шла я долго сквозь пыль воплощений,
Не жалея сандалий в пути.
Что искала: ответов, решений?
И кого я пыталась найти?
Я себя постигала по крохам,
По подсказкам наитий и снов,
И с последним, неистовым вздохом
Я земной покидала свой кров.
Возвращалась в родные пенаты,
Где царил долгожданный покой.
Кто-то светлый, по-птичьи пернатый
Гладил волосы нежной рукой...
Но толкала меня к воплощенью
Жажда новых познаний, высот:
Стоны матери, муки рожденья –
Снова путник по жизни идёт...
Неземная, могучая сила
Вновь к мирской притянула судьбе.
«Что ты ищешь?» – себя я спросила
И ответила: «Бога в себе».

Микола ШАБОВИЧ

Родился 4 января 1959 года в деревне Бадени Мядельского района Минской области (Беларусь). В 1981 году окончил филологический факультет (белорусское отделение) Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Работал 5 лет учителем на Вилейщине. После окончания аспирантуры преподаёт родной язык в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. Кандидат филологических наук, доцент. Печатается с 1976 года. Автор поэтических сборников «Дом» (1996), «Яшчэ пакуль не лістапад» (1996), «Падары мне сваю адзіноту» (2002), «Мая надзея» (2006), «Маладыя мроі маладога лета» (2017), книги юмора «Хор болей не спявае», отмеченной республиканской литературной премией «Золотой Купидон» как лучшая книга 2008 года в номинации «Сатира и юмор», а также книги литературных пародий «Прыколы ад Міколы» (2015). В последнее время активно выступает как переводчик. Член Союза писателей Беларуси с 1998 года. Живёт в Минске.

* * *

Когда от суеты не продохнуть,
Когда впустую споришь ты с судьбою,
Захочется вернуться в тишину,
Побыть наедине с самим собою.

Захочется уснуть под шум берёз,
Уткнув лицо в подушку травяную,
И погрузиться в мир волшебных грёз,
И пить до дна симфонию лесную.

И не страшиться старости седой,
Жалея, что рассветы за горою
И что не я, а кто-то молодой
Не спит до зорьки летнею порою

И посвящает дивные стихи
Девчонке той, что так и не узнает
Наивной чистоты его строки,
Горячности мучительных признаний...

Ах, годы, годы... Вспять не повернут,
Приснятся разве только на мгновенье,
Виденьями былого промелькнут
Под посвист соловья, под шум весенний.

* * *

Среди настуженных дорог,
Когда душа дрожит от холода,
Возможно, слово – серебро, –
Не забывай: молчанье – золото.

По дням потерянным скорбя,
Себя не мучай тяжким бременем,
Возможно, любят не тебя, –
Не забывай: любовь вне времени.

И что там горы важных дел,
Коль жизнь такая быстротечная?!
Возможно, мало ты успел, –
Не забывай: мы все не вечные...

* * *

Кому ты стихок ни посвящай,
Каким богам ни поклоняйся –
Когда уж сказано: «Прощай!»,
Вернуть былое не пытайся.

И как ни сетуй на года,
Свои диктуя им уставы,

Твой персональный календарь
На небесах давно составлен.

Нам остаётся лишь и впредь
Мечтами тешиться своими,
И вслед за звёздами гореть,
И падать тоже – вслед за ними...

* * *

Как весел праздник юности самой,
Когда всего семнадцать за спиной!..
Увы, сегодня этот парк не мой,
Как не моё и лето выпускное.

И на меня глядят уже не так,
Как некогда, кокетливые феи
И думают, зачем я заплутал
На молодой берёзовой аллее

И что-то бегло черкаю в блокнот,
Бросая вскользь загадочные взгляды –
Как будто на весенний хоровод
Гляжу из золотого листопада...

Ну что ж, пора, наверное, домой.
Что любоваться не своей весною?!
Увы, сегодня этот парк не мой,
Как не моё и лето выпускное...

* * *

Это явь или, может быть, сон –
Слышать слов твоих звон бубенцовый.
Как я музыкой их опьянён!
Так и слушал бы: «Что Вы! Ну что Вы!..»

Златоглазая фея огня
Или ласки ручей быстротечный?
Мы не пробыли вместе и дня,
А знакомы как будто бы вечность...

Вновь когда в мои явишься сны
Ясным проблеском глаз васильковых,
Я скажу: «Ты царица весны!»
И услышу: «Ну что Вы! Ну что Вы!»

* * *

Солнцеглазой весны светлоликая дочь,
Любоваться тобой я готов неустанно.
От улыбки твоей проясняется ночь
И в душе заживают саднящие раны.

Хоть, казалось бы, осени время пришло
И давно пожелтели дубы и берёзы –
Ты сама, будто солнышко, даришь тепло –
И не хочется верить, что грянут морозы,

Что в сугробах сады до апреля уснут,
За окном снеговей-ветра разгудятся..
Ты улыбкой своей подарила весну.
А с подарком таким что зимы мне бояться?!

* * *

Я осенью рыжей хотел бы тебя величать,
Да слишком уж ты молода для осеннего тоста.
Другую такую едва ли смогу повстречать,
С кем было бы так же легко, и свободно, и просто.

Ты даришь мне веру, что мир
не без добрых людей,
Душевым теплом помогаешь
в печали согреться.
Оставь хоть надежду меж этих тоскливых дождей
Твоё покорить неустанно-тревожное сердце.

Позволь погружаться в очей
твоих страстную синь,
Мечту затаив, что наступят и новые встречи,
И, чувства горячий костёр не спеша погасить,
Лелеять-ласкать твои бело-прекрасные плечи.

Другую такую едва ли смогу повстречать,
С кем было бы так же легко, и свободно, и просто.
Я осенью рыжей хотел бы тебя величать,
Да слишком уж ты молода для осеннего тоста.

*Перевод с белорусского
Андрея Тявловского*

КРУГИ СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА ЯНА СКРЫГАНА

Мой отец, который в своей жизни прошёл через все круги ада, всегда верил в победу разума и справедливости на земле. Он всегда стремился видеть в людях лучшие стороны их души. Любил поговорить, пофилософствовать, чтобы понять причины тех или иных поступков. Любил общение с молодыми и, увидев талантливую, ищущую натуру, стремился поддержать уверенность в своих силах, подсказать, направить, помочь найти себя. И делал это всегда искренне. Наверное, поэтому к нему всегда тянулись люди.

Галина Скрыган

Белорусская литература XX века очень богата творческими достижениями. Богата она на имена писателей и поэтов мирового масштаба. Стоит только вспомнить Максима Богдановича, Максима Горьцкого, Янку Купалу, Якуба Коласа, Кузьму Чорного, Василя Быкова, Владимира Короткевича, Янку Брыля и многих, многих других талантливых писателей, прославивших нашу Родину, её народ на страницах своих произведений. Но этих имён было бы значительно больше, а вклад белорусской литературы в мировую ещё весомее, если бы не сталинские репрессии 20–40-х годов. В их жерновах погибли уникальные молодые таланты: Лукаш Колюга,

Тодор Кляшторный, Валерий Моряков и ещё десятки других подающих надежды писателей. Те немногие, кому удалось уцелеть в этих жерновах, вернувшись, или отошли от литературной деятельности, или долгое время писали с оглядкой. По словам дочери поэта Сергея Гроховского, у них у всех были «подрублены крылья». Вернуться в литературу, создать достойные произведения после 20 лет лагерей и запрета смогли немногие. Один из тех, кому это удалось, – замечательный писатель Ян Скрыган. Ему было уже под 50, когда всё пришлось начинать сначала. Спустя несколько лет после реабилитации, живя в родной Беларуси, Ян Скрыган написал: «Теперь я смотрю на свой путь, как на далёкий сон. Моя биография кажется мне очень длинной, и я удивляюсь, как много в неё вместилось. Я узнал и трагизм, и отчаяние, узнал цену радости и надежды: был на грани того горького ощущения, когда человек остаётся без родины – не имеет на неё права, и понял, какое это великое и дорогое чувство – отечество». Для отечества он работал всю жизнь, создавая примеры прекрасных литературных произведений, возвращая потомкам имена своих друзей, талантливых писателей начала XX века.

Вернувшись после ссылки в Минск, он понял, что из того поколения писателей, которых

он знал в молодости, кто-то был расстрелян, кто-то погиб в Сибири, а те, кто чудом остался жив, оказались почти забытыми. Иван Алексеевич решил вернуть их образы современности. Это была трудная задача: прошло много лет. Но в лагере и в ссылке он часто вспоминал то, что было ему особенно дорого до ареста. Так родились воспоминания о литературной жизни 20–30-х годов, которые вошли в книгу «Некалькі хвілін чужого жыцця» («Несколько минут чужой жизни»). Название книги изменил редактор, у Скрыгана оно было другим – «Добра, што я іх ведаў» («Хорошо, что я их знал»). Позднее стараниями дочери писателя, Галины Скрыган, книга была дополнена и переиздана под оригинальным названием. Галина Ивановна также собрала, систематизировала и опубликовала дневники отца в книге «Сэрцу горкая далячынь» («Сердцу горькая память»). Дневниковые записи Я. Скрыгана – отражение мыслей, устремлений прозаика в течение более чем 17 лет, в большинстве случаев они лаконичные, но несут чёткий отпечаток времени, в которое жил писатель. Это видно и по прямым оценкам различных событий, и по передаче определённых деталей, отмеченных Иваном Алексеевичем. Первая запись датирована 1 апреля 1974 года: «Попробую ещё раз записывать хотя самое штриховое. Может, наконец, смогу отучить себя от привычки время от времени уничтожать всё записанное. Я знаю причину этой привычки, ведь всё ещё помню тот единственный случай...» Последняя запись – 18 декабря 1991 года (умер писатель 18 сентября 1992-го): «...Среда. Не думал, что такая простая вещь, как "Лиза", так трудно будет писаться. А думалось, что это же очень симпатичное повествование должно быть. И вот, пожалуйста, надуманная фальшивка. Не знаю даже, можно ли её отдавать в печать. Пусть полежит немного. Тогда перепишу, видимо, что-то ещё поправлю. Посмотрю потом трезвым глазом...»

Немного биографии Яна Скрыгана, человека, след которого в белорусской литературе настолько существенный, знаковый, что многие из его последователей сверяли и сверяют по нему свои творческие пути.

Иван Алексеевич Скрыган родился 16 ноября 1905 года в селе Трухановичи Минской области. Отсюда, от порога родительского дома, начали собираться и накапливаться жизненные впечатления, которые в дальнейшем стали фундаментом его творчества. Одна из глав автобиографической повести «Круги», посвящённая воспоминаниям детства, получила название «Порог». Учился в приходской церковной школе, далее – в Слуцком духовном училище, в реальном училище, смешанной гимназии, в Слуцком сельскохозяйственном техникуме. Позже Ян Скрыган отмечал: «За науку я благодарю отца. Он на себе очень хорошо почувствовал, как трудно быть неграмотным, и решил меня учить». Учёба давалась легко, наибольшее удовольствие получал от гуманитарных дисциплин. Чтение книг стало любимым занятием: мир, что открывался на их страницах, очаровывал и манил, но

Лидия ШАГОЙКО

Филолог. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, работала в школе, ведущим редактором в научно-методическом журнале «Роднае слова», заведующим научно-просветительским отделом Государственного музея истории белорусской литературы. Автор ряда статей, лекций, экскурсий, посвящённых творчеству белорусских писателей XX века: В. Адамчика, Г. Марчука, Г. Пашкова, А. Пысина, А. Сербантовича, С. Гаврусева, В. Карамазова, А. Кулешова и др. Сейчас на преподавательской работе.

в то же время волновал и беспокоил. Через книги я увидел народ куда глубже, и в душе появилась потребность самому говорить. Я начал искать поэтическое слово». Первые стихи послал в газету «Сельский строитель» и в скором времени получил приглашение работать в ней. Так с 1924 года начался его «литературный круг». Это было время своеобразных

творческих экспериментов, поисков. Первые прозаические публикации относятся ко второй половине 1920-х годов. Проза молодого писателя получила положительную оценку такого мастера слова, как Максим Горький, который рекомендовал Яну Скрыгану активнее работать в этом направлении. Желание учиться дальше привело молодого человека на литературно-лингвистическое отделение педфака Белорусского государственного университета. С 1933 до 1936 года работал в редакции газеты «Литература и искусство», активно печатался. Всё складывалось наилучшим образом: жизнь радовала, была семья, было множество творческих замыслов, – но новый круг судьбы, мрачный и жестокий, вывел на другой путь. В конце 1936 года Ян Скрыган был арестован по обвинению в «белорусском контрреволюционном национализме», следствие по его делу длилось почти год, приговор был вынесен в октябре 1937-го – десять лет заключения в лагерях и столько же лет ссылки. В Минск вернулся только во второй половине 1950-х годов. Около десяти лет (в достаточно зрелом возрасте) заведовал литературно-контрольной редакцией Белорусской советской энциклопедии. Печатался немного, но отдавал в печать строки выверенные, холёные, выстраданные. Выступал в газетах, журналах с эссе, статьями по вопросам культуры творчества, языка. Многие его публикации («Чары слова», «Мастерская», «Слово к молодым») можно рассматривать как завещание тем, кто собирается посвятить жизнь служению Слову.

Талант Яна Скрыгана – знатока человеческой души, тонкого психолога, выдающегося художника слова – шлифовался с каждым новым его произведением, кроме того, заметно проявилась и ещё одна особенность творческой индивидуальности писателя – чёткость определений, лаконичность фразы, меткость слова. Характеризуя художественную манеру Яна Скрыгана, критики справедливо отмечали, что «слова у него не спешат, не обгоняют одно другое, а ложатся на своё место. Словарный запас литературного (и частично диалектного) языка используется равномерно, без заметного выделения тех или иных лексических и фразеологических единиц» (А. Каврус). Сочетание

душевной чуткости, утончённости и совершенной языковой реализации сюжета создавало реалистичную картину человеческой жизни. Связь сюжета и жизненных событий, реальных фактов и художественной «персонификации» стала определяющей особенностью творчества Яна Скрыгана. Едва ли не в каждом, даже самом лаконичном рассказе писателя записаны оригинальные эпизоды бытия – мудрые, поучительные, философски неоднозначные. Истории, созданные писателем, не забываются через некоторое время после прочтения, они по-особому трогают, волнуют, требуют иногда нового прочтения и переосмысления. Прочитав произведение, ловишь себя на мысли: как легко ошибиться в оценке человеческого поведения, как часто импульсивные, поверхностные суждения приводят к неадекватным выводам.

Из отдельных рассказов, как из кирпичиков, складывалась повесть «Круги». По этому произведению можно изучать природу человеческого характера, в первую очередь белорусского. В повести отражены народный деревенский быт с его буднями и праздниками, традиционные отношения в крестьянской семье и особенности мировоззрения белорусов, среди её достоинств художественное осмысление неординарных ситуаций и, конечно, колоритный язык.

Отношение писателя к родному языку, его уникальная чуткость к красоте слова заслуживают отдельного внимания. Недаром о языковом мастерстве Яна Скрыгана ходили настоящие легенды – его собственные произведения демонстрируют безупречность вкуса, чрезвычайную бдительность к слову и его многочисленным смысловым оттенкам, внимательность к традициям народного произношения. Как к авторитетному специалисту к нему часто обращались коллеги по творчеству – приносили ему произведения на своеобразную экспертизу, его мнение ценили. Интересны его высказывания о творчестве белорусских и русских писателей, оценка их произведений, опубликованные в дневниках прозаика. Ян Скрыган смело признаётся в ошибочности прежних художественных убеждений: «Нет, конечно, я очень несправедливо относился к Чехову. Вот читаю "Даму с собачкой" – какое чудо! Просто я ни разу не читал

его как следует, не вникая в него, а всё бегом, бегом, как бегом прошла вся моя жизнь: никогда не хватало времени». Ко многим рассуждениям подталкивает и такая запись: «...когда трудно делать что-то своё – можно почитать и чужое. Очередной номер "Дружбы народов", восьмой. И в нём А. Адамович "Необходимость Толстого".

И не могу себе объяснить: почему я не могу его читать. Ничего его я не мог дочитать до конца. И знаю, что умный парень и много делает хорошего для литературы, а читать не могу <...>. Пожалуй, виноват язык. Вот такой язык ещё у Лужанина. Лужанин свой архаичный язык полирует под модерн. И искусственность слышно сразу. Адамовичу помимо чего-то, непознанного мной, вредит то, что белорусский язык у него кажется не белорусским, а русский – не русским.

А язык – ах, какая это большая тайна человеческого мышления!»

Ян Скрыган был внимателен к литературной молодёжи. В дневнике мы встречаем имена Владислава Рубанова, Владимира Яговдика, Марии Филиппович, Кристины Лялько и других начинающих писателей.

Проблемам культуры творчества, языка художественных произведений, писательского мастерства Ян Скрыган посвятил множество статей, которые сегодня стали классическими работами. Писатель целенаправленно стремился «записать», сохранить в литературных произведениях, в повседневном употреблении как можно больше «сочных», живых, «естественных» белорусских слов. Благодаря ему в нашей литературе поселились и сегодня не забыты многие слова, свойственные белорусскому языку: «мілата» (загляденье), «смаката» (вкусно), «даткненне» (соприкосновение) и многие другие. На заботе отца о культуре речи, чистоте литературного языка акцентирует внимание и дочь писателя.

Притягательная сила, художественное обаяние и своеобразное величие скрыгановской малой прозы – в его богатом, выстраданном жизненном опыте и в желании поделиться им с людьми, в большой любви к людям.

Страницы книг Яна Скрыгана – это своеобразные страницы судьбы человека, которому выпало шагать по извилистым дорогам бурной эпохи, быть участником и очевидцем событий

«великого перелома». «Пожалуй, что всё, сделанное мною, это какая-то частица самого себя», – засвидетельствовал писатель в «Своей повести».

Много сделано талантливым мастером и в области художественного перевода. Благодаря Яну Скрыгану по-белорусски «звучали» произведения А. Островского и М. Горького, И. Бунина и И. Бабеля, многих писателей Украины, Литвы, Латвии, Эстонии.

Он работал до последнего дня, был искренне и страстно увлечён своим делом. Друзья и коллеги, которые посещали тяжело больного писателя, удивлялись его уникальной работоспособности, жизненному оптимизму, умению на всё смотреть рассудительно и спокойно. 18 сентября 1992 года Яна Скрыгана не стало, жизненный круг замкнулся. На столе в комнате остались недописанные карточки с мыслями и рассуждениями, набросками и зарисовками...

Похоронен писатель в Минске, на Северном кладбище.

Жизнь Яна Скрыгана в литературе продолжается благодаря неравнодушной к отцовскому наследию дочери. Стараниями Галины Ивановны изданы дневники писателя, воспоминания о нём тех, кто близко знал прозаика, готовится к изданию фотоальбом из архива Яна Скрыгана. Надеемся, что в юбилейном для Яна Скрыгана 2020 году он будет издан.

Лучшим памятником талантливому мастеру слова стали его книги – искренние, проникновенные, исповедальные. Произведения Яна Скрыгана можно цитировать бесконечно, их глубина, мудрость, философичность впечатляют. Писательница Елена Василевич вспоминала: «Я перечитываю книги Яна Скрыгана – страницу за страницей, – и мне не хочется расставаться с ними... Я слышу живую интонацию писателя <...>. С наслаждением, как берёзовый сок в летнюю жару, со вкусом пью язык Скрыгановых страниц и учусь у него. Он интересный и нужный мне. Ведь он не только писатель. Он – личность. И такое даткненне (соприкосновение), как пишет сам Скрыган, – в литературной жизни праздник».

К этим словам, несомненно, присоединятся все, кто хоть однажды читал страницы книг прозаика. ■

Лидия ШАГОЙКО

Екатерина СТРОЙЛОВА

Член Союза писателей Беларуси. Окончила полный курс обучения в Институте теологии БГУ, является магистром исторических наук и на данный момент обучается в аспирантуре РИВШ БГУ. Вдохновлённая любовью к Богу, она пишет прозаические и поэтические произведения, посвящённые духовной, религиозной, философской, военной, лирической и прочим темам. Победитель литературных конкурсов «Славянский калейдоскоп – 2016» (Гран-при), «Славянский калейдоскоп – 2017»; лауреат литературной премии БелБренд «Таланты Беларуси», литературной премии Минского городского отделения Союза писателей Беларуси «Открытие года». Публиковалась в журналах «Белая вежа», «Неман», «Новая Немага Литературная», «Армия и культура», «Маладосць», газетах и альманахах; является автором поэтических сборников «Тернистый путь» (2016), «Палитра жизни» (2017), «В Нём наша жизнь» (2018), «Заботою хранимы» (2019).

ГИМН ПРИРОДЕ

Нерукотворные узоры
Простой священной красоты
Ласкают трепетные взоры
Тех, жизнь в кого вдыхаешь ты,

Неповторимая, живая,
Богатства многие тая,

Порывом ветра окрыляя,
Несёшь мне радость бытия.

Пушистый лес, резные травы,
Озёр прозрачных зеркала,
Болот темницы и канавы...
Я родилась здесь и жила.

И в небе, молнией пронзённом
Под громовой могучий глас,
На храме, вспышкой освящённом,
Крест наблюдала в поздний час.

ОСЕНЬ

Осень. Нежная радость приятного тёплого света
Наполняет спокойствием томную девичью грудь.
Облачением пёстрым природа ещё не одета.
Не везде, но виднеется краска
на листьях чуть-чуть.

Красота предзакатного неба в оранжевой дымке,
Окаймлённая рядом вершушек деревьев резных.
А левее осина красуется в пёстрой косынке
Листьев бурых, зелёных, бордовых,
порой золотых.

Мир причудливый, кто наделил тебя
сладостным светом?
Кто вдохнул глубину в обрамлённое славой лицо?
Кто на просьбу любви отозвался
желанным ответом
И на палец Вселенной надел жизни
дивной кольцо?

* * *

Ты плачешь, багровое небо, зовёшь
запоздалое солнце.
Но тучи покровом стеклянным лучи
укрывают едва.
Ревёт беспощадная буря, и видно одно
лишь оконце
В истерзанном небе зарницей, вступившей
законно в права.

В портале том брезжит сиянье,
не видное беглому глазу.
Играют потоки покоя в прорехах
безжалостных туч.
И очи духовные видят забытой гармонии сразу
Перст вечный великого Бога: сияющий
радужный луч.

* * *

Пыталось небо среди туч
Остаться безмятежным.
Но только робкий солнца луч
Был ласковым и нежным.

Пестрело смешанных лесов
Осеннее убранство,
А из земли тугих оков
Ввысь рвалось зданий царство.

Тянули ветви к солнцу вдаль
Царицы леса – ели,
Свою осеннюю печаль
В нём растворить хотели.

А Кто-то сильный наблюдал
За быстрыми ветрами.
Свет бытия земле давал
Нетленными руками.

* * *

Ветер кудри в косу заплетает
И играет с серьгами берёзы.
Вдоволь налетавшись, зазывает
В мир, где, не родившись, тают грёзы.

Там под пенью млечного сиянья
Вечность миг отрады предлагает,
Ангелов святое воздаянье
Дверь в источник райский отворяет.

А Господь, взирая сквозь пространство,
 Душам, что не ведали покоя,
 Дивное гармонии убранство
 Дарит за смирение святое.

Анна (Ханна) ЧУМАКОВА

Родилась 7 августа 1984 года.

1999–2001 годы – первые публикации в региональной периодике (г. Рогачёв, г. Жлобин, Гомельская обл.), участие в литературной студии «Прикосновение».

2001 год – сборник стихов «Я повзрослела».

2001-2012 годы – публикации в региональной и республиканской периодике.

2013 год – сборник стихов «Мой ангёл прысніў мяне»; принята в Союз писателей Беларуси.

2013–2017 годы – публикации в региональной и республиканской периодике, коллективных сборниках.

2017 год – цикл сборников «БлокНот.лайф», «БлокНот.интим».

Автор-исполнитель. Часто выступает в библиотеках, учебных заведениях, на предприятиях Минска и республики.

* * *

А в одиночестве нет одиночества...
Только в безлюдность – щепотка отчаянья...
Как называть вас? По имени-отчеству?
Друг мой... нечаянный?..
Будто случайно
Позвольте дотронуться
Пальцами

Пальцев...
Остро-скользяще...
Станет внутри как-то рыхло и солоно:
Вы... настоящий!..
Может, вина? И... давайте послушаем
Музыку ночи –
Скрипка с перкуссией –
Может, вдвоём мы прочувствуем лучше
Одиночества
Послевкусие...

* * *

Светлый мой, словно прошлое,
О котором не жаль ни капли...
Не забытый, не брошенный –
Оставленный,
Мгновениями раскрошенный,
В каждом дне и сне,
Чуть похожем прохожем,
Каждом
Светлом окне...
Не придуманный –
Передуманный
Сотнями фраз и сцен...
И единожды прожитый
Буднем
Будто
Не до... и не совсем...
Моя память травую засеяна –
Вросли в малахит следы...
Но
Моя весенне-осенняя
Рассеянность –
Ты...

Твоих женщин не измеряю собой:
Я ли – гиря?..
Только б так же рьяно верили в любовь
Те... другие...
Мне теперь тебе на шею не упасть:
Я ль – награда?..
Не была бы лишь на нежности скупа
Та, что рядом...
Что до взлёта?.. От паденья не спасти:
Я ли – посох?..
Но скажи лишь, что легко тебе в пути
До и после...

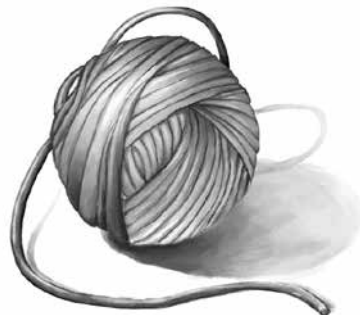
* * *

Как там твоя новая любовь?..
Греет душу?.. или только ложе?..
Мне об этом говорить несложно:
Я на жизнь не вешала замков...
Как там твоя новая мечта?..
Пишется стихами или прозой?..
Ветрена... ещё?..
Уже... серьёзна?..
Крепче камня ли?.. Податливей песка?..

Ну, конечно, я ей не чета...
Лишь единственное радует, не скрою:
Бывшей... ни любовью, ни мечтою
Мне однажды не придётся стать...

* * *

Поезд...
Встречный...
Огни...
Ветер
И время – вспять...
Мысли плывут – гони,
Нужно ещё поспать.
Рельсы: «Та-та, та-та»...
Сна и в помине нет.
Осень уже не та –
Слишком студён рассвет.
Даже восток продрог,
Кажется, аж
Дрожит...
Сколько таких дорог?..
Нитками на клубок
Крутит километраж
Жизнь...

Валентина ПОЛИКАНИНА

Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей. Автор пятнадцати книг поэзии, прозы, переводов, в том числе двух книг стихов для детей. Лауреат специальной премии Президента РБ в номинации «Художественная литература», международных и республиканских литературных премий. Награждена правительственной наградой РФ – медалью А. С. Пушкина.

КОРНИ

* * *

Родина моей матери – Беларусь, родина отца – Россия. Мне никогда не разлучить в сознании эти две родины, потому что они навсегда слились в моей крови.

Над Днепром широким жёлтый берег узкий...
Хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска.

То стремлюсь забыться нарочанской синью,
То спешу я в Полоцк, к лику Евфросиньи.

И душа секретно ладит переписку
С землями святыми: витебской и пинской.

По оршанским травам ходит дождь с косою,
А по могилёвским – бегала босою...

Детство-память водит долгим ходом крестным,
И не надышаться Славгородом, Брестом.

Добровольно стала пленницей природы
И архитектуры Гомеля и Гродно.

Дух мечты витает над Парижем, Ригой,
А зря восходит – в Минске, над Немигой.

Здесь могилы предков, здесь ушла в строку я.
Бог мне дал в надежду родину такую.

По Его указке, по Его раденью
Навсегда останусь кричевской с рожденья.

*Городу Кричеву Могилёвской области,
малой родине, посвящается*

Далёкий путь, как космос. Что за притча!
Найдутся те, кто мне отдаст ключи.
Уже и днём, и ночью Кричев кличет:
«Приди, явись, ответствуй, не молчи...»

Там Божья Мать стелет покрывало
На дом и луг с густеющей травой.
Там мама, как надежду, познавала
Гортанный крик, извечный, родовой.

В науке невозвратности повинна,
И оттого не спится по ночам.
В земле той зарыта пуповина:
Полночных строк начало из начал.

Там ласточки летают низко-низко.
Ах, даль моя, дойти б к тебе пешком!
И с родиной ведётся переписка,
С той, малой, как игольное ушко...

Наш мир, уже закрученный в воронку,
Стучит в сердца и нагоняет страх.
Но мысленно иду по той сторонке,
Где мёдом пахнет клевер на лугах.

ДОМ ДЕТСТВА

*В Минске на улице Кирова, под
номером 39, когда-то стоял такой...*

Мне жизнь друзей дарила кротких,
Но всё ж «везло» и на задир...
Дом детства – жёлтая коробка,
Всего четырнадцать квартир.
Здесь мы по-своему умнели:
В кулачных спорах, встав с колен.
Скамейка, старые качели,
Дыханье близких перемен...
И прошлый день ещё белеет
У окон тех, у тех дверей,
Где горе становилось злее,
А люди – лучше и добрей.
Мелькают памяти страницы,
И я читаю их с трудом –
И всё мне снится, всё мне снится
Давно снесённый этот дом,
Где мама мне печёт оладьи,
Не празднословя о пустом,
В своём любимом жёлтом платье –
С надёжной вышивкой крестом.

ЭХО ЭПОХИ

Из душных комнатёнок, как из плена,
Все попадали в новые тиски.
Унылый скарб нужды послевоенной
Везли к жилым домам грузовики.
И были дни иллюзией свободы
Обильны – и двужильны мужики.
Менялись скоротечно, как погода,
Эпохи коммунальные мирки.
Пропахли стены кислыми борщами,
А люди смело шли в поводыри.
И радио без усталы вешало:
«План пятилетки выполним за три...»
И телевизор с линзой врал усердно:
Польются деньги, только надой...
Вы из таких времён немилосердных,
Родители – спасители мои.
Вам верилось в известие любое,
И «Капитал» читался до зари.
А в кухне на обшарпанных обоях
Считали Божьи дни календари.

Из цикла «СТИХИ О РОССИИ»

Я скучаю по России,
Белой-белой, синей-синей,
Словно храм, мне ставшей домом,
Словно небушко, бездонной;
Полной света и покоя
По-над Волгой и Окою;
С деревянной резьбою,
С расписной её судьбою;
Той, что верить не устанет;
Зацелованной устами,
Как вода, что нету слаще;
Непродажной, непропащей,
Не распластанной над бездной,
Сострадательно-болезной;
Той, по-радонежски торной,
По-саровски чудотворной,
Куполами позлащённой,
Покаянной и крещённой,
Сильной в трудную годину,
Неделимой и единой;
Не измеренной шагами,
Не истоптанной врагами,
Уходящей от полона,
Мощной духом, непреклонной;
В бой со злом ведущей сердце,
Породившей страстотерпцев;
Душу ввысь привыкшей кликать –
По Святой Руси, великой.

Татьяна УШИЛОВА

Ведущий научный сотрудник Государственного музея истории белорусской литературы. Окончила Витебский государственный университет имени П. М. Машерова по специальности «Музейное дело. Охрана историко-культурного наследия», магистр исторических наук. Сферой интереса является изучение жизни и творчества белорусских писателей XIX века, история музейного дела и охрана историко-культурного наследия Беларуси. Автор ряда статей, лекций, экскурсий, посвящённых Франтишку Богушевичу и его сохранившейся усадьбе в Кушлянах.

ГДЕ ВОЗРОЖДАЛОСЬ БЕЛОРУССКОЕ СЛОВО

Литературные места Беларуси – объект паломничества многочисленных поклонников таланта известных писателей. Не секрет, что многие придуманные страны и литературные герои имеют вполне реальные прототипы. Увиденные в детстве и юности пейзажи, люди и события иногда вдохновляют писателей настолько, что они просто не могут не рассказать об этом в своих книгах. Сегодня жители и гости Беларуси могут отправиться в путешествия по многочисленным литературным местам: музей на родине Янки Купалы в Вязинке, музей Якуба Коласа в родных ему Акинчицах, музей Кузьмы Чорного в Тимковичах, дом-музей Петруся Бровки в Путилковичах и т. д. Но усадеб белорусских писателей, которые жили и занимались литературным творчеством в XIX веке, не осталось в первозданном виде, за исключением одной. Филиал Государственного музея истории белорусской литературы «Музей-усадьба Франтишка Богушевича «Кушляны» – это яркий и живописный пример единственной сохранившейся усадьбы писателя XIX века.

Франтишек Богушевич – белорусский национальный поэт-демократ, прозаик, пу-

блицист, переводчик и общественный деятель. Именно Кушляны дали силу Франтишку Богушевичу, а он укрепил имя «белорусы» для целой нации и пробудил настоящий голос и достоинство родного языка. Поэтические сборники Ф. Богушевича «Дудка беларуская» и «Смык беларускі» дали начало национальному возрождению белорусов и восстановлению в новом времени белорусской государственности. Такой призыв услышали и подхватили в конце XIX и уже в новом XX веке: «Шмат было такіх народаў, што страцілі наперш мову сваю, так як той чалавек прад скананнем, катораму мову займе, а потым і зусім замёрлі. Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі! Пазнаюць людзей ці па гаворцы, ці па адзежы, хто якую носе; ото ж гаворка, язык і ёсць адзежа душы...»*

Имение Франтишка Богушевича расположено на юго-западной окраине агрогородка Кушляны Сморгонского района Гродненской области. История усадьбы восходит к

* «Много было таких народов, что утратили наперво язык свой, так, как тот человек перед кончиной, которому речь отнимет, а потом и вовсе замерли. Не оставляйте же языка нашего белорусского, чтобы не умерли! Узнают людей или по разговору, или по одежде, кто какую носит; а речь, язык и есть одежда души...»

Франтишек Богушевич

XVIII века, когда в 1749 году за 450 злотых имение приобрёл прапрадед поэта Антон Богушевич. Франтишек Богушевич, как известно, родился в имении Свираны недалеко от Вильни.

В период 1841–1846 годов семья переехала в родовое имение, и сознательные годы жизни писателя прошли в Кушлянах. После восстания 1863–1864 годов Франтишек Богушевич, спасаясь от репрессий, выехал с территории Беларуси почти на 20 лет. Только в 1884 году писатель возвращается в Вильню, а в 1896 году становится полноправным хозяином усадьбы в Кушлянах, строит новый дом рядом со старым родительским. В мае 1898 года Франтишек Богушевич, будучи уже тяжело больным, переехал туда насовсем и там в 1900 году, на заре нового века, умер. До 1940-х годов потомки поэта жили в наследственном имении. После Богушевичей усадьба сдавалась в аренду до 1951 года.

Музей-усадьба в Кушлянах является настоящим литературным местом силы не толь-

ко потому, что там прошли детство, юность и последние годы жизни писателя, но и потому, что именно там кропотливо составлялся словарь белорусского языка, там готовился сборник «Беларускія апавяданні Мацея Бурачка»^{*} и третий поэтический сборник «Скрыпачка беларуская». К сожалению, дальнейшая судьба вышеназванных произведений до сих пор неизвестна, и остаётся надеяться, что стараниями исследователей мы сможем в будущем их прочитать.

В отличие от других литературно-мемориальных музеев, постройки музея-усадьбы Ф. Богушевича XIX века хорошо сохранились. Сегодня в Кушлянах вы сможете увидеть усадебный дом, построенный Ф. Богушевичем, каплицу, которую, по преданию, сделали своими руками писатель и его близкие в память жертв восстания 1863–1864 годов, хозяйственные постройки и парк. Через аллею посетители могут попасть к камню памяти Франтишка Богушевича. Когда не стало писателя, то близкие и друзья выбили на валуне надпись «Раміёці Масіея Бурэцка»^{**}. Сам Ф. Богушевич любил приходить в это место и, по воспоминаниям современников, писать там стихи и прятать в специальные тайники под камень. Валун стал настоящим местом паломничества в Кушлянах. К знаковым местам на территории усадьбы можем отнести и Лысую гору – сакральное место, возвышенность, где семья Богушевичей любила проводить время. В сборниках Ф. Богушевича можем найти много подтверждений его привязанности к родным местам.

Хорошее состояние усадебно-паркового комплекса с 1951 года и до момента создания музея – дело хранителя и сторожа усадьбы, поклонника творчества Франтишка Богушевича Михаила Семёновича Ляпехи. В 1948 году в Кушлянах появился первый колхоз. Хозяйственную постройку приспособили под ферму. Первоначально М. С. Ляпеха работал заведующим на ферме, а потом стал сторожем усадьбы. В доме были организованы клуб и Кушлянская сельская библиотека имени Ф. Богушевича. По словам заведующего музеем Алеся Петровича Жамойтина, усилиями М. С. Ляпехи в усадьбу

^{*} «Белорусские рассказы Мацея Бурачка».

^{**} «Памяти Мацея Бурачка».

были возвращены стулья, фортепиано и другие вещи семьи писателя. К слову, сам Алесь Петрович заботится об усадьбе и популяризирует творчество Ф. Богушевича уже без малого 30 лет.

В результате усилий почитателей творчества писателя и местных властей в 1988 году усадьба Ф. Богушевича была определена как памятник истории, начались работы по её восстановлению. К 150-летию со дня рождения поэта, в 1990 году, был реализован проект реставрации усадьбы. В доме писателя сотрудники Государственного музея истории белорусской литературы создали литературно-документальную экспозицию с мемориальными комнатами (гостиной и кабинетом), посвящённую жизни и творчеству Ф. Богушевича.

Сегодня Музей-усадьба Франтишка Богушевича «Кушляны» является одним из любимых мест почитателей белорусской литературы и истории. Музей включён в ряд туристических маршрутов. Посетители могут оказаться в атмосфере XIX века и пройти путями Ф. Богушевича. Традиционным становится праздник «Кушлянский Фэст», который проходит летом на территории усадьбы.

Родные места писателя, уцелевшие постройки со всей прилегающей территорией, сами пейзажи, дороги, с которыми была связана его жизнь, имеют большое значение для изучения и осмысления творчества писателя, дополнения страниц его биографии. На данный момент Музей-усадьба Франтишка Богушевича

«Кушляны» является ещё и уникальным историко-литературным источником. Источником, сохранившимся благодаря равнодушным к белорусскому историко-культурному наследию людям: от хранителя библиотеки и председателя колхоза до простого посетителя, который оставил в отзывах своё желание увидеть в Кушлянах музей, посвящённый выдающемуся белорусскому писателю.

Открыв сборники Франтишка Богушевича, мы прочитаем обращение из XIX века к своему народу, а побывав в Кушлянах, почувствуем настоящий дух пробуждённой Беларуси. **А**

Максим Богданович – ВЫПУСКНИК ЯРОСЛАВСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

Совсем недавно сотрудники Литературного музея Максима Богдановича, который располагается в центре белорусской столицы, получили электронные копии документов из Центрального исторического архива Москвы. Наиболее интересные материалы хранятся в деле «Отчеты, копии протоколов испытательных комиссий, списки учеников, допущенных к испытанию зрелости Шуйской и Ярославской мужских гимназий в 1911 году» (фонд 459, опись 3, ед. хр. 6223). Они подробно освещают последние дни учёбы Максима Богдановича и его одноклассников в Ярославской мужской гимназии.

Давно известно, какие отметки гимназист Богданович получал во время учёбы в Нижегородской и Ярославской мужских гимназиях, как и окончательные баллы, выставленные в его аттестате. Кстати, оригинал документа пока не

выявлен, сохранилась копия, которая сначала была подшита в дело «Ярославская мужская гимназия им. Александра I. Аттестаты зрелости учеников за 1911 год» и хранилась в архиве учебного заведения. Сейчас, вместе с другими копиями аттестатов зрелости одноклассников Максима, хранится в Государственном архиве Ярославской области (фонд 557, опись 1, дело 90).

Вот о чём рассказали архивные документы. Сначала преподаватели выставили окончательные отметки по предметам гимназического курса. Согласно документу, у М. Богдановича отметки распределены следующим образом: 5 – законоведение и природоведение, 4 – русский язык с церковнославянским и словесность, философская пропедевтика, физика, история, география, 3 – Закон Божий, латинский, немецкий и французский языки, математика и математическая география. На основании этих

отметок педагогический совет гимназии принял решение допустить Максима Богдановича к испытаниям (экзаменам).

Выпускников ожидали письменные и устные испытания, причём математику, русский язык нужно было сдавать и письменно, и устно. Ещё пять предметов необходимо было сдать устно: Закон Божий, латинский, немецкий и французский языки, историю. На экзаменах Максиму удалось повысить балл по русскому языку (письменно и устно), по латинскому и французскому языкам. Но это помогло только частично, общий итог окончательных и экзаменационных отметок Богдановича: русский язык с церковнославянским и словесность – 5, по латинскому и французскому языку – 3. Не совсем понятно, почему педагогический совет принял такое решение. Таким образом, у гимназиста Богдановича в аттестате – две пятёрки (отметка по природоведению в аттестат не вошла), четыре четвёрки, шесть троек. Общий балл аттестата – 3,7 (если точно, то – 3,666667). И это не самый худший результат.

В деле, хранящемся в Центральном историческом архиве Москвы, имеется ещё один интересный документ – «Ведомость подвергавшихся испытанию и удостоенных аттестата или свидетельства зрелости». Статистика по Ярославской мужской гимназии свидетельствует, что в 1911 году сдавали экзамены гимназисты

3.

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Дано сей сыну коллеж. асессора Максиму
Богдановичу Богдановичу

православна вероисповѣданія, родившемуся в с. Никитинском, 24 ноября 1892 года

об томъ, что онъ, вступивъ въ Ярославскую гимназію в 1909 году, при отличномъ поведении обучался по классу 1911 года и кончилъ полный восьмиклассный курсъ, при чемъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

ПРЕДМЕТЫ ГИМНАЗИЧЕСКАГО КУРСА:	ОТМѢТКИ, ВЫСТАВЛЕННЫЯ
Законъ Божій	3 (хорошо)
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность	5 (отлично)
Философская пропедевтика	4 (хорошо)
Латинскій языкъ	3 (хорошо)
Греческій языкъ	3 (хорошо)
Математика	3 (хорошо)
Математическая географія	3 (хорошо)
Физика	3 (хорошо)
Исторія	4 (хорошо)
Географія	4 (хорошо)
Законоустройство	3 (хорошо)
Немецкій языкъ	3 (хорошо)
Французскій языкъ	3 (хорошо)

На основаніи чего и выдать ему сей аттестатъ зрѣлости, предоставляющій ему всѣ права

Имена и фамилии.	Время рожденія.	Мѣсто рожденія.	Вероисповѣданіе.	Званіе.	Въ каковыя учебныхъ заведеніяхъ и сколько времени обучался.	Поводы.	Исправность въ					Итогъ испытанія въ экзаменѣ.	Интересъ къ учебно.	Успѣхи въ предметахъ гимназическаго курса.										Опредѣленія педагогическаго совѣта и особыя замѣчанія.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																			
							послѣднія уроки.	приготовленія къ экзаменамъ.	исполненія домашнихъ работъ.	исполненія школьныхъ работъ.	исполненія общественныхъ работъ.			Занятія латин. и греческ. языками. Физико-математ. дисциплины.	Логика. Математика. Физика. Математическое географіе. Исторія. Географія. Домашнее занятіе.	Натуральное исторіи. Латинск. языкъ. Французск. языкъ. Русскій языкъ по грамматикѣ и стихотвореніямъ.	Окончательныя оцѣнки.	Письменные испытанія.	Устные испытанія.	Общая оцѣнка экзамена.	Оцѣнка выводовъ изъ словъ и дѣлъ. Оцѣнка оцѣнокъ.	Окончательныя оцѣнки.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					
Богдановичъ, Максимъ Адамовичъ.	27 ноября 1891 года.	г. Манскъ.	Православное.	Сынъ коллежскаго асессора.	Въ Нижегородской гимназіи съ августа 1902 г. до декабря 1903 г. и въ Ярославской гимна- зіи съ января 1909 года.	Отличное.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					</

из двух параллельных классов – 77 человек, «посторонние» – 13 человек, всего – 90. Выданы аттестаты или свидетельства зрелости только семидесяти гимназистам и шести «посторонним». Семь гимназистов в 1911 году не получили по разным причинам документов об окончании учебного учреждения, как, например, Яков-Вениамин Залманович Брайнин. Он родился в 1893 году в Ярославле, учился в Ярославской мужской гимназии с августа 1902 года, оставлен на повторительный курс из-за болезни.

Конечно, были в Ярославской мужской гимназии ученики с хорошими отметками и даже медалисты. В 1911 году три человека получили золотые медали – Евгений Васильев, Николай Постников, Сергей Соболев, десять человек – серебряные медали, в их числе и друг Максима Тихон Годнев. После окончания гимназии он поступил в Московский императорский университет, позже стал известным учёным-биологом, академиком Академии наук БССР. В аттестатах отдельных «медалистов» были примечательные записи об «отличных успехах во всех науках», а у «серебряных медалистов» – в отдельных науках, например, в математике.

Судьбы выпускников Ярославской мужской гимназии 1911 года складывались по-разному. У кого-то, как, например, у Максима Богдановича, жизненный путь был ярким и насыщенным, но коротким. Многие выпускники погибли в годы Первой или Второй мировых войн, многие пережили сталинские репрессии, как Диодор Дебольский, одноклассник и лучший друг Максима Богдановича.

Сотрудники Литературного музея Максима Богдановича продолжают изучение гимназического периода жизни поэта. Сделано многое – изучен фонд «Нижегородская мужская гимназия» в Центральном архиве Нижегородской области, получены электронные копии из архивов Нижнего Новгорода, Ярославля, Москвы. В московском архиве хранятся личные дела студентов Московского императорского университета, бывших ярославских гимназистов. Музейные сотрудники искренне благодарят Наталию Доронину за помощь в

получении электронных копий этих дел, благодаря этому есть возможность ближе познакомиться с бывшими одноклассниками М. Богдановича, с учёбой в университете младшего брата Льва Богдановича, двоюродной сестры Анны Гапанович.

На протяжении многих лет Музей М. Богдановича дружит с потомками гимназистов – Диодора Дебольского, Тихона Годнева, Николая Кокуева. За последние пять лет наша «гимназическая» компания значительно расширилась, тёплые отношения связывают нас с потомками Бориса Петражицкого, Валериана Крылова, Сергея Орлеанского. Поиск информации о Богдановиче и его одноклассниках продолжается, при возможности – лично, во время творческих и научных командировок, или с помощью друзей музея. Очень помогает глобальная сеть Интернет с её неограниченными возможностями, поисковыми системами, тематическими страницами в социальных сетях. Сотрудники Литературного музея Максима Богдановича уверены, что впереди нас ожидает немало сюрпризов, мы надеемся на открытие новых фактов из жизни обычного гимназиста и гениального поэта! **А**

Ирина МЫШКОВЕЦ,
*научный сотрудник Литературного
музея Максима Богдановича*

ДВЕ РОДИНЫ

ЧАСТО СЛУЧАЕТСЯ ТАК, ЧТО ЧЕЛОВЕК ТЕРЯЕТ СВОЮ РОДИНУ, МЕТАЕТСЯ ПО МИРУ, НО ПОКОЯ ТАК И НЕ НАХОДИТ, А БЫВАЕТ, ЧТО ВЫСШИЕ СИЛЫ ДАЮТ В ДАР ЗА ТРУДОЛЮБИЕ, СТРЕМЛЕНИЕ К ПРАВДЕ ИЛИ ДРУГИЕ ЗАСЛУГИ НЕСКОЛЬКО ПОИСТИНЕ ДОРОГИХ И РОДНЫХ МЕСТ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ. ТАКИМ ИЗБРАННЫМ МОЖНО ПО ПРАВУ СЧИТАТЬ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА МИЛОСЕРДОВА, КОТОРЫЙ РОДИЛСЯ НА ТАМБОВЩИНЕ, А СТАНОВЛЕНИЕ ПРОХОДИЛО В ПРЕКРАСНОЙ БЕЛОРУССИИ.

Тамбовщина – земля «Руси изначальной», край свободной славянской души, крепостничества и родовых гнёзд многих старых русских фамилий. Ещё в 1636 году на реке Цне, притоке Оки, для «береженья от воинских людей» и охраны южных границ Российского государства была построена крепость Тамбов. Первоначально те края заселяли ратные люди, но азовские походы Петра I оттеснили границы государства Российского далеко на юг. Правительство стимулировало заселение и хозяйственное освоение богатых чернозёмных земель. Возникали новые поселения, в одном из которых, селе Моисеево-Алабушка, располагавшемся на берегу небольшой речушки Алабухи, в бедной крестьянской семье в 1930 году на второй день Покрова родился мальчик, которого назвали

Владимиром. Только через месяц после его рождения отец – Василий Иванович – пришёл в сельский совет записать своего первенца. Этот день (15 ноября) и стал официальным днём рождения ребёнка.

Войны (Первая мировая и Гражданская) разрушили деревенское хозяйство России. Жили трудно, плохо, впроголодь. Добавило беды восстание, поднятое Антоновым в 1920 году в Тамбовской губернии, которое унесло много жизней из и без того обезлюдевших из-за войны деревень и сёл Центральной России.

Неравнодушный в разговорах о прошлом своей малой родины В. В. Милосердов отмечает, что вооружённое возмущение крестьян заставило руководство России осмыслить его причины. Итогом стал переход с 1924 года

на новую экономическую политику, снявшую с плеч крестьянина груз продовольственной развёрстки и открывшую дорогу к свободному производству и расширению рыночной торговли, товарным отношениям города и деревни.

Родители Владимира Васильевича – крестьяне. В 1930 году вступили в колхоз. Отец был грамотным, работал бригадиром, кладовщиком, мать – рядовой колхозницей. В 1938 году семья, в которой было уже два сына, по приглашению родственников матери уехала к ним на Дальний Восток. Начавшаяся война с Финляндией вызвала продовольственные трудности, и Милосердовы вернулись на родину.

В июле 1941 года отца призвали в действующую армию. Последнее письмо от него было коротким: «Стоит перед нами трудная задача – форсирование реки Невы. Не знаю, выполним ли мы ее или нет». Затем пришло сообщение о смерти отца. Писали, что Василий Иванович Милосердов 10 ноября 1941 года был ранен при форсировании реки Невы, а 20 ноября умер в госпитале от ран и похоронен в братской могиле на территории пос. Колтуши.

Мать Владимира осталась с тремя детьми: Владимиром (1930 года рождения), Александром (1935) и Валентиной (1940). Сестра умерла в возрасте 2,5 года, а в 1963 году трагически погиб брат Александр. Из семьи в пять человек остались двое.

В войну и первые послевоенные годы многое пришлось пережить. Володя зимой учился, летом работал в колхозе. После школы встал вопрос – что делать дальше? Директор школы предлагал ему поступить в Тамбовский педагогический институт, но тяжёлое материальное положение семьи, отсутствие возможности помочь склонили его поступать в Ленинградское высшее военно-морское училище. Однако облвоенкомат предложил или Московское Краснознамённое пехотное училище, или минно-торпедное. Поступать туда он отказался, вернулся домой, получил паспорт, другие документы и поехал в Минск, куда ещё перед войной переселились его дальневосточные родственники. Там он зашёл в Институт народного хозяйства, где ещё продолжался набор студентов. Директору института рассказал

о своём житье-бытье, и тот сказал: «Считай себя принятым». В тот же день сдал экзамен по математике. Экзамен по русскому языку сдавал на квартире преподавателя, а потом, уже в институте, – географию. Здесь он получил тройку и был принят в институт без стипендии. На хлеб приходилось зарабатывать: разгружал вагоны, в драмтеатре был работником сцены, играл немые роли, на кондитерской фабрике сбивал ящики с конфетами, сушил древесный материал.

В 1953 году после окончания института был направлен в Пуховичский район Минской области в качестве председателя райплана, где стал первым работником райисполкома, имеющим высшее образование.

Однажды в район приехал директор Института экономики АН БССР Г. Т. Ковалевский, для которого райплан готовил некоторые документы. Он же руководил кафедрой Минской высшей партийной школы, где тогда учился секретарь Пуховичского райкома партии Стельмах. В беседе с Милосердовым Ковалевский предложил ему поступать в аспирантуру, а потом обговорил такую возможность со Стельмахом. Через некоторое время в райком пришло письмо с просьбой отпустить Владимира Васильевича в институт. Им было написано заявление об освобождении, предрайисполкома дал согласие, а подписанное заявление положил в свой стол и уехал, благо была причина – шёл период отчётно-выборных собраний. Второй секретарь райкома сказал Владимиру Васильевичу, что отпускать его райком не собирается.

Милосердов проявил характер – зашёл в кабинет председателя, поднял крышку стола, взял заявление с резолюцией и передал его в отдел кадров. Был подготовлен приказ, который подписал заместитель председателя райисполкома, Милосердов снялся с воинского учёта и уехал в Минск на работу младшим научным сотрудником Института экономики АН БССР.

В 1956 году он поступил в аспирантуру.

В 1957 году ЦК комсомола БР формировался состав делегатов Фестиваля молодёжи и студентов. Белорусскую ССР представляли

два человека, одним из которых был Владимир Милосердов.

После защиты кандидатской диссертации в 1961 году, серьёзно увлечённый экономико-математическим моделированием, поверивший в возможность этого нового для нас научного направления, Владимир Васильевич перешёл на работу в Вычислительный центр Госплана Белорусской ССР руководителем отдела оптимального планирования. Этой теме он отдал многие годы, учил, пропагандировал и внедрял в аграрную практику.

В 1964 году выходит подготовленное им учебное пособие «Математические методы в экономике и организации сельского хозяйства» – первая в Белоруссии работа нового тогда направления. Руководимый Милосердовым отдел разрабатывал модели оптимизации кормовых рационов и кормопроизводства, распределения минеральных удобрений, размещения государственных закупок сельхозпродуктов.

В то время планирование закупок было основой аграрной политики СССР. До этого использовался погектарный принцип закупок. Не учитывались плодородность и качество почвы. Был принцип – по плану закупалась продукция по одной цене, сверх плана – на 50% выше. Про-

исходил дисбаланс распределения денежных средств между сельхозорганизациями.

Предложенная Милосердовым модель максимально учитывала разницу в качестве земли, обеспечении кадрами и техникой. Представленный расчёт сравнили с планом предыдущей пятилетки, и это наглядно показало преимущество новой модели и существенные недостатки в расчётах предыдущих периодов. Был заключён договор с Минсельхозом Белоруссии по размещению сельхозпродукции в областях и регионах и проведены расчёты по всем уровням – от областей до районов и хозяйств – в Смолевичском районе Минской области.

Позднее на основе научных предложений Милосердова были организованы курсы повышения экономической грамотности для руководителей районов Белорусской ССР. Владимир Васильевич посетил со своей учебной программой все области, а курсы прослушали все первые секретари тогдашней советской Белоруссии.

Последняя модель легла в основу размещения плана закупок по областям и районам республики, её широко использовали в Литве и на Украине. Этому же вопросу была посвя-

щена и другая его книга – «Оптимальное планирование заготовок сельскохозяйственных продуктов».

В 1965 году Владимир Васильевич переходит в Институт экономики и организации сельскохозяйственного производства Белоруссии, руководит отделом математических методов и вычислительной техники. Много выступает с докладами. На одной из конференций знакомится с заместителем директора ВНИЭСХ Р. Г. Кравченко, который предложил ему поехать на посвящённую этой проблеме Международную конференцию в ГДР.

Тепло вспоминает В. В. Милосердов Г. Т. Ковалевского, человека с невероятной памятью, организатора экономической науки в Белоруссии, сыгравшего немалую роль в судьбе Владимира Васильевича, давшего первый толчок движению в ту область деятельности, которая стала смыслом жизни молодого талантливого тамбовского парня. Перед войной Г. Т. Ковалевский учительствовал в Витебской области. Во время войны был ранен, после излечения работал в райкоме партии (Грузия), хотел преподавать математику, но таких вакансий не было, предложили преподавать политэкономия, с чего началось его становление как политэконома. Далее была аспирантура в Академии общественных наук в Москве, параллельно – учёба в финансово-экономическом институте. Через год он представил в академию диплом о высшем образовании, сдал экстерном экзамены. После защиты кандидатской диссертации стал заведующим кафедрой Минской высшей партийной школы. Ещё в 1952 году на конференции политэкономов Ковалевский выступил с идеей, суть которой в том, что в социалистическом обществе основные средства производства не являются товаром. Результатом было приглашение к И. Сталину, который после обсуждения проблемы товарно-денежных отношений заговорил с ним о работе в ЦК. Ковалевский упомянул о своей молодости. На том и расстались, но, приехав в Минск, он узнал о назначении его директором Института экономики Академии наук Белоруссии. С Г. Т. Ковалевским, как со своим учителем, Милосердов долго поддерживал дружеские и научные связи.

В 1967 году Милосердова переводят в Москву руководителем крупного структурного подразделения ВНИЭСХ – отдела экономической кибернетики, где он продолжает заниматься проблемой оптимизации размещения закупок сельхозпродуктов. По договорам с Госпланом СССР и РСФСР его отдел рассчитывал план закупок по союзным республикам, областям России, в том числе по районам Тамбовской области. Госплан СССР утвердил разработанную Милосердовым методику размещения закупок в качестве типовой. В 1971 году он защитил докторскую диссертацию. Много работал, много публиковался, выступал с докладами на всесоюзных и международных совещаниях, конференциях (Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия, Румыния, Австрия, Австралия, Англия, США).

В 1973 году В. В. Милосердова назначают директором Всесоюзного института экономической кибернетики, призванного координировать работу по использованию экономико-математических методов в сельском хозяйстве. Это направление начинает развиваться и в странах социалистического лагеря. Создаётся Координационный центр СЭВ, в работе которого Милосердов участвует как уполномоченный от СССР. В институте начали проходить стажировку учёные других стран.

Можно только удивляться тому напору и энтузиазму, с которым В. В. Милосердов продвигал свою разработку. Появились десятки его сподвижников. Модель и методика её применения были востребованы в МСХ СССР, Госплане СССР, в союзных республиках и многих областях. Модель была включена в учебные пособия по моделированию для сельскохозяйственных вузов. Поэтому вполне закономерным был выпуск в 1971 году издательством «Колос» четвёртой по счёту книги В. В. Милосердова «Оптимальное размещение государственных заготовок». Для многих исследователей эта книга вместе с работами Р. Г. Кравченко, М. Е. Браславца и других первопроходцев-агрокибернетиков стала настольной на десятилетие.

К ярким достоинствам Владимира Васильевича относится его способность и готовность браться за новое дело, консолидировать вокруг

себя коллективы, оставаясь при этом самостоятельной творческой личностью.

В Институте кибернетики, работая вначале руководителем самого большого отдела, а потом и директором, он сумел наладить исследования не только по моделированию, но и по разработке автоматизированных систем управления в сельском хозяйстве. В качестве пилотных объектов предполагалось ввести пять районных информационно-вычислительных систем (РИВС). Разработка таких проектов была совершенно новым для всех делом, но коллектив с этим справился за сравнительно короткий период. Большая заслуга в этом деле принадлежала Владимиру Васильевичу.

Когда же Милосердова назначили помощником секретаря ЦК по селу, в экономической политике советского государства, особенно в политике аграрной, накопилось немало общих и частных (отраслевых) проблем, сдерживающих рост общественного производства, повышение его эффективности и сокращающих возможность роста уровня жизни народа. Основными из них, требующими безотлагательного решения, он называл три.

Первая – чрезмерная централизация управления, которая снижала роль и ответственность регионов за результаты хозяйственной деятельности, за улучшение условий жизни населения, приводила к плохому использованию, а то и сокрытию резервов и возможностей экономического роста. Нарушался принцип прямой зависимости средств, направляемых из Центра, от результатов хозяйственной деятельности предприятий и в целом регионов. Местные органы тратили основные силы на то, чтобы больше получить от Центра денежных и материальных средств, не особенно заботясь об отдаче продукцией. Такое иждивенчество с одной стороны и командование из Центра – с другой нужно было прекращать.

Вторая – розничные цены на основные продукты питания, которые оставались неизменными в течение нескольких десятилетий и были значительно ниже их себестоимости. В то же время цены на товары фондопроизводящих отраслей и услуги для сельского хозяйства повышались. Государство вынуждено было ком-

пенсировать разницу в закупочных и розничных ценах. Заместитель председателя Госкомцен А. Комин писал по этому поводу: «Продавая населению на 120 млрд руб. продовольственных товаров, мы дотируем их производство и реализацию на сумму 160 млрд руб.». В 1986 году общая сумма таких компенсаций только по закупкам молока и скота составила 60,3 млрд руб. Дотирование искажало действительную стоимость конечной продукции агропромышленного комплекса, доля его в народном хозяйстве по этой причине занижалась примерно на 8 процентных пунктов (27,5 и 35,6).

В условиях, когда розничные цены были в 2,5–3,5 раза ниже их реальной стоимости, а душевое потребление по регионам существенно различалось (29 кг мяса и 186 кг молока в Узбекистане и 93 и 481 соответственно – в Эстонии), компенсационные выплаты только по этим продуктам жителю Эстонии были примерно на 400 руб. больше, чем жителю Узбекистана.

Государственное субсидирование значительной части затрат по продовольственному обеспечению населения приводило к тому, что руководители регионов старались сокращать поставки продовольствия в общесоюзный фонд, повышая возможность роста потребления в своём регионе. Необходимость ценовой реформы была очевидна.

Третья – неверно сориентированное планирование в аграрном секторе, особенно в животноводстве, где важнейшим показателем оценки хозяйственной деятельности колхозов и совхозов было выполнение плана по поголовью скота на конец года. Порочность такой оценки приводила к тому, что хозяйства вынуждены были сдерживать сдачу скота до начала следующего года. Скот передерживался, терял в весе, снижалась его отдача, бесполезно расходовались корма. Особенно пагубно это отразилось на работе животноводческих комплексов, где нарушение ритмичности реализации скота приводило к особо резкому снижению эффективности производства. Страна недополучала большое количество животноводческой продукции, резкие сезонные колебания поставок скота и птицы затрудняли работу мясокомбинатов. В начале 80-х годов продук-

тивность скота оставалась низкой, надои на корову составляли 2–2,2 тыс. кг молока. Скот обеспечивался кормами на 65–70%.

Много проблем было и в других отраслях народного хозяйства, в целом сдерживающих эффективное развитие экономики страны. Необходимость проведения экономических реформ была очевидна, породившие её проблемы широко обсуждались в средствах массовой информации, на научных конференциях, в правительственных кабинетах. Большую работу в этом отношении проводил председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

С особой остротой это было высказано Генеральным секретарём ЦК КПСС Ю. Андроповым в его выступлении в июне 1983 года. На активе, куда были приглашены секретари ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов, руководители министерств и ведомств, Ю. Андропов с большой тревогой говорил, что в нашей экономической системе накопилось много парадоксов, снижающих ответственность и инициативу коллективов, предприятий и организаций. Он просил присутствующих обсудить в республиках и областях, министерствах и ведомствах этот наболевший для всех вопрос, подобрать группы квалифицированных специалистов и учёных и направить их на заводы, сельхозпредприятия, чтобы скрупулёзно совместно с рабочими и крестьянами, руководителями предприятий

определить, что нужно сделать, чтобы устранить помехи эффективному хозяйствованию. Причём преобразовательскую практическую работу предполагалось проводить в несколько этапов, постепенно передавая от Центра на места всё больше и больше управленческих функций. Это была, по мысли Андропова, задача многосторонняя и долговременная. Она должна была осуществляться на основе широкой согласованной программы. Андропов считал, что за Центром нужно оставить лишь формирование основополагающих пропорций, определение правил экономического поведения. Основную часть управленческих функций предполагалось в конечном итоге реализовать на местах.

К сожалению, по ряду известных всем обстоятельств намеченные решения не были реализованы.

В бытность М. С. Горбачёва Генеральным секретарём ЦК КПСС его нерешительность и отсутствие собственного суждения по многим узловым вопросам экономики стали тормозом, который задерживал, а потом вообще хоронил уже обговорённые с ним и подготовленные к утверждению направления и меры. «Так случилось, – говорит В. В. Милосердов, – с предложениями интенсивного развития животноводства, с концепцией повышения розничных цен на продовольственные товары. От слов о перестройке к делу не переходили: сельское

хозяйство, как и прежде, "боролось" за высокое выходное поголовье скота, бюджет тратил деньги на погашение разницы между себестоимостью продукции сельского хозяйства и низкими ценами на неё. Реально реформа пошла не по пути решения скопившихся в советской системе хозяйствования проблем, а в направлении ускоренного и не управляемого здоровым смыслом возрождения системы, где правит частный капитал».

В. В. Милосердов стоял и стоит в первых рядах той части научной общественности, которая отчётливо видит причины экономического скольжения России вниз. Но в отличие от многих, тоже критически и верно, но молча оценивающих ситуацию, он говорит об этом в полный голос.

В статье «Нынешний экономический курс губителен для сельского хозяйства России» он, например, пишет: «По поводу такого "реформирования" можно сказать словами общественно-го деятеля, славянофила А. Кошелева: "Знаете, шибко я боюсь вашей петербургской стряпни. Уж как вы, господа чиновники, да к тому же петербуржцы, да еще вдобавок ученые, приметесь законодательствовать, право, из этого может выйти чисто начисто беда, да еще какая! Знаете, мороз по коже дерет... Многого мы от вас боимся, но на деле вы будете страшнее и ужаснее". Вот уж действительно – мороз по коже. Хлестаковы во власти, изучающие Россию по иностранным источникам, разорили село, устроили крестьянам "Варфоломеевскую ночь". Да и не только крестьянам».

В его книге «Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее» читаем, что «после ликвидации СССР появилась реальная угроза расчленения России на суверенные государственные образования. Б. Ельцин обнаружил свою "теорию" нового государственного устройства России, согласно которой права не спускают сверху, а берут их низы сами, причём в объёме, который сам субъект Федерации сочтёт необходимым. Вслед за Татарстаном, который провозгласил главенство своих законов над федеральными, этот принцип стали считать руководством к действию практически все автономные округа и области. Зона цепной реакции расширилась. Тлеющая межна-

циональная проблема стала раздуваться, на повестку дня был выдвинут вопрос раздела многонациональных территорий. Чтобы отвлечь народ от экономических проблем, стали разыгрывать национальные карты».

С особой остротой пишет Милосердов о возвращённой реформаторами криминальной системе. Говоря словами самого Б. Ельцина в Послании Федеральному Собранию, «криминальный мир объявил войну государству, растёт уличная преступность, преступные группировки тратят огромные средства на подкуп чиновников, на прямое продвижение своих представителей в выборные органы власти. Криминальные группировки уже настолько сильны, что способны реально влиять на положение дел в целых регионах и отраслях экономики, в том числе ключевых. И наибольший интерес у них вызывает топливно-энергетический комплекс и банковский бизнес. Продолжает нарастать волна преступлений в сфере кредитно-финансовой деятельности. Это уже не просто финансовые махинации, а преступления против безопасности государства». В Послании сказано, но криминальная система только крепнет.

Владимир Васильевич категорически не согласен с руководителями финансово-экономического блока правительства в вопросах роли государства в рыночных условиях. По его мнению, Гайдары, Чубайсы, Немцовы и их рупоры типа Чередниченко отстранили государство от регулирования экономических

процессов, передав эти функции свободному рынку, хотя на Западе давно уже поняли, что рынок не в состоянии заменить собой активную государственную политику. «Сегодня свободный рынок существует, – пишет он, – только в учебниках для начинающих, как необходимое для них упрощение».

Не прекращается спор Милосердова с либеральными демократами по поводу продовольственной безопасности. «Ещё с начала 90-х годов западные "советчики", правительственные чиновники, – пишет он, – утверждали, что в связи с открытостью рынка ставить вопрос о продовольственной безопасности в России смысла нет, что он нацелен всего лишь на поддержку аграрного сектора». И критикует А. Кудрина, который в «Российской газете» (12.02.04) «объяснил читателям, что "прямая поддержка возможна и необходима только в одном случае – в интересах безопасности страны. Не продовольственной или экономической безопасности, а настоящей, национальной, чтобы страна сохранила свой суверенитет"». «Итак, – пишет Милосердов, – по-кудрински, продовольственная безопасность для нашей страны – это безопасность не настоящая, к настоящей отношения не имеет, хотя общеизвестно, что страны теряют свою продовольственную независимость, если доля импорта к внутреннему потреблению выходит за пределы 20–30%. Россия давно перешагнула этот рубеж».

В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию отмечал, что Россия должна опередить другие страны в темпах роста и в качестве товаров и услуг, в уровне образования, науки, культуры. Это вопрос её экономического выживания. И президент выдвинул глобальные общенациональные цели – удвоение ВВП, уменьшение бедности, рост благосостояния людей и модернизация армии.

«Особая роль, – пишет Владимир Васильевич, комментируя это заявление, – в решении этой задачи принадлежит сельскому хозяйству. Почему такое внимание к отрасли? Ответ прост, – отвечает он, – сельское хозяй-

ство – важный потребитель продукции фондопроизводящих отраслей. В дореформенный период село получало ресурсы более чем от 80 отраслей. Отрасль сосредоточила у себя 32% основных производственных фондов, создавала около 29% национального дохода, потребляла 30% общего объёма продукции машиностроительного комплекса, 28% – топливно-энергетического, почти 32% – металлургического, свыше 32% – химико-лесного, 35% – строительного. За годы реформ в десятки раз снизилась покупательская способность сельских товаропроизводителей. И, как следствие, оказалась парализована деятельность тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, других отраслей, составляющих в прошлом основу промышленности. Миллионы рабочих остались за бортом. Многие регионы были обречены на прозябание и социальное потрясение».

Открыто высказывает В. В. Милосердов своё мнение о Государственной Думе, которая, по его словам, «молотит пустую солому» – 2/3 принимаемых ею законов – это поправки к уже принятым. Налоговый кодекс Российской Федерации, например, за шесть лет переделывали 82 раза. «Непрерывно штопать старье, – приводит он слова Г. Плеханова, – и столь же непрерывно воображать при этом, что заштопанное старье непрерывно превращается в нечто совсем новое, это значит – непрерывно верить в чудо, открыто и непрерывно насмехаться над всеми законами человеческого мышления».

Когда же разговор заходит о Тамбовщине и Белоруссии, то глаза Владимира Васильевича загораются ясным светом. С большим уважением он говорит о белорусском народе как о братском народе-герое, народе-труженике. Тамбовщина дала Милосердову жизнь, а Белоруссия – крылья. По его словам, ему хотелось бы собственную жизнь изложить на бумаге как летопись человека – активного свидетеля, вольного и невольного участника многих судьбоносных решений и событий. ■

Анатолий ТРУБА

Юрий ЮЛОВ (Горбачёв)

Родился в 1961 году в Гродненской области в семье учителей-филологов. Окончил Белорусский политехнический институт. Автор книг «Фотоальбом», «Сповідзь струны», «Закуцце». Живёт и работает в Минске.

Лютый зимой жители отдалённой от центра руководства деревни попадают на грань вымирания. Жители (громада) и местный руководитель (войт) решают возобновить древний обычай: принести жертву Морозу. Выбирается слабая и незащищённая девица, а дальше всё идет по ритуалу: ничего личного – только дело. Как принято, действо проводится на стыгне (центральной площади), на которой установлен Права – идол справедливости.

НЕПОТРЕБНЫЕ ЛЮДИ

НОВОГОДНЯЯ ФАНТАЗИЯ

В детстве Новый год всегда был желанным праздником, ибо все долгожданные и по понятному совпадению дорогостоящие подарки откладывались именно на эту дату.

В школьные годы с приходом Нового года наступали каникулы, когда самое тёмное и холодное время года можно было провести в натопленном доме, стопроцентно используя фрагментарные солнечные и ледово-снежные подарки природы на улице. Тешили также и телевидение, резко увеличивающее количество рейтинговых программ, и праздничный стол, на который приобреталось или приберегалось традиционно-заветное.

Не помню точно, когда перестал радоваться приходу Нового года. Видимо, с первого года обучения в институте, когда ещё не все

без разбору высшие учебные заведения назывались, как теперь, университетами. Вроде привычный праздник, а непосредственно перед ним – зачётная, а сразу за ним – экзаменационная сессия.

Впрочем, первые трудовые годы и образование малой социальной группы, в просторечии именуемой семьёй, вернули если не полноценное ощущение, то обязанность «весело встретить Новый год». Да и каждый год развитого социализма, который ныне презрительно называют «застоем», увенчивался победными реляциями и впоследствии – чёртоводюжинными тринадцатыми зарплатами.

Перестройка госсистемы и разделка СССР добавили к Новому году ощущение неопределённости, а через короткое время угар перемен

приучил к неприятным сюрпризам: повышение цен, тарифов, увеличение налогов, введение ограничений как личной, так и общественной свободы стали новогодней традицией постсоветского времени. Появился устойчивый рефлекс: с Нового года жди неприятностей.

У Нового года есть нечто общее с днями: все понимают, что это условности, но все с ними соглашаются. Самое мрачное время неотвратимым влиянием отдаления Солнца движется к самому холодному и становится поводом для беспричинного весёлого настроения.

О неизбежности жертв в мрачные времена: так было и будет всегда. Нет более эффективной психологической разгрузки, чем публичное уничтожение себе подобного. Теперь публичность реализуется в виртуально-информационном виде, но значительно чаще.

Юрась Нераток

ТЕМЁНЬ ХОЛОДУ ПОДМОГА

Зима 7024 года в Реньчицах выдалась лютая. Снег выпал уже в листопаде, месяц снежник (вторая половина декабря. – Авт.) добавил свои полметра и надёжно зашпаклевал ледяной смесью травы, тины и планктона багников-болотников в их сховище. Сечень (вторая половина января. – Авт.) превратил в лёд течение речушки Листянки, выморозил микробов в атмосфере, спрятал под горами твёрдых холодных осадков прясла заборов и увеличил вдвое видимые конусы стогов, стоявших за огородами.

Косое солнце волей Крышняя-теплогора бросало на вёску только боковой или рассеянный через тучи-волковыи свет, дающий время отодвинуть дверь от порога снег, нападавший за ночь волею Маруны-ночи, разгрести тропинку до хлева, чтоб покормить-обслужить скотину, и до дровяника, чтоб набрать напилённых брёвнышек на протоп истьбы. И дрова приходилось экономить: сколько до конца зимы, только Роду ведомо.

Колодцы давно промёрзли, поэтому дети постарше сгребали свежий снег в вёдра и переносили его в кади, стоявшие в сенцах. Не

все успевали за пять-шесть часов белёсого полумрака прочистить хоть какую стёжку до шляха на стыгну. Да и шлях громада не рассчитала – не хватало объединительной силы: староста-войт, как и все, прятался в тепле, оберегая себя и своих семейных от мороза и снега.

Разгулялась этим годом Маруна, почувствовала силу! Кто когда жаловался на летнюю ночь? Юнец, который получил оплеуху, когда попытался на вечерках пощупать пухлый бочок сверстницы? Молодуха, что из-под бока мужа изловчилась в чём была выскочить за сарай, чтобы встретиться с кучерявым соседом, который провёл яблонею веткой по окну? Пьяница, что не дошёл двух дворов до дома, да так и уснул у чужого забора до утреннего озноба? Нет, не молились летом Маруне, не боялись её власти. Не замечали, можно сказать. Вот напарнику её, Белану-дню, больше везло: радовались, когда он прибывает, а она уходит. И летом Белан был радостен людям, и зимой. Да и не боялись ночи люди, темно – так подсвечивают: кто свечкой, кто лучиной. Только перед засыпанием и был миг, Маруне приятный: ничего не выразив словами, её благодарили за возможность уйти на время из этого трудного мира, чтобы отдохнуть телом. И душой попасть в светлый мир снов.

Зато нынче на Маруне не только тьма. Теперь они вместе с Зимарзадой дела воруют. Зимарзада остудит, а Маруна добавит, Зимарзада – снеговеем-снегопадом, Маруна – мглой.

ХОЛОД НЕ ТЕРПИТ ГОЛОДА

Со стыгны, возвышенной площадки для решения общих вопросов, слабо прилипающие холодные снежинки сдувались ветром, поэтому истукан Права, идол справедливости, почти сохранил грозные контуры, в том числе – занесённый для удара по нарушителям устоев громады кулак.

Чёрные дымы, отчётливо видимые в утренних и вечерних сумерках, поднимались из печек десятиметровыми столбами, сливавшимися выше со мглой. В нескольких хатах из-за постоянного перегрева треснули швы меж

кирпичами-цеглинами – сдавался связующий раствор, менее устойчивый к перепадам температур, чем обожжённая глина. Приходилось приоткрывать дверь в сенцы, чтобы через щёлку вытягивался угар. Само собой, поменьше палить: ещё одна-две трещины – и нет спасения: печь, дарительница тепла, может развалиться. Вывалившуюся цеглину в живую (да и в остывшую!) печку не вставишь – это как заткнуть ладонью Солнце. Разумеется, для этого случая в каждом доме были переносные курные печи из железа, валявшиеся на крайний случай в будане – хозяйской пристройке. Но это – лишь бы выжить-согреться-подсушиться: жить-спать всё равно приходилось в холодрыге.

В каждом отдельном доме жизнь шла своим чередом: варилось ядло-хлебталово (себе и скотине), щепалась лучина, перебиралось зерно, сновали кросна, подлаживался инструмент, который понадобится с приходом весны. Дети, которым любой катаклизм – новизна и устойчивая реальность одновременно, соскакивали с печных лежанок через полатцы, на которых лежали старики, вниз, на дощатую или земляную подлôгу, резвились, пока не надоедали старшим или взрослым. Через некоторое время под нарочито грозный окрик вновь прятались в тёплую темень под потолком и шебуршали меж старых свалявшихся, но таких уютных кожущков уже там.

Продукты приходилось экономить всё жёстче: малоподвижность, хвори и бездельность всегда предполагают перерасходы на бытие, особенно на еду и нагрев жилища. А еды становилось меньше – старики в бедных семьях не претендовали ни на хлеб, ни на сало, ни на молоко.

В гости или по делам друг к другу давно уже не ходили, вечёрки на улице после празднования сбора урожая, осенін, были только два раза, затем резко похолодало. Молодёжь собиралась, правда, несколько раз в большой истьбе бортника Шатохи. Да и потом на задворках – только по тихому сговору, нечасто. Любовь никуда не сховаешь: бьёт криничной струёй!

Так или иначе, лютые три недели холода и снеговья выморозили Реньчицы. «Депрессняк» – слишком мягкое определение ситуации,

требующей жертвы, которой может оказаться любой. Все постигшие логику жизни – люди старше сорока – знали это чётко, юные – чувствовали, совсем малые – резвились, смеялись, плакали: жизнь для них только начиналась. И это полное незнание жизни, безоглядная уверенность в том, что будет хорошо, давали силу и решительность остальным.

ИЛИ ДУЙ, ИЛИ ГЛОТАЙ

«Крайняя, ближняя к кладам (*кладбищу*. – Авт.), хатинка – ведьмы Кукавойтки. Живёт она там с дочкой, нагулянной от Лесовика. Дочка Репенья красива под стать имени: круглолица, пышноволоса, – но глаз дурной, как и у щурки-родительницы: глянет – хлопца заворочит, бабу сподножит, старика хворью уложит. К слову сказать, чаще зренки в землю опускает – не хочет, чтоб люди плохо о ней говорили. Потому и живёт в миру, даже когда ведьма-матунечка в тёплое время от людей в гуцар (*чащу*. – Авт.) хоронится. Да и сама уж ведьмовать научилась. Пока незатейливо, но уже действенно: вылечивала людей. И работяща-тяговита Репка – не отымешь. Жениха ей здесь, понятно, не было и не будет: с годами, если выживет, только ведьмой ей и быть. А без ведьмы как селищу жить, тайные хлопоты справлять?

Перед ольховой рощицей живёт семья деда Мигайлы – двенадцать душ. Старшая внучка его Лиздея ленива и красавиться любит. А кому твоё красовство надо, если ты кудель прясть неохоча? Коль и подберёт какой заезжий радец (*районный депутат*. – Авт.), то через год-два лахундрой-брошенкой станешь. Но у Мигайлы четыре мужика – вилы и секары (*топоры*. – Авт.) в руки хватают справней, чем ложки.

Лелюшка, мельника (*мельника*. – Авт.) Лехны дочка, чрево оплоднила, коло берёзки с выбранцем не пройдясь. Ведомо от кого, но мужеское семя как ветер: спросу никакого. Лехна слабый нынче, молку (*мельницу*. – Авт.) свою так и не наладил толком: пришлось овёс ступном расталкивать. Теперь шалупиньем дристать приходится... Ноги у него ходить перестали. Да в брюхе Лелюшки дитёнок – бабы

взвоят. Хоть что нам те бабы, коль нагулянное – общине обуза? И родит она ещё иль не родит: кособоко как-то ходила ещё в осень, теперь прихрамывает. Что это, чтоб молодая девка, ногу не повредив, хромала-ковылькала? Мамка её, Ликерья, во всём мужу послушная, а с дочкой не всегда в ладу. Норовистая Лелюшка. Но и хитра, как батька. Спросил её как-то, кто главнее: Солнце или Бог? Отвечает: “СолнцеБог, дядька!” И имя подходящее – что Лелюшка, что лялька...»

Войт Автюшка усмехнулся, будто нашёл то, что искал.

«Людмила, дочка Гольши-кузнеца, суперечница. “Не пойду, не хочу, не буду!” Отец поблагу с малолетства давал: единственная из тройни выжила. Слабенькая, правда, и в самом деле: дых через раз. А языком, как разоидётся, бойкая: сопит и болбочет. И сыновьями Гольшу Род обделил: два сморкача – десять и двенадцать лет. Гольша сам тихий, да брат его, Волчок, негодный в разноречии, и ручница у него боевая – громом грянет и железо пробьёт. В том году в Белой Руси москхавтов бил, так воевода разрешил забрать ручницу вместо злотников. Не было тогда у воеводы злотников, а рассчитывать нужно.

За речкой Листянкой Транька одноглазая с мамкой да с братьями живёт: ячменным остюком глаз повредила – с каждым может случиться. Девка справная, к работам пригодная, в тяжбу никому не будет. И без жениховства общине посильную подмогу даст.

Тридцать дворов, а выбери-ка кого! Хоть своих, чур-чур, отдавай! Тогда Лелюшка или Людмила – только Волчка скрутить, чтоб стрельбу (ружьё. – Авт.) зарядить не успел. А может, и Репенью – ведьмы почти всегда пришлые. Своих изнищим, чужие придут, сколько беды той...»

Неспроста думал войт Автюшка. Зашли к нему, снег с валенок не сбив, семь мужиков, сваты Морозки: «Снежевинку лепить нужно, войт! Не высилим зимы. Не будет твоего указа – житло твоё спалим!»

И такой обычай был: станут вокруг хаты, подождут что у кого есть, замолкнут и сигнала ждут. А сигнал может быть любым: веточка треснет, собака гавкнет, петух пропоёт – лишь бы звук. А затем как один швыряют запалы на крышу, под стены и в окна. И не осудишь – ибо громадой...

Правда, главный крикун, бортник (пчеловод. – Авт.) Шатоха, сразу предложил Автюшке и ещё любым его трём душам после сожжения хаты довесновать у него. Хата хатой, а людей даром отдавать – думать надо. Дар – всегда убыток, бесполезное дарить – и есть компромисс. Жёрти (жрать – отсюда слово «жертва». – Авт.), в себя пихать, понятное дело, и богам нужно, но отдавать не впрок – дело неразумное.

Так же думал и Автюшка. Как представитель власти, которая окончила своё влияние его выбором общиной, и до сегодняшнего общественного давления он понимал, что Княжеством сватовство Снежевинки-Снегурки не поощряется. Но даже поветский наместник Левон Круглик, ранее тивуном именуемый, сюда почти не наезжал, только писаря присылал, если редкая потреба была. Тяглых и невольных людей из Реньчиц не брали, на господарскую скарбонку (бюджет. – Авт.) ни грошей, ни скотины не взымали: земли болотистые, народ бедный – живы бы сами были. Простят не простят, а глаза отведут и на этот раз... А пока – холодно: Спас идёт ли, нет ли – неведомо.

«Тут уж или дуй, или глотай – жевать нельзя. По выбору мне дуть положено. И так засиделся, решение задержал – холода уж третью неделю. А всё ж нескольких назову, не одну – пусть сами выбирают. И назову имя тихонько, на ушко крикуну-хитруну Шатохе – научу, как жить на белом свете! Он и так знает, из кого Морозке Ляльку мастачить... А вот что где совпало – не дознается и громада, не осилит. Это уж его и мой секрет – остальным ведать не обязательно...»

Время и возраст

Мы вступаем в различные возрасты нашей жизни, точно новорождённые, не имея за плечами никакого опыта, сколько бы нам ни было лет.

Ф. Ларошфуко (1613–1680),
французский писатель

Кажется, совсем недавно «песочные» часы жизни спокойно, но безоглядно и неумолимо, равномерной тоненькой струйкой убывающего времени отсчитали мои пятьдесят.

Возраст чем-то напоминает несамостоятельное, неопытное дитя, которое с момента своего рождения пытается удержаться за руку ведающей всё на свете матери – времени.

Мать и дитя – время и возраст. На первый взгляд такие родственные, неразрывно свя-

занные друг с другом категории. Но различие между ними не имеет аналогов в сотворённом по неким непостижимым для человеческого сознания законам мире. Подобно заданному маршруту, возраст всегда отмеряется началом и концом. Время же ни начала, ни конца не имеет. Есть лишь замкнутый цикл смены времён года: за летом идёт осень, затем зима, за зимою – весна и опять лето. Иллюзия бессмертия... И непрерывного движения по кругу...

Всё ещё отношусь к своему возрасту легко, без страха и сожалений. Может быть, потому, что нередко слышу комплименты? Кто его знает, каким окажется моё восприятие возраста, когда в зеркальном отражении увижу навсегда утратившее свежесть, изрытое старческими морщинами собственное лицо. Что если воз-

раст, словно острое лезвие, полоснёт по моей внезапно протрезвевшей душе? Покажет время.

До сих пор для меня возраст отождествлялся с определёнными способностями воспринимать то, что окружало и с чем соприкасалась. Каждый возрастной период был неким своеобразным, мало похожим на предыдущий континентом ощущений и чувств.

В ту блаженную пору, когда ещё не умела читать и хоть сколько-нибудь рационально мыслить, я будто невидимой пуповиной была связана с истинным, не искажённым ни своим, ни чужим знанием многомерным и многогранным миром. Его краски казались ярче и плотнее, звуки – отчётливее и тоньше, а волнение, вызываемое ими, потрясало душу. Тогда, в детстве, меня окружали не просто небо, деревья и травы, а Небо, Деревья и Травы. Всё имело другое величие, другую масштабность и словно благовествовало о том, что мир существует для меня и, может быть, даже возник ради меня. Я ощущала, улавливала это не умом, не мыслями, а кожей. И исполненная доверия к этому сотворённому для меня миру, не сомневалась: ничто и никогда не сможет омрачить мою радость.

Но когда эта радость при первом же, пусть даже и детском, испытании из-за незначительного, на сегодняшний взгляд, удара вдруг разлетелась на крошечные осколки, я поняла, что мир существует не только для меня одной. Что на земле есть множество других людей. И каждый из них имеет такое же исключительное право на этот мир.

Неожиданным потрясением стало осознание того, что им, людям, по большому счёту нет никакого дела до меня, и, растерявшись, я вдруг почувствовала себя одинокой, незначительной и уязвимой. Так, наверное, появляется на свет, словно цыплёнок, вылупливающийся из яйца, робкое и неокрепшее, только-только начинающее сомневаться и думать «я» и вместе с ним – «эго».

Тогда, искренне оправдывая и воспринимая как справедливое это своё «эго», я не догадывалась, что придёт время учиться распознавать почти каждый из его многочисленных оттенков и, вывернув изнанку мною же

искусно упрятанной от посторонних глаз его порочной сущности, до изнеможения, «до крови» сражаться с ним. И с каждой, пусть даже с самой незначительной победой над своим «эго», вглядываясь в других людей, я больше и больше буду понимать: все мы похожи в основном. И эта похожесть – естественна. Потому что общий «архетипный» опыт коренится в каждом из нас, притом достаточно глубоко. Индивидуальное как бы погружено в него. И такая широко распространённая схема (нет человека, который бы в те или другие моменты жизни не воспринимал мир по ней!) – «я» – центр, а по периферии – «они», то есть народ, – сегодня стала для меня неприемлемой. Ведь «я» – это тоже «они». И все мы похоже радуемся в детстве, мечтаем в молодости и печалимся, когда стареем. Пусть простит меня читатель, но смею думать: аналогичное тому, что чувствовала в том или ином возрасте я, где-то в другом уголке земли чувствовал немец, француз или африканец.

Поэтому, описывая пусть незначительные, но особенные, острые по ощущениям ситуации и события, произошедшие со мной, может быть, где-то в глухой белорусской деревушке, и в помине не знававшей ни одного иностранного гостя, я не сомневаюсь, что тот же немец, француз или африканец поймёт меня, вдруг обнаружив что-то созвучное моим чувствам и как будто знакомое в собственной душе.

В детстве мне казалось, что небо над моей любимой деревней с её невысокими хатами простиралось во всю ширь земли. Днём оно было то безоблачным, бледно-голубым, то в причудливо клубящихся облаках. Вечером – насыщалось тревожащими душу сгущающимися красками: от сине-фиолетовых до багровых. Ночью небо становилось таинственным и влекущим, особенно когда на нём проявлялись звёзды.

Бывает, во время бессонницы отчётливо видишь то яркое и невозвратное, что когда-то взволновало и до конца твоей жизни держится в памяти.

Вот я, брат и родители в нашем первом совместном «ночлеге» на днепровской песча-

ной, поросшей молодыми вербами косе... Папа переправил нас сюда с берега на лодке. Соорудил из лозовых веток шалаш.

Догорал костёр. Вчетвером рядышком мы лежали на душистой, свежескошенной траве и смотрели в черневшее небо. И те впечатления от звёздного неба во мне ярче и яснее, чем от первого поцелуя, поступления в институт и даже чем от тех минут, когда впервые на самолёте взлетела в его бескрайние просторы. Я вспоминаю то ночное небо с гораздо большим волнением, чем многие другие важные события моей жизни.

Тогда я не могла отвести глаз от мерцавших, завораживавших внеземной красотой больших и маленьких звёзд, черкающих темноту метеоритов, пролетающих самолётов, а может быть, даже и спутников. Папа тихо, загадочным полусёпотом, рассказывал о планетах, непостижимости для нашего познания и бесконечности Вселенной, о вечности. И мне казалось, что я смотрела в космос из колыбели земли. И космос чувствовал меня, безмолвно мигая звёздами. В такие минуты открывается тайна: если в небо смотреть долго, теряешь границу между ним и землёй. Или звёзды опускаются, или ты возвышаешься к ним и втягиваешься, втягиваешься бездонной далью...

О, какое же это было счастье – находиться рядом с самыми близкими тебе людьми и, лёжа под открытым, бесконечным, полным загадок небом, вдыхать запахи трав и реки.

Днепр с его обрывистыми берегами, в которых ласточки делали свои норки-гнезда, с его плёсами, песчаными косами и отмелями, со старицами и заливыми лугами был самой красивой, самой главной рекой на земле, потому что он был моей рекой. Мне нравилось смотреть на проплывавшие мимо ракеты, катера и баржи, на стремительно наворачивавшуюся, слизывавшую с берегового песка свежие следы волну, на стайки мальков, замиравших в прозрачной, прогретой солнцем песчаной отмели. Любила вкус днепровской воды, тогда ещё вполне чистой, которую черпали прямо из реки кепкой или панамкой и тут же, процеживая через свой головной убор, пили. А ещё нравилось, присев на берегу, смотреть вдаль,

Наталия КОСТЮЧЕНКО

Родилась в 1963 году в деревне Старая Иолча Брагинского района Гомельской области. Окончила лесохозяйственный факультет Белорусского государственного технологического института им. Кирова. Прозаик, публицист. Лауреат республиканского конкурса «Лепшы твор года» (2011), VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017), Литературной премии имени народного писателя Беларуси Ивана Шамякина (2018). Отличник печати Беларуси. Лауреат Общественной премии Союзного государства. Заместитель председателя МГО ОО «Союз писателей Беларуси», председатель секции прозы ОО «Союз писателей Беларуси», член Союза писателей Союзного государства, член Общественной Палаты Союзного государства, главный редактор журнала писателей Союзного государства «Белая Вежа», член Совета Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи.

в ту сторону, куда несла свои воды моя река. К морю. Представляла, как она ширится и набирает силу. И думала, что вот так же будет шириться, устремляясь в будущее, и набирать силу моя жизнь.

Память... В ней всё: и запахи, и звуки... И даже вкус пищи... Случается, что какое-

нибудь одно, пусть даже мимолётное ощущение вдруг возвращает тебя в детство. Причём настолько живо, настолько осязаемо, что воспоминание словно становится реальностью.

Как-то, немного приболев, я заварила полынь и бессмертник. Запах, горечь этого отвара так не нравились в детстве... Бабушка выводила меня в сенцы, протягивала кружку с этим горьким лекарством и уговаривала сделать глоток. Я морщилась, отпивая невкусный отвар. Горечь... Помню то неприятное ощущение... Делала глоток через силу.

Сегодня с волнением вынимаю из полотняного мешочка сухую траву, собранную летом. Заливаю кипятком и с благоговением, трепетом настаиваю.

Как пахнет... Родным... Чувствую присутствие бабушки, которой уже более двадцати лет как нет. Делаю глоток... Замираю от ощущений... И нет ничего слаще этого горького напитка.

К сожалению, то, что в детстве волновало меня, тонкое, слитое с невидимой первоосновой бытия, постепенно стало угасать. И с возрастом это угасание становилось всё заметнее.

Пришло время, и постучался в мой ещё неискушённый, неопытный мир Эрос, чтобы стать властителем эмоций и страстей, заглушая тихую, нежную мелодию детских чувств. И эти страсти и эмоции требовали душевных сил, всех, без остатка. Серебристый голос детства звучал всё тише и глуше.

И вот теперь, прожив почти полвека, я слышу уже другой голос. Он делает всё ровным и почти безэмоциональным. Хотя ещё по привычке восклицаю: «Как чудесно!» или «Прекрасно!», но редко чувствую это чудесное и прекрасное. Новый, зрелый голос быстро гасит редкие всплески радости, не позволяя ожидать от судьбы чуда, как бы благополучно ни складывалась жизнь.

Может, в этом мире, сплетённом из всех открытий и достижений человечества, дороже всего маленький бесплотный сгусточек детской души?

Я редко снюсь себе в теперешнем возрасте. Мои сны как будто отказываются воспринимать

настоящий возраст и застряли в прошлом. Иногда во снах я совсем юная и, радуясь, вижу живыми и полными сил своих дедушку и бабушку, а также многих из тех людей, которых больше нет на этом свете. И нередко, как в молодости, волнуясь от переполняющих меня чувств, тороплюсь на одно из своих первых, далёких, которым больше никогда не повториться в реальной жизни, свиданий.

Человеческая жизнь словно вращается вокруг молодости. Молодость – «осевое время» человека. Только в молодости тебе даётся безусловная вера в себя, предощущение значительного, непременно счастливого будущего, скрывающего невероятные, мыслимые и немыслимые возможности. Тайна твоей судьбы пока ещё не раскрыта. Поэтому всё, что впереди, манит и привлекает. И ты чувствуешь своё особое предназначение, избранность.

В детстве я предвкушала молодость, нетерпеливо ждала её прихода (вот вырасту большая!), а сейчас с грустью думаю о ней. И хотя молодость, как принято считать, обладает полнотой сил и возможностей, я с горечью тушу последние угольки её бывшего дерзкого и самоуверенного высокомерия.

Впереди – старость. Её приближение остро чувствую, видя, как стареют, теряют физические силы самые дорогие для меня люди – мои родители. Иногда, мысленно примеряя их старость на себя, боюсь самого страшного – разлуки. Удивляюсь, насколько недавно, чуть ли не вчера, им было столько же лет, как мне сегодня, а теперь ещё более короткий, можно сказать, ничтожный промежуток времени отделяет мой возраст от их. Вот он где, жестокий и необратимый закон ускорения! Уже не тянутся, а всё быстрее пролетают зимы и вёсны. Теперь ты не только обретаешь в этом неудержимом беге жизни, но и теряешь. И с каждой очередной потерей всё чаще задумываешься о смерти. Мысли о ней вызывают щемящую, необъяснимую тоску, некий холод, который сосёт изнутри.

Больше всего боюсь потерять близких. И этот страх, безотчётный, подсознательный, почти всё время со мной... А в те минуты, пусть и редкие, когда он неожиданно становится

пронзительным, перед глазами возникают эпизоды из жизни – обыденные, ничем не примечательные, – но которые теперь, с возрастом, воспринимаются как главное и самое дорогое. Вот мама, ещё молодая, укладывает перед зеркалом в строгую причёску свои длинные русые волосы... Папа, сидя на диване, при свете бра читает газету. Лицо у него сосредоточенное, чуть нахмуренное, серьёзное. Мне не хочется ему помешать, ведь комната родителей – зал – проходная, и только через неё можно попасть в крошечную прихожую, ванную, кухню. Иду мимо него на цыпочках, тихонько, чуть ли не крадучись, чтобы не отвлекать... Вспоминается и наша с братом шестиметровая комнатка-спальня с диванчиком и креслом-кроватью, одноместной раскладной партой, за которой я школьницей готовила уроки, и с двумя книжными полками на стене. Эта маленькая, небогато обставленная квартирка-полуторка до сих пор снится и кажется мне уютнее, чем нынешняя, просторная, с тщательно продуманным интерьером.

Давние полузабытые эпизоды возникают перед глазами и исчезают быстро, словно в немом кино. И хотя во всплывавших в памяти мгновениях ничего особенного не происходило, они для меня бесценны. И я люблю до боли, до слёз тех, кто предстаёт в этих мгновенных картинах: маму, отца, брата...

Иногда думаю, до чего же уязвима человеческая жизнь, сколько всего угрожает ей. Её защищает только тонкая нежная кожа да маленький язычок дверного замка. И ещё оконное стекло. Оно, правда, вообще не защищает. Недаром говорят: хрупкое, как стекло... А вокруг – полный опасностей мир. Телевизор посмотришь: где-то наводнение, ураган, цунами, астероиды летают, звёзды взрываются, а там война, террористический акт, кого-то убили... Нет-нет да и промелькнёт мысль: как хорошо, что не меня, не близких моих. И каким призрачным и неустойчивым покажется вдруг благополучие твоё и твоих родных. Оказывается, смерть всегда наготове, рядом, постоянно дышит в затылок... Только ей одной позволено поставить точку в конце твоего земного пути. И только о ней никогда не хочется думать. Ка-

жется, пока о ней не думаешь, ни с тобой, ни с теми, кого ты любишь, ничего не случится.

Но вот уходит знакомый человек. Не близкий. Его, конечно, очень жаль. И вдруг в подсознании, где-то очень глубоко в тебе вспыхнет и потухнет мысль, даже не мысль, а импульс какой-то, совсем не похожий на сострадание: «Не я!» «Пока не ты», – соглашается смерть. Однако у чьей-то, пусть даже чужой могилы больше боишься не за себя, а за того, кто дорог.

С каждой утратой и вызванной ею жгучей, невыносимой болью – стареешь. Да и сами мысли о смерти – первые вестники приближающейся старости.

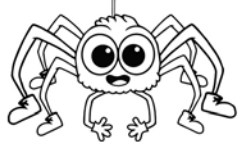
Хотя, наверное, умение быть старым – особое искусство. В старости больше не требуешь от мира того, чего он не может тебе дать, и обретаешь важнейшее из чувств – смирение. Смиряться, становишься ближе к Богу. А в этом, может быть, и есть главный смысл человеческой жизни?

Старость – это постоянная встреча с прошлым, которое уже не мечтает, а взывает, спрашивает с тебя, тычет тебе в глаза, в душу твоими ошибками, слабостями, пороками и упущенными возможностями. Старость, может, для того и нужна, чтобы спросить с тебя за молодость. Ты уже не имеешь возможности сказать: я многого достигну, многое сделаю... Всё перед тобой: вот оно, смотри, что ты сделал, чего достиг. Не из-за этого ли мучительного ощущения несостоявшегося так не любят старость?

Кто-то считает старость унижительным состоянием, напрасно отведённым человеку природой отрезком жизни.

А может быть, старость – это проверка на мужество? Ты становишься немощным, сужается твоё окружение, в какой-то степени ты начинаешь чувствовать себя одиноким, обезображиваешься и неотвратимо приближаешься к черте, за которой мрак неведения. Нет у тебя ни красоты, чтобы очаровывать, ни силы, чтобы противостоять.

И всё же, по-видимому, неспроста дан человеку этот сложный последний, но, возможно, самый главный в его жизни период. Время остановиться и время задуматься. Время жатвы и время покаяния. А по большому счёту – момент истины. **А**

ПАУЧОК СЛАВИК

В комнатке двух сестричек, Милы и Маши, поселился паучок Славик. Он облюбывал местечко у окна, за занавеской. Там было светло и уютно. И ни для кого не приметно.

Утром мама будила девочек.

– Красавицы, пора вставать! – звучал её ласковый голос, и зажигался свет. Девочки, сладко потянувшись в своих кроватках, быстренько подхватывались и начинали собираться в школу.

Но прежде всего они приступали к утренней зарядке. Паучок следил из-за занавески, как они выполняли упражнения. Он так же пытался разводить вширь свои восемь лапок, но так ловко, как у девочек, у него пока не получалось.

Славик никогда не был в школе. И очень завидовал Миле и Маше, когда те надевали сарафанчики, заплетали косички и, весёлые, бежали на занятия. От девочек он узнал, что школа – это большой дом. Там много учеников, и учителя рассказывают им много интересного.

– Вот бы и мне в школу! – воображал себя учеником Славик. – Я научился бы писать, читать и, как и девочки, прочитал бы много книжек.

Но он был лишь маленьким паучком. И никак не мог отправиться в такой далёкий для него

путь. Да и кто его возьмёт в школу? У него же нет даже портфеля...

Чтобы не скучать, Славик смастерил в углу окошка паутинку. Ему казалось, что это парус, а он – отважный капитан. Славик медленно качался на своей лёгкой паутинке и мечтал о необычных путешествиях.

На подоконнике в красивой вазонике жил кактус. Девочки называли его Мистер Сэм. Он был круглый, гладкий, очень похожий на арбузик. Чтобы порадовать Славика, кактус часто рассказывал ему захватывающие истории. О песчаной пустыне – своей далёкой родине – он знал их немало. После таких рассказов Славик смелел и выбирался из-за занавески. Но когда звонили в дверь, он тут же давал задний ход.

Первой возвращалась из школы Маша. Оно и понятно – во втором классе уроков меньше, чем в четвёртом, в котором училась Мила. Маша терпеливо ждала сестру. Вдвоём им было явно веселее.

Славик с восторгом слушал, как девочки щебетали, наперебой рассказывая о школьных новостях. Любопытный паучок знал даже девичьи секреты: Миле нравился Костик – мальчик из

параллельного класса, а Маше прислал записку одноклассник Никита. Что он писал, паучок узнать не смог, девочки читали записку шёпотом, а потом долго хихикали.

Славик время от времени поглядывал в окно. Там осень меняла краски. Вокруг было очень красиво, пока не пошёл хмурый дождь. Тёплый уголок маленького паучка разделяло с улицей только стекло. И он по-своему радовался комфортной жизни.

Всё шло своим чередом, пока не выпал снег. Первым удивился Славик. Он никогда не видел, чтобы кругом было так бело. На дерево, стоявшее рядом с их домом, прилетела ворона. Под тяжестью птицы ветка вздрогнула, и с неё посыпались лёгкие пушинки.

– Какое чудо! – вырвалось у впечатлённого этим зрелищем Славики.

– Да-да! – поддержал его кактус Мистер Сэм, для которого снег также оставался волшебством, хотя и видел он его уже не первый год.

– Снег! Ура, выпал снег! – слышались счастливые голоса девочек, когда они наконец догадались, почему так посветлело на улице.

– Слепим снеговика!

– Поиграем в снежки! – наперебой кричали Мила с Машей, искренне радуясь наступившей зиме.

Девочки бросились к окну, отдёрнули занавеску, а там... От неожиданности они забыли о том, что их только что так приятно впечатлило.

На девочек смотрел Славик. Природа сделала его чёрным, голову соединила с грудью, надела четыре пары ног. Такие уж они существа – пауки. Как известно, они льнут к людям, чтобы нести им пользу, предупреждая в нужный момент об опасности или предсказывая хорошие новости в ближайшем будущем.

У большинства пауков восемь глаз. И глаза Славики излучали доброту, умноженную в несколько раз. Но кому она была нужна, эта его доброта?!

– Фу, паук! Какая гадость! – скривилась Мила.

– С детства не терплю пауков! – поддержала сестру Маша.

От таких слов Славик просто онемел. Он не мог ни о чём думать в эту отчаянную минуту.

Испугался за друга и любимец девочек Мистер Сэм. Он никогда не слышал от сестричек таких неприятных слов.

Казалось, смутилась сама радость, став внезапно никому не нужной.

В этот напряжённый момент в комнату вошла мама. Мила и Маша бросились было к ней за спасением, но она, мгновенно поняв, в чём дело, сказала:

– Девочки, паучок принёс нам такую приятную новость – первый снег. Зачем же нам его обижать? И тем более не стоит паучка бояться! Он же такой маленький и беспомощный. На свете много необычного, и ко всему нужно относиться с пониманием, всё надо любить таким, какое оно есть.

Мила и Маша смутились. Им было очень стыдно перед Славиком.

– А он и в самом деле очень миленький, – сказала Мила, подойдя ближе к окну и с интересом разглядывая паучка.

– Не дадим тебя в обиду никому! – расчувствовалась Маша и предложила: – Давай дружить!

Посмелевший Славик в знак согласия пошевелил лапкой. И кактус Мистер Сэм перестал надувать от волнения щёки. Может, взяли бы и его снеговика лепить? **А**

Елена СТЕЛЬМАХ

Заслуженный журналист Белорусского Союза журналистов, член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России, первый заместитель председателя Союза писателей Беларуси. Детский писатель, который любит создавать свои произведения вместе с детьми. Семья у писательницы большая – две дочки и три внуки. Своей девичьей кампанией под интригующим псевдонимом Ева НЭММ (за основу взяты первые буквы имен авторов) они, утвердив серию «Книга волшебства», издали книги «В гостях у Франциска Скорины», «Большое представление для Сонечки». Еву НЭММ знают в Беларуси и за рубежом, потому что девиз веселых писательниц: «Вместе с книгой ищем мы друзей». Герои сказки «Паучок Славик» – ее неунывающие девочки.

26 июля в городе Мичуринске прошла церемония награждения победителей XVIII Всероссийского конкурса на лучшее освещение в СМИ темы патриотического воспитания «Патриот России». Это самый массовый и популярный в нашей стране журналистский конкурс, он проводился Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, Международным пресс-клубом при участии Министерства обороны Российской Федерации, поддержке администраций Тамбовской области и города Мичуринска, областного Союза журналистов.

В зале Мичуринского драматического театра собрались около 100 лучших журналистов, представляющих более 70 средств массовой информации из 40 субъектов Российской Федерации. Вместе с журналистами в зале – руководители органов власти, студенты и курсанты высших учебных заведений, представители общественных организаций.

От имени главы региона и от себя лично всех присутствующих поприветствовал глава города Мичуринска Максим Харников.

«Каждый из вас доказывает главное: журналистика способна быть конкурентной, качественной и объективной. Особенно ценно и важно направление ваших материалов, которые легли в основу этого конкурса, – патриотизм, духовность и нравственность. Хочу выразить вам признательность за это. Желаю всем вам новых свершений, творческих идей и интересных информационных поводов! Остроты пера, свежести взглядов и новизны идей! Надеюсь,

что наукоград оставит в ваших сердцах добрые и приятные воспоминания на долгие годы», – отметил глава города.

Лучших из лучших отметили в пяти номинациях: «Культура и искусство», «Служу Отечеству», «Мы – россияне», «Россия молодая», «Россия – великая наша держава». Награждение проходило отдельно среди печатных и электронных СМИ. С 2015 года победителям – обладателям 1-х и 2-х мест в конкурсе вручаются золотые медали «Победитель Конкурса СМИ "Патриот России"» и серебряные медали «Лауреат Конкурса СМИ "Патриот России"».

В числе награждённых были и мичуринцы. В номинации «Служу Отечеству» 2-е место и серебряную медаль получил главный редактор газеты «Мичуринская правда» Михаил Белых (за публикации, посвящённые восстановлению памяти о героях-земляках).

В номинации «Культура и искусство» дипломантом стала группа авторов журнала

«Александръ» (главный редактор журнала Анатолий Труба награждён за организацию цикла публикаций о жизни, творчестве и наследии А. С. Пушкина, Роман Леонов – за серию материалов о Мичуринском драматическом театре, заслуженная артистка России Татьяна Николаева награждена за публикацию воспоминаний о театре «Любить – служить – верить!»). Анатолий Труба подготовил свои награды, одна из которых была вручена известным в Мичуринске людям – Василию Ивановичу Попкову и Геннадию Яковлевичу Щербеневу.

В номинации «Россия – великая наша держава» дипломом отмечены корреспонденты мичуринского телевидения Альбина Адам и Светлана Корчагина (руководитель – Юлия Попова) за телесюжеты о мичуринском военно-патриотическом клубе.

Дипломантами среди периодических печатных изданий в номинации «Россия молодая» стал коллектив газеты «Вести Мичуринского государственного аграрного университета» (главный редактор – Дмитрий Галкин) за серию публикаций о жизни современного студенчества.

За активную и эффективную работу по подготовке и проведению Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» золотыми медалями были награждены глава города Ми-

чуринска Максим Харников, его заместитель Лариса Китайчик и главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба. Награды вручил заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Козлов.

Торжественную церемонию своими творческими номерами украсили вокалисты Алексей Зверев и Лидия Кривец, ансамбль народного танца «Юность», ансамбль классического танца «Росинка», хор «Соловушка» и ансамбль казачьей песни «Станица». А

